

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Том 2

СИНТАКСИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ
И ИХ ВАРИАНТЫ

Ответственный редактор *А. И. Варшавская*

1269921

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1997

УДК 802.0==82

ББК 81.2 Англ.

А43

Авторы: А. В. Зеленщиков (ч. I, гл. 1; ч. II, гл. 2), Ю. П. Третьяков (ч. I, гл. 2), О. П. Малиновская (ч. I, гл. 3), Е. Г. Хомякова (ч. II, гл. 1), В. В. Бурлакова (ч. II, гл. 3), Е. С. Петрова (ч. II, гл. 4), А. И. Варшавская (ч. III, гл. 1 и 2), Е. Н. Корф (ч. III, гл. 1), Ф. Н. Карташкова (ч. III, гл. 2), С. В. Силянский (ч. III, гл. 3).

Рецензенты: ст. науч. сотрудник В. А. Стегний (Ин-т лингвистических исследований Российской АН), д-р филол. наук, проф. Л. П. Чахоян (С.-Петербург. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
С.-Петербургского университета*

Актуализация предложения: В 2 т. Том 2: Синтаксические модели и их варианты / А. В. Зеленщиков, В. В. Бурлакова, Е. С. Петрова, С. В. Силянский и др.; Под ред. А. И. Варшавской. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. — 176 с.

ISBN 5-288-01582-1 (т. 2)

ISBN 5-288-01625-9

Во втором томе коллективной монографии основные синтаксические модели простого предложения английского языка рассматриваются как формы существования в языковой системе категорий предикативности, интенциональности, транзитивности и локативности; исследуются разнообразные структурно-семантические, лексические и коммуникативные факторы, взаимодействие которых обеспечивает контекстуальную вариативность отдельных моделей и адаптивность языковой системы к потребностям коммуникации в целом. Адаптивность синтаксической системы трактуется как ее естественное состояние — результат действия двух тенденций: стремления к жесткой закреплённости в структуре и расширения семантических и функциональных возможностей модели.

Для преподавателей английского языка в вузе, студентов и аспирантов филологических факультетов университетов.

Темплан 1996 г., № 191

ББК 81.2 Англ.

ISBN 5-288-01582-1 (т. 2)

ISBN 5-288-01625-9

© Издательство С.-Петербургского университета, 1997

© А. И. Варшавская, А. В. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова и др., 1997

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вариативность, или множественность, языковых единиц — естественное состояние языка и его грамматической системы, позволяющее языку обеспечить всю безграничную сферу вербальной коммуникации. В грамматической системе языка, как и в любой сложной системе, действуют два принципа, которые можно охарактеризовать как двуединую оппозицию, — это принцип интеграции, или «централизации», и принцип дифференциации, или «децентрализации». Первый отвечает за наличие соответствующих объединений единиц — основных типов или категорий, систем. Второй — за все многообразие отдельных конкретных вариантов, и оба принципа совместно отвечают за наличие подтипов, субкатегорий и т. п.

«Децентрализация» в грамматической системе обеспечивается разными факторами. В работе учитываются из них в основном три: взаимодействие грамматических (синтаксических) конфигураций, взаимодействие синтаксических конфигураций с категориальными (частеречными) и субкатегориальными (лексико-грамматическими значениями слов — глаголов и существительных, организующих синтаксические структуры разной степени грамматизованности, и коммуникативный (прагматический) фактор. Таким образом, речь идет прежде всего о структурно-семантическом варьировании — дифференцирующий аспект, и семантико-синтаксической (суб)категоризации — интегративный аспект.

Основные модели предложения — это не только некоторые обобщенные конструкты, хотя возможно и такое их рассмотрение, но прежде всего структурные схемы реальных предложений. В этом смысле их можно рассматривать как прототипы, вокруг которых организуется все многообразие соответствующих структур. Семантико-синтаксическая вариативность и категоризация непосредственно связаны с (суб)категоризацией слов, их распределением по частям речи и лексико-граммати-

ческим разрядам и лексико-семантическим группам. Такие разряды или группы обладают некоторым обобщенным значением, которое можно назвать субкатегориальным (в отличие от члестеречного категориального), благодаря которому они и организуют ту или иную синтаксическую структуру.

Диапазон структурно-семантического варьирования моделей предложения ограничивается двумя пределами. С одной стороны, пределом является сама система основных структурных схем предложения, представляющих высшую ступень грамматики (синтаксизации). В силу их символической природы и благодаря метафоричности человеческого мышления в языке одинаково допустимо употребление одной структурной схемы для построения предложения, отражающего совершенно разные факты окружающего мира. Э. Сэпир приводит такой пример по данному поводу: *The man lives in the house. The grass waves in the wind.* С другой стороны, нижний предел очерчивается совокупностью конкретных лексических единиц, организующих конкретные предложения. Так, разное управление имеют глаголы одного семантического поля, достаточно близкие по значению: *to say / to tell, to speak / to talk.* Между этими двумя предельными срезами лежит область скрытой грамматики, неоднозначных синтаксических структур (*the visit of the teacher 'визит учителя'* или *'визит к учителю'*) и семантико-синтаксических вариантов. Каждый семантико-синтаксический вариант характеризуется своей степенью грамматики, приближенности к верхнему пределу — основной модели. Однако шкала грамматики не структурирована иерархически: варианты моделей необязательно соотносятся друг с другом по степени убывания или возрастания грамматичности. Они могут, что является достаточно обычным явлением, соотноситься непосредственно с основной моделью.

Монография является вторым томом двухтомной коллективной монографии, в котором описываются структурно-семантические типы — модели простого предложения английского языка и раскрываются многочисленные факторы, взаимодействие которых обуславливает вариативность их содержательных (семантико-прагматических) характеристик.

В части I рассматривается интегративный аспект системы моделей, описываются общие свойства системы; в части II — варианты моделей, определяемые валентностью полнозначительных глаголов, и в части III — варианты моделей в зависимости от типа существительных.

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам книги доктору филологических наук, профессору Л. П. Чахоян и старшему научному сотруднику Ин-та лингвистических исследований Российской АН В. А. Стегнию, взявшим на себя труд ознакомиться с работой и высказать конструктивные замечания и полезные советы.

СИСТЕМА МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава I

СИСТЕМА ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то что, по мнению многих, современная лингвистика после короткого периода увлечения синтаксисом вновь обратилась к проблемам значения, нельзя сказать, что этот период был лишь неким лингвистическим капризом, не принесшим в теорию языкознания ничего, кроме легкого разочарования. Скорее, обращение лингвистики к семантическим проблемам как раз и было вызвано пониманием, что синтаксические процессы, обеспечивающие порождение структурно определенных высказываний, нельзя рассматривать в отрыве от передаваемого смысла и коммуникативных задач речевого общения. Вместе с тем кажется бесспорным, что понятие «основной», или «ядерной», структурной модели предложения, наиболее полно разработанное в период «хомскианской революции», по сей день остается полезным и даже необходимым для многих практических целей понятием.

1.1. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Под моделью в лингвистике обычно понимают «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 304). Как всякая модель, модель лингвистического объекта является реализацией некоторого знания об оригинале, строится на основе теории или гипотезы о его устройстве и функциональных особенностях и используется для объяснения его реального и возможного поведения.

Модель предложения должна рассматриваться как некий

абстрактный объект, фиксирующий внутренние, сущностные и функциональные характеристики определенного множества предложений языка, обладающих в том или ином отношении тождественными свойствами. Нередко говорят, что реальные предложения строятся по той или иной модели, выступающей в этом случае как некоторый языковой образец или план, в соответствии с которым осуществляется порождение конкретных предложений.

Построение модели (структурной схемы) предложения осуществляется путем отвлечения от ряда специфических черт, которыми обладает каждый в отдельности элемент рассматриваемого множества (типа) реальных предложений. Первым шагом выделения типов предложения и соответственно первой ступенью абстракции является априорное постулирование требования, в соответствии с которым любой тип предложения структурно должен представлять собой самодостаточную, автономную единицу, строение которой не носило бы следов воздействия контекста. Параллельно в выделяемых таким образом «предложениях» устанавливаются направленные, субординативные (грамматика зависимостей, грамматика членов предложения) или ненаправленные (грамматика непосредственно составляющих) связи между составляющими их лексемами, которые выступают в качестве представителей определенных таксономических классов. В результате выявляется синтаксическая конструкция, отражающая общую организацию некоторого множества конкретных предложений.

Каждый элемент в составе конструкции несет функциональную нагрузку, характер которой определяется тем, какое место или функциональный узел занимает данный элемент в сети взаимодействий, образованной всеми компонентами конструкции в целом. Для построения модели предложения из множества имеющихся в конструкции связей необходимо и достаточно выявить сущностные отношения, составляющие основу или каркас синтаксической конструкции. Иными словами, в модель включаются только обязательные, сильноуправляемые элементы — синтаксические актаны, отношения между которыми обеспечивают целостность моделируемого объекта — определенного типа предложений.

Требование целостности заключается, однако, не только в постоянстве основного функционально-компонентного состава моделируемых предложений: сумма значений элементов, входящих в структуру предложений определенного типа, еще не составляет той необходимой единицы информации, которая отличала бы данный тип предложений от других произвольных комбинаций категориальных и функциональных значений словоформ. Целостность предполагает наличие более общего содержательного признака, не сводимого к суммарному содержанию компонентов модели, т. е. обусловлена интегральным при-

знаком, характеризующим объект не как собрание частей, а как не разложимое на отдельные элементы целое.

Интегральный признак занимает особое положение в комплексе значений, передаваемых моделью, потому что, во-первых, он относится к более высокому уровню абстракции, чем те значения, которые могут различать предложения (или группы предложений), принадлежащие к одному и тому же типу. Во-вторых, именно через интегральный признак осуществляется включение данной модели во взаимодействие с подобными (т. е. выделяемыми на том же уровне абстракции), но различными единицами синтаксического строя языка. При этом интегральный признак, обеспечивая тождество модели, служит основанием ее выделения в ряду форм, объединяемых на фоне некоторого более общего свойства. Иначе говоря, один и тот же элемент значения модели при рассмотрении под разными углами зрения может выступать либо как интегральный признак, охватывающий множество единиц, стоящих на более низкой ступени в иерархическом ряду, либо как дифференциальный признак, который при наличии основания для сравнения отличает данную модель от, по крайней мере, одной, сопоставимой с нею, синтаксической формы. Наличие такого содержательного признака в модели обусловлено взаимодействием функциональных значений компонентов ее структуры и отражает способность модели служить средством закрепления и представления в синтаксической форме элементарных, повторяющихся отношений между предметами и явлениями объективной действительности (Серебренников 1970: 56).

Информация, заключенная в интегральном признаке модели, составляет ее «обобщенное грамматическое значение» (Адмони 1973а). «Именно единое обобщенное грамматическое значение, — пишет С. Н. Цейтлин, — обеспечивает тождество модели и позволяет говорить во всех случаях ее конкретного воплощения о единой модели, об одном и том же конструктивном типе предложения, а не о разных структурно тождественных, семантически совершенно разнородных (т. е. омонимичных) моделях» (Цейтлин 1979: 79). Обладая таким значением, модель является двусторонней единицей, имеющей как план выражения, так и план содержания.

Как содержание синтаксической формы (модели), обобщенное грамматическое значение накладывается на семантику лексем и грамматическую семантику морфологических форм, оказывая тем самым определенное воздействие на смысловую структуру предложения, построенного по данной модели. Как отмечает Т. В. Шмелева, «семантическая структура — это то, что составляет основу общего смысла предложения, а его структурная схема определяет то, как этот смысл представлен в предложении. Именно это и есть вклад структурной схемы в формирование смысла предложения, именно в этом

и заключается ее схемная семантика» (Шмелева 1978: 356). Разумеется, предложения, объединяемые в один тип на основании их структурных свойств, т. е. предложения, построенные по одной модели, могут передавать ряд различных значений (сигнификативных ситуаций) и, следовательно, обладать различными семантическими структурами. Важно, однако, то, что содержание каждого из этих предложений представлено в данной синтаксической форме. Это означает, что сигнификативные ситуации, передаваемые предложениями одного и того же структурного типа, отражают отношения, которые способны удовлетворять свойству, выраженному интегральным признаком модели. Именно на этом основании можно говорить о типе предложений как объекте-системе, причем в этом случае интегральный признак модели выступает в качестве системообразующего свойства, т. е. соответствует тому, что в теории систем обозначается термином «концепт» системы. Поскольку система определяется как «любой объект, в котором имеет место какое-то отношение, обладающее некоторым заранее определенным свойством» (Уемов 1978: 120), постольку «заранее определенное свойство» представляет собой, наряду с понятиями структуры и субстрата, одну из сторон системного представления объектов — концепт — и выражает требования, которые, во-первых, соответствуют «определенному типу понимания системы» и, во-вторых, удовлетворяются «целым классом отношений», причем каждое из этих отношений образует данную систему из тех объектов, между которыми оно существует (там же: 126). Интегральный признак модели как концепт объекта-системы определяет способ синтаксического представления смысла в предложении. Семантическая структура, в наибольшей степени удовлетворяющая требованиям концепта модели, является изоморфной синтаксической структуре предложения.

Вместе с тем модель предложения не остается изолированной сущностью, стоящей вне всяких связей и отношений с другими построенными на тех же основаниях моделями. Одним из признаков категориального грамматического значения, как известно, является его «системная релевантность, т. е. роль данного значения как признака (или комплекса признаков), лежащего в основе определенных грамматических классов и единиц, противопоставленных другим классам и единицам в замкнутой системе» (Бондарко 1978: 143). Интегральный признак (концепт) модели характеризуется системной релевантностью в этом смысле, так как, обеспечивая тождество модели, он противопоставляет ее другим моделям предложений, число которых (в частности, число «основных» моделей) ограничено.

Совокупность противопоставляемых моделей образует так называемую внутреннюю систему, т. е. систему, которая обладает объективной целостностью и между элементами которой

существуют связи, описываемые в терминах полиарных (по крайней мере, бинарных) отношений (о противопоставлении внешних и внутренних систем см. (Шрейдер 1978)). Можно полагать, что система моделей предложения создается как иерархия бинарных отношений. Принцип бинарности состоит в том, что многочленные системы могут быть сведены к ряду двусторонних противопоставлений. Так, одним их наиболее известных опытов применения данного принципа в практике лингвистических исследований является описание грамматической системы падежей русского языка, предложенное Р. Якобсоном, по мнению которого эта система основана на трех противопоставлениях, определяемых с помощью признаков «направленность», «объемность» и «периферийность» (Jakobson 1936). На целесообразность и реальность бинарных оппозиций в системе, число элементов которых не превышает 10^2 (например, в области фонологии или в области грамматических отношений), указывает Вяч. Вс. Иванов (1972).

Элементарной и существенной для описания лингвистических фактов является та оппозиция, которая устанавливается между двумя единицами, различающимися по одному признаку: только одна из противопоставляемых единиц (маркированный член оппозиции) характеризуется наличием (выражением) этого признака (Степанов 1975а: 236). Асимметрия оппозиционного отношения проявляется в языковом материале через нейтрализацию дифференциального признака в пользу характеристик «главного», немаркированного члена противопоставления. Точнее, эти характеристики составляют то общее основание, на котором устанавливается данное противопоставление. Значение немаркированного члена оппозиции — интегральный признак противопоставляемых единиц — устанавливается в более широкой, иерархической системе бинарных отношений (Степанов 1975б: 220 и сл.). Вслед за В. Г. Гаком (1977) можно утверждать, что модели предложения связаны отношениями включения: гиперонимическими, если принимаются во внимание только интегральные, общие признаки, и гипонимические, если рассмотрение направлено таким образом, что приводит к выявлению и аккумуляции все новых дифференциальных признаков, обогащающих общее смысловое содержание моделей.

Учитывая сказанное, критериями «основной» модели предложения будем считать: а) функциональную обусловленность (облигаторность) именных позиций в предложении, т. е. актантный статус элементов его синтаксической структуры; б) изоморфизм семантической и синтаксической структур предложения; в) включенность в иерархическую систему отношений (концент основной модели предложения является базисом для сопоставления синтаксических конструкций).

Таким образом, мы представляем, что система основных моделей предложения в языке может быть построена в соответст-

вии со схемой, основанной на самых общих принципах теории систем. В качестве такой схемы можно предложить следующее: некоторая модель A , обладающая интегральным признаком или концептом n -го уровня абстракции (K^n), является «гипероцином» по отношению к ряду «подмоделей», которые согласуются с концептом и служат его репрезентантами. Каждая из подмоделей обладает собственным, индивидуальным содержательным признаком, используемым в двух направлениях: с одной стороны, это дифференциальный признак, обеспечивающий парадигматическое различие подмоделей как элементов более глубокого, $n + 1$, уровня; с другой стороны, это признак, играющий роль концепта K^{n+1} , который, подобно K^n , охватывает ряд подмоделей $n + 2$ уровня, репрезентирующих K^{n+1} и вступающих благодаря своим дифференциальным признакам в определенные отношения друг с другом.

Ряд моментов в этой общей схеме нуждается в более подробном объяснении. Это прежде всего представление о «согласованности» модели $n + 1$ с концептом K^n и понятие репрезентации. Если под репрезентацией понимать оформление, представление или выражение некоторого содержания, то описываемые отношения между элементами различных уровней системы моделей можно представить в виде схемы 1:

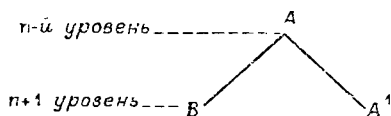

Схема 1

где A — концепт K^n ; A^1 и B — модели, репрезентирующие содержание K^n . Иными словами, отношения между уровнями имеют основания в соотношении категорий содержания и формы.

Понятия формы и содержания рассматриваются как относительные и взаимообусловленные категории, причем многие полагают, что категория «форма» детерминируется содержанием и так же соотносится с понятием «структура», как категория «количество» соотносится с понятиями числа, величины или множества, т. е. «форма» получает в современных системно-структурных исследованиях более конкретную интерпретацию как организация содержания, как сеть отношений между элементами объекта, взятая в отвлечении от их конкретной материальной природы (см., например, (Кураев 1971: 221 и сл.)) Другие, однако, полагают, что форма не может быть сведена к понятию «структура содержания», поскольку в этом случае категория содержания, представляя только совокупность элементов и свойств объекта, т. е. его компонентный состав или субстрат вещи как системы, перестает играть определяющую роль в соотношении «содержание — форма». Как пишет

В. С. Тюхтин, «если познаваемый объект представить как систему, то его состав (образующие его элементы и подсистемы) — действительно необходимый компонент содержания, однако оно им далеко не исчерпывается. Отождествив сведения о составе объекта с его содержанием, отнеся организацию, структуру к категории „форма”, мы значительно обедним категорию „содержание”, или, образно выражаясь, вынем из нее душу, ликвидируем как самостоятельную категорию» (Тюхтин 1971: 89). Иначе говоря, неупорядоченный набор компонентов еще не представляет собой содержания объекта как целого, не отражает его качественного своеобразия. Поскольку категория «качество» предназначена для «фиксации специфики многообразных объектов, свойств и состояний движущейся материи» и «непосредственно связана с категорией „структура”» (там же: 92), постольку организационная или структурная характеристика объекта становится ведущим и определяющим аспектом категории «содержания».

Вместе с тем объект как структурно-организованное множество компонентов (элементов, связей и свойств) не может объективно существовать иначе как в какой-либо форме. Только форма, закрепляя главные свойства объекта, делает его обозримым, выделяемым из общего фона как единственную в своем роде единицу. В. С. Тюхтин предлагает давать категории «форма» следующее определение: «Форма есть разновидность (модификация) содержания, способ его существования, проявления, зависимый от конкретных условий» (там же: 94). И далее: «Содержание и форма относятся в этом случае к одному и тому же объекту как *две его стороны*. При этом содержание выступает как нечто инвариантное, сохраняющееся, а форма — как вариант, разновидность этого содержания» (там же). Отсюда ясно, что форма не тождественна структуре объекта и как вариант или модификация содержания обладает своей собственной структурой.

Возвращаясь к общей схеме построения моделей предложения (см. схему 1), следует еще раз подчеркнуть, что модели A^1 и B являются формами (репрезентантами) некоторой более общей модели A , причем A рассматривается в этом соотношении только с одной стороны, а именно как структурно-организованное множество функциональных зависимостей, т. е. как «содержание» или «концепт» K^n . Формы A^1 и B , репрезентируя общее для них содержание — концепт K^n , обладают как разные формы разными собственными структурами, что приводит к их противопоставленности в одном парадигматическом ряду. Это, в свою очередь, отражает наличие у каждой из них своего индивидуального содержания, принадлежащего, однако, к более глубокому уровню абстракции, чем содержание модели A — K^n .

Соотношение форм A^1 и B как носителей присущих им содержательных характеристик и как репрезентантов модели A

конкретизируется с помощью понятия согласованности, или «адаптированности», модели к концепту более высокого уровня. В системологии существует точка зрения (Мельников 1978), в соответствии с которой любой объект А, будучи одним из элементов «надобъекта» В, выполняет одну из частных функций, совокупность которых позволяет надобъекту В вступать в разнообразные связи с другими объектами. Если элемент А выведен за пределы надобъекта В, на его месте в структуре В образуется «вакантный узел», или «область требуемых функциональных состояний». Эту область способен занять другой объект — С, который по своим свойствам может не полностью совпадать с объектом А. Отличаясь в том или ином отношении от А, объект С выходит на границы области требуемых функциональных состояний и вызывает определенные нарушения в сети связей надобъекта В. В подобных случаях свойства объекта С оказываются не согласованными с его функцией в структуре надобъекта (там же: 56). За счет своих внутренних ресурсов, путем изменений в составе его компонентов или их функций в структуре объект С может таким образом преобразовать свои свойства, что их согласованность с его функцией в надобъекте В будет возрастать. В этом принципе состоит сущность вводимого Г. П. Мельниковым понятия «адаптация»: «Процесс увеличения согласованности между свойствами объекта С и определенной частной функцией в узле сети связей объекта более высокого яруса (объекта В) благодаря изменению свойств объекта С будем называть адаптацией объекта С к своей функции в вакантном узле объекта В (там же: 57). Чем ближе по своим качествам объект С подходит к области требуемых функциональных состояний, т. е. чем выше степень его адаптации к функции в надобъекте В, тем более оптимален его выбор на роль заполнителя вакантного узла в структуре В.

Введение понятия «адаптации» позволяет увидеть, что степень согласованности или адаптированности объекта С к области требуемых функциональных состояний в В зависит непосредственно от степени изменяемости свойств элементов самого объекта С, т. е. от свойств того материала, который используется для его построения. Но так как свойства элементов объекта С могут изменяться, в свою очередь, только за счет изменения своего внутреннего строения (т. е. за счет элементов более глубокого уровня), то процесс адаптации С к функции в структуре В принципиально бесконечен. Отсюда следует ряд выводов, из которых для нас представляют особенную важность следующие три: 1) глубина адаптации есть «показатель степени оптимальности адаптирования, т. е. степени совершенства объекта» или степени его системности; 2) «поскольку не может быть адаптации безграничной глубины, то не может быть и *абсолютной системности*» (там же: 66 и сл.); и 3) если рассматривать не «готовый» объект С, а объект К, который

только создается для заполнения вакантного узла в В, то материал, идущий на его построение «должен быть таким, чтобы совокупность областей его возможных состояний включала в себя область возможных состояний создаваемого объекта К, которая, в свою очередь, должна включать в себя область требуемых функциональных состояний в данном вакантном узле объекта В» (там же: 62).

Применяя указанные выводы к системе основных моделей предложения, важно подчеркнуть, что, во-первых, эта система не может рассматриваться как жесткий, глубоко адаптированный, «совершенный» объект. Будучи основным средством коммуникации, язык постоянно подвергается разнообразным воздействиям, которые непосредственно связаны с условиями его функционирования в обществе. Более того, его «несовершенство» как системы является залогом его исторического развития. Во-вторых, каждая выделяемая модель предложения есть элемент системы, лишь в той или иной мере удовлетворяющей требованиям концепта более высокого уровня. И, в-третьих, лексический материал, используемый для построения конкретных предложений языка, — это не аморфная масса, которая свободно подчиняется требованиям синтаксической структуры. Каждая лексическая единица обладает своей «областью возможных состояний», и выбор того или иного слова на роль носителя определенной функции в структуре предложения может быть более или менее удачен в том смысле, что его семантические и синтаксические потенции могут быть ограничены таким образом, что не будут включать в себя все свойства, необходимые для выполнения данной синтаксической функции.

В дальнейшем мы будем использовать понятие адаптации, считая, что выражение «согласованность модели $n+1$ уровня с концептом K^n » приобретает с учетом сказанного более отчетливое и конкретное значение, т. е. если его понимать как большую или меньшую степень адаптации модели $n+1$ уровня к выполнению функциональных требований концепта K^n . Чем в большей степени содержание предложений, построенных по данной модели, приближается к содержанию концепта, тем более оптимальным становится выбор этой модели на роль его репрезентанта (формы).

Различие между моделями A^1 и В (см. схему 1) заключается в более полной адаптации A^1 к функциональным требованиям концепта. Модель В благодаря особенностям используемого лексического материала приобретает дифференциальный признак, отличающий ее от модели A^1 , и, следовательно, в том или ином отношении выходит за пределы области требуемых функциональных состояний. Иначе говоря, модели A^1 и В различаются не только в формальном плане, но и по отношению каждой из них к их общему, интегральному признаку — концепту K^n : если модель A^1 обладает такими содержательными ха-

рактеристиками, отличие которых от K^n настолько незначительно, что ими можно пренебречь, то индивидуальное содержание модели В осложнено дифференциальным признаком, нарушающим в известной мере согласованность значения модели В с концептом K^n .

Вместе с тем всегда можно найти такие условия (лексическое наполнение и/или контекст), в которых модель В утрачивает, нейтрализует свой дифференциальный признак и начинает выражать, по существу, то же значение, что и модель A^1 , т. е. содержание, максимально согласованное с концептом K^n . Способность модели В к адаптации позволяет говорить о ее более широком поле обобщенного грамматического значения по сравнению с моделью A^1 : область вторичных семантических функций модели В (область значений с нейтрализованным дифференциальным признаком) включает основное, или «первичное», значение модели A^1 . Обратное неверно, так как модель A^1 не способна приобрести содержательный признак, соответствующий дифференциальному признаку модели В и, следовательно, не может выразить основное содержание модели В.

1.2. СИСТЕМА ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Прежде чем перейти к более детальному рассмотрению предлагаемой схемы основных моделей английского предложения (схема 2), следует подчеркнуть, что в данной схеме значительно меньшее внимание уделяется «полевой структуре» значений моделей A^1 .

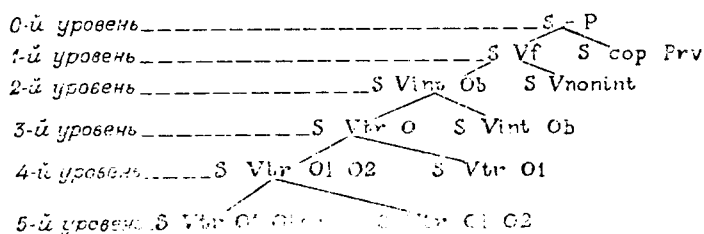

Схема 2

Нулевой уровень в схеме 2 соответствует тому уровню абстракции, на котором формируется понятие «суждение» как логической формы мышления: субъект—связка—предикат или S—P.

Как известно, существуют две точки зрения на понятие «суждение». Согласно одной из них, логической, суждение понимается как «форма мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов или явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством вы-

ражать либо истину, либо ложь» (Кондаков 1975: 574). В связи с тем, что основным признаком суждения является его способность быть истинным или ложным утверждением о чем-либо, считается, что вопрос, побуждение, просьба и т. д. не могут быть включены в понятие суждения. На этом, в частности, основан вывод о нетождественности суждения и предложения: если суждение не может быть выражено иначе как с помощью предложения, то предложение, в свою очередь, не всегда выражает суждение. Есть, однако, основания для более широкого понимания суждения. Так, по мнению П. В. Копнина, «суждение — это всякая относительно законченная мысль, отражающая вещи, явления материального мира, их свойства, связи и отношения ... Со стороны содержания для суждения характерно, что посредством него что-то устанавливается, сообщается, побуждается и вопрошается об интересующих нас предметах, явлениях материального мира» (Копнин 1969: 225—226). Для него, таким образом, суждение есть «процесс постижения предмета мыслью» и имеет диалектически взаимосвязанные формы «достоверного знания», «вероятностного знания» и вопроса.

Поскольку суждение существует только в виде предложения, то формула $S-P$ в схеме 2 (соответствующая широкому пониманию суждения) репрезентируется субъектно-предикативным строением предложения языка. Со стороны содержания формула $S-P$ обозначает важнейший отличительный признак предложения — предикативность, или «соотнесение мысли с действительностью», т. е. «осознанное указание на то, что выражаемая мысль относится к определенному предмету действительности, раскрытие этого отношения» (Чесноков 1975: 174). В языке предикативность существует как «особого рода отношение между компонентами предложения, возникающее благодаря своеобразной противопоставленности одного компонента (сказуемого или подобного ему по функции элемента структуры) другому» (там же: 173), т. е. в форме «сказуемого отношения» (Стебллин-Каменский 1974: 41).

Так как обычно выделяются два типа сказуемого отношения — именное и глагольное, — то на первом уровне системы моделей предложения концепт K^0 (предикативность) репрезентируется двумя моделями предложения: модель A^1 — субъект + связочный глагол + предикативный член ($S \text{ cop } Prv$), и модель B — субъект + финитный глагол (S, Vf). Например, предложения *Jim is a student*; *The room is large* построены по модели $S \text{ cop } Prv$, а предложения *John arrived*; *She blushed*; *I have a book* и т. д. — по модели $S Vf$.

Признаком, дифференцирующим эти модели, является признак «динамичность», или «акциональность». Основное содержание формулы $S \text{ cop } Prv$ состоит в обозначении статального или, точнее, нединамического признака, приписываемого субъек-

екту, что прежде всего включает в себя такие логические отношения между субъектом и предикатом, как отношение тождества (London is the capital of England), характеристики (That rose is red), включение в класс (He is a teacher) и т. д. Для Дж. Андерсона эксплицитное выражение связи сор в поверхностной структуре предложения непосредственно объясняется наличием в семантической структуре предложения признака «статив» (Anderson J. 1971: 59). Подробно исследуя семантическое поле глагольных связок, А. М. Кузнецов приходит к выводу, что их интегральным признаком является «обозначение способа существования, состояния или качества субъекта» (Кузнецов 1980: 111). В отличие от S сор Prv модель S V_i является носителем категориального признака «акциональность», так как обозначаемый финитным глаголом признак субъекта грамматически представлен в модели как деятельность субъекта, как развивающееся во времени, преходящее событие. (Соответствующее различие в значении предложений с глагольным и именным сказуемым в русском языке отмечается, например, А. М. Пешковским (1956: 76—77).)

Положительное отношение модели S V_i к дифференциальному признаку «акциональность» дает основание считать, что S V_i является менее адаптированной к концепту Kⁿ и, следовательно, может в определенных условиях выражать основное содержание модели S сор Prv. Действительно, предложения She sings; Bob dances и др. могут быть интерпретированы в том общем смысле, который обычно выражается моделью S сор Prv, т. е. как обозначающие постоянный, «квалификативный» признак субъекта: She is a singer; Bob is a dancer. У. Чейф прямо указывает на эту способность предложений типа Bob sings: «Эта структура может носить характер общего утверждения, которое приблизительно эквивалентно утверждению Bob is a singer. В таких случаях речь идет не об единичном, преходящем событии, а скорее о наличии вневременной тенденции, охватывающей неопределенное количество событий» (Чейф 1975: 194).

В то же время модель S сор Prv не допускает интерпретации предидируемого признака как «деятельность субъекта», как «единичного, преходящего события». Так, выражение She is a singer, обозначая род занятий субъекта, не может быть расширено с помощью некоторых локализаторов; ср.: *She is a singer in the room и She sings in the room.

Таким образом, сфера семантических функций модели S V_i охватывает основное содержание модели S сор Prv, в то время как полевая структура S сор Prv, как более глубоко адаптированного, «совершенного» объекта, обладает более жесткими границами и не может выразить «динамизм» признака субъекта.

Интегральным признаком K¹ для выделяемых на втором

уровне моделей предложений служит, наряду с предикативностью, признак, дифференцирующий модели на первом уровне системы, т. е. «акциональность». Дифференциальным признаком здесь является «объектность». Его возникновение обусловлено возможностями лексического материала, используемого для построения предложений. Финитные глаголы по своим субстанциональным характеристикам, по способности сочетаться с наименованиями субстанций, могут быть распределены по двум классам: интенциональные (Vint) и неинтенциональные (Vno-pint) глаголы. К первым следует отнести глаголы, способные обозначать такой признак субъекта, который выявляется только при наличии некоторой, отличной от субъекта, субстанции или объекта. Иначе говоря, с помощью интенциональных глаголов определяется отношение между двумя независимыми друг от друга субстанциями. Как указывал А. А. Шахматов, в предложении при наличии дополнения через глагол устанавливается отношение между понятиями, выраженными соответственно подлежащим и дополнением (Шахматов 1941: 310).

Интенциональные глаголы (build, effect, kill, consist (of), collide (with), cut, result и др.), чтобы занять позицию V_i в модели S V_i, должны быть дополнены указанием на объект и образуют тем самым модель S Vint Ob, т. е. объектность как дифференциальный признак модели V на втором уровне системы моделей предложения проявляется как способность модели включать в структуру предложения новый функциональный узел — «объект» (Ob). Можно дать следующую содержательную характеристику синтаксической функции «объект»: любая лексема, занимающая этот функциональный узел в структуре предложения, обязана обозначать сущность, которая вступает в определенные отношения с субъектом через признак, выраженный глаголом. Такое определение обладает достаточно широкими возможностями и позволяет рассматривать предложения типа John hit Bill; The picture represents a hunting scene; A gallon contains eight pints; Jim sits in the room; He jumped over the fence; Jack looked at me и др. как представителей одной и той же модели S Vint Ob, несмотря на все различия, связанные с морфологическим оформлением постглагольных субстанциональных элементов.

Неинтенциональные глаголы (sleep, smile, laugh, snore, sniff) в принципе не нуждаются в каких-либо дополнительных средствах для полного удовлетворения функциональных требований узла V_i в S V_i. Они обозначают «самодостаточный», нереляционный признак субъекта и образуют модель A¹ (S Vno-pint), набор функциональных зависимостей которой минимально достаточен для репрезентации концепта «акциональность». Применяя терминологию Г. П. Мельникова, можно сказать, что область возможных состояний неинтенциональных глаголов оптимально адаптирована к области требуемых функ-

циональных состояний в вакантном узле V_i надобъекта S V_i. Даже в тех случаях, когда признак, обозначенный глаголом, реально связан с действием, явно направленным на объект, модель S V_{nonint} представляет это действие только как определенный вид деятельности, характеризующий субъект. Так, В. В. Бурлакова приводит ряд «безобъектных» глаголов, обозначающих действие, направленное на «существующий самостоятельно вне действия» объект: to go rabbitting = to hunt rabbits; to go mushrooming = to gather mushrooms; to go blackberryying = to go out gathering blackberries. Она пишет, что «в случаях подобного употребления глагол имеет узкоконцентрированное значение и выражает действие, направленное на единственный в своем роде предмет, который сам включен в значение непереходного глагола» (Бурлакова 1975: 38). Следует подчеркнуть, что «включение предмета» в значение глагола основано на сигнификативном, понятийном аспекте его имени. Именно по этой причине в выражениях to hunt rabbits, to gather mushrooms, to gather blackberries, эквивалентных по значению соответствующим безобъектным глаголам, существительные в функции Об имеют форму множественного числа и не осложнены детерминативами (артиклом или указательным местоимением). Если бы можно было представить ситуацию, в которой кто-то охотится за одним, определенным зайцем, то нельзя было бы поставить знак равенства между He hunts that rabbit и He goes rabbitting. Это, видимо, означает, что модель S V_{nonint} лишена возможности выразить дифференциальный признак «объектность» и ограничена в своей области возможных состояний так, что не может включить в состав своих вторичных семантических функций ядро полевой структуры S V_{int} Ob.

В свою очередь, относительно меньшая степень согласованности модели S V_{int} Ob с концептом K¹ является следствием наличия содержательного признака «объектность». Его подавление или нейтрализация ведет к тому, что предложения, построенные по модели S V_{int} Ob, приближаются по своей семантике к общему содержанию модели S V_{nonint}. Нейтрализация «объектности» возможна там, где лексема, выполняющая функцию Об, утрачивает способность указывать на конкретный предмет, лишается отнесенности к определенному объекту действительности и становится нереферентной, т. е. приобретает тенденцию к обозначению признаков, свойств класса предметов или к обозначению абстрактных понятий. Ср.: to be in the room — to be in despair (=to despair); to make a coat — to make a decision (=to decide).

Общность подобных нереферентных выражений с предложениями, построенными по модели S V_{nonint}, подчеркивается, например, В. В. Богдановым, который предлагает анализировать выражения типа *дать совет, внести предложение, бросить*

взгляд, потерять терпение, принести жертву как предикаты, число аргументных мест у которых на единицу меньше, чем у соответствующих предикатов в выражениях *дать руку, внести деньги, бросить камень, потерять очки, принести книгу* (Богданов 1977: 102). Другими словами, имена *совет, предложение, взгляд, терпение, жертва*, а также *despair, decision, conclusion* и др. включаются в значение глагола, причем глагол в известной степени десемантизируется, а все словосочетание может восприниматься как фразеологизм: *to take a drop* 'выпить, подвыпить', *to take a back seat* 'отойти на задний план, ступаться'.

Более широкие семантические возможности модели *S Vint Ob* по сравнению с *S Vnonint* проявляются еще в одном отношении. Известно, что большинство английских глаголов могут употребляться как в переходном, так и в непереходном значении. Как показала И. И. Еремеева, при этом существуют определенные закономерности, которые в целом подтверждают наш вывод об относительной несогласованности *S Vint Ob* с концептом K_1 (предикативность + акциональность). Рассматривая глагольно-субстантивные отношения в предложениях, построенных по схемам $N_1 + V + N_2$ и $N_1 + V$, она приходит к следующим заключениям. Во-первых, при вовлечении в глагольно-объектное словосочетание ($V + N_1$) непереходных глаголов у них реализуется лексическое значение, которое является переходным и отличается от лексического значения при непереходном употреблении глагола, продолжающего, как правило, оставаться основным для глагола (Еремеева 1967: 76). Это положение иллюстрируется примерами: *stare disappointment; nod agreement / satisfaction; smile consent / appreciation; scream delight; bellow astonishment; bray a laugh* и др. «В этих словосочетаниях глаголы обозначают действия, передающие способ, с помощью которого субъект действия выражает свои чувства или реакцию на определенную ситуацию; существительные являются абстрактными и обозначают чувства или реакцию» (там же: 75). При переходном употреблении многие непереходные глаголы (глаголы движения, трудовой деятельности и др.) приобретают каузативное значение. Во-вторых, при употреблении переходных глаголов в модели $N_1 + V$ «говорить о новом лексическом значении... не представляется возможным», поскольку во всех этих глаголах реализуется «непереходное значение медиального характера, базирующееся на той же лексической основе, что и соответствующее переходное» (там же: 77). Например: а) ... *it (the novel) reads like some wild melodrama* (E. Kitt); б) ... *they (trout) eat like butter* (E. Ferber) (примеры И. И. Еремеевой). Таким употреблением характеризуется значительный круг глаголов: *add, advance, age, agonize, begin, burst, choke, drown, end, hurt, slip, stop*, также *open, spread, sell, keep, break, show, thrill, mend* и др. Медиальный

отенок значения при употреблении в конструкции N+V можно, как кажется, обнаружить и у так называемых симметричных глаголов; ср.: а) The tanker collided with the steamer → The tanker and the steamer collided; б) My opinion differ spightly from yours → My opinion and yours differ slightly (примеры взяты из (Langendoen 1969: 94)).

Таким образом, при возможном употреблении неинтенциональных глаголов в конструкции N_1+V+V_2 , которая включается в ряд морфолого-синтаксических конструкций с общей функциональной характеристикой S Vint Ob, эти глаголы приобретают новое (для некоторых групп — каузативное) значение. В то же время интенциональные глаголы, попадая в предложения, построенные по модели S Vnonint ($N+V$), реализуют только определенную часть заложенных в них семантических способностей, поскольку обозначают все тот же реляционный признак, но взятый в иной перспективе, т. е. с точки зрения объекта, который в этом случае становится подлежащим предложения. Все это свидетельствует о том, что полевая структура семантического содержания модели S Vint Ob может охватить основное содержание модели S Vnonint. Обратное же неверно.

Модели A_1 (S Vintr Ob) и B (S Vtr O) на третьем уровне системы обладают интегральным признаком K^2 (предикативность + акциональность + объектность). Расширение числа содержательных признаков логически влечет за собой сокращение отбираемого лексического материала для заполнения функциональных узлов модели. В данном случае для образования моделей третьего уровня пригодны только интенциональные глаголы. (Как показано выше, неинтенциональные глаголы используются в модели S Vint Ob только при соответствующем расширении лексического значения.)

Основой разграничения моделей S Vintr Ob и S Vtr O является дифференциальный признак «переходность». Обычно переходность связывается: а) со способностью глагола употребляться с прямым дополнением (аккузативом или общим падежом в английском языке) и б) с обозначением действия, «направленного» на объект. Расширенное понимание «направленности» действия, которое выходит за пределы формальной, синтаксической способности глагола управлять прямым дополнением, дает основание считать, что непереходными глаголами в таком случае являются только те глаголы, которые не требуют каких-либо дополнений для уточнения своего значения. Однако термин «непереходный глагол» в лексикографической практике и теоретических работах достаточно прочно закреплен за глаголами, не способными управлять аккузативом, т. е. наряду с неинтенциональными глаголами sleep, nod, smile, laugh, scream и др. в класс «непереходных» включаются также глаголы типа result (in), look (at), collide (with), be (in, on, at),

call (for) и т. д. В соответствии с расширенным пониманием «направленности действия» эти глаголы, однако, следует относить к переходным или, точнее, к «косвенно-переходным», причем «косвенная переходность» определяется как «выражение непереходными глаголами распространения действия на косвенный объект; значение переходности у глаголов, которые формально являются непереходными, так как не могут управлять винительным беспредложным» (Ахманова 1969: 320). В свою очередь, категория «непереходность» с точки зрения содержания определяется следующим образом: «лексико-синтаксическая категория, определяющая глагольное действие как не подразумевающее предмета, на который это действие естественно направляется (там же: 263). Смещение терминов (косвенная переходность = формальная непереходность) затрудняет понимание существа категории переходности / непереходность.

Основываясь на отчетливом формальном критерии переходного и непереходного употребления глагола, можно попытаться найти содержательное объяснение данного противопоставления. Представляется справедливым мнение С. Андерсона, предложившего так называемую холистическую (holistic) интерпретацию прямого объекта (Anderson S. 1971). Суть холистической интерпретации состоит в следующем: объект, имя которого занимает в предложении позицию прямого дополнения, полностью подвергается действию, выраженному глаголом. Действие субъекта в этом случае — это не просто проявление деятельности субъекта, связанной с объектом (activity), но деятельность, достигающая в объекте своего предела (achievement). Именно по этой причине к предложениям с прямым дополнением типа John climbed the mountain или A yellow roadster travelled this road last night невозможно добавить высказывания, указывающие на частичное выполнение действия, что, в свою очередь, вполне допустимо с предложениями, в которых связь объекта с глаголом опосредована предлогом; ср.: John climbed up the mountain (but halfway up he ran out of food and had to come down again) или A yellow roadster travelled on this road last night (but only as far as Centerville). То же различие характеризует пары предложений: John chewed his steak и John chewed on his steak; The press secretary read his prepared speech и The press secretary read from his prepared speech; John painted Bill's portrait this morning и John painted on Bill's portrait this morning; John punched Bill и John punched at Bill (Ibid.: 390).

В сущности, понятие холистической интерпретации — это попытка дать содержательное объяснение существующих представлений о прочности связи глагола с прямым дополнением. Так, В. Н. Ярцева, считая, что прямое дополнение в отличие от других «свободных» дополнений является дополнением «связанного» типа (т. е. дополнением, стремящимся стать частью

сложноглагольной формы; ср.: to give a glance, to catch fire), приводит характерный в интересующем нас отношении пример: I can telegraph to my brother и I can telegraph my lawyers (Ярцева 1948: 8). Семантический сдвиг в значении этих предложений, отмеченный В. Н. Ярцевой (первое предложение интерпретируется ею как «послать телеграмму брату», а второе — как «оповестить по телеграфу своих адвокатов»), согласуется с холистической интерпретацией второго предложения. Прямое отношение к рассматриваемой проблеме имеет и утверждение А. И. Смирницкого о том, что «именно предмет, на который указывает прямое дополнение, оказывается самым ближайшим образом связанным с процессом. Неупотребление предлога является средством выражения наиболее тесной зависимости этого предмета от процесса» (Смирницкий 1957: 203).

Таким образом, переходность как дифференциальный содержательный признак, отличающий модель В (S Vtr O) от модели А¹ (S Vintr Ob) на третьем уровне системы моделей, обусловлен семантикой переходных глаголов Vtr и определяется как представление деятельности субъекта, полностью поглощающей объект; данный признак проявляется в предложении как тесная (беспредложная) синтаксическая связь глагола с прямым объектом O.

Так как содержание репрезентанта В (S Vtr O) концепта К² (объектность) осложнено признаком «переходность», то можно говорить о меньшей степени адаптации модели S Vtr O по сравнению с моделью S Vintr Ob и, следовательно, о более широких границах поля ее семантических функций. Возможность нейтрализации признака «переходность», обуславливающая вторичные семантические функции модели S Vtr O, заключена, по-видимому, в относительности понятия «прочность связи» глагола с прямым объектом. С. Андерсон обращает внимание на зависимость содержательного признака «переходность» от семантической структуры имени объекта, когда он указывает на «очевидное» взаимодействие холистической интерпретации с такими категориями, как множественность, определенность и референтная отнесенность имени объекта (Anderson S. 1971). Однако необходимо отметить, что изменение референтной отнесенности имени объекта влечет за собой более радикальные изменения, чем нейтрализация признака «переходность». Как мы выше пытались показать, при этом происходит снятие признака «объектность» как дифференциального признака второго уровня. В этом случае переходная по форме конструкция «глагол + прямое дополнение» приобретает способность выражать одно, нерасчлененное понятие, для обозначения которого в языке может существовать отдельная лексема (to pay a visit = to visit). «При определении позиции прямого дополнения в предложении — зависимой или более свободной — необходимо считаться не только с лексическим значением имени, выступающе-

го в роли прямого дополнения, но и с возможными процессами лексикализации всей синтаксической группы глагол + прямое дополнение, при которых связность дополнения вызывается не столько синтаксическими, сколько лексико-семантическими причинами» (Ярцева 1972: 19).

Если утрата признака «объектность» может характеризовать как переходные, так и непереходные конструкции (to make decision, to be in despair), то изменение референтной отнесенности имени прямого объекта O нельзя считать основным путем, по которому проходит адаптация модели S Vtr O к концепту K^2 (объектность). Содержание переходности состоит не столько в обязательном наличии прямого дополнения, конкретизирующего глагольное значение, сколько в специфичности, особенности отношений между объектом и действием глагола. Поэтому способ нейтрализации переходности, как дифференциального признака модели S Vtr O, следует искать в семантике переходных глаголов. Можно заметить, что лексическое значение разных переходных глаголов не в одинаковой мере свободно допускает применение холистической интерпретации к образуемым ими переходным конструкциям. Так, каузативные глаголы (build, break, ruin, cut, change, kill) обозначают процессы, которые в реальной действительности либо приводят к разрушению или возникновению предмета, либо вызывают определенные изменения в его состоянии. Очевидно, что подобная семантика каузативных глаголов вполне согласуется с содержательной характеристикой переходности. В то же время переходные глаголы движения (follow, precede, approach, walk (the street)), ряд переходных глаголов, не допускающих пассивной трансформации (blue becomes you; he failed us in our need; this will last you a long time (Chatman 1961: 87)), глаголы чувственного восприятия (hear, feel, see) и др. лишь условно допускают холистическую интерпретацию в том смысле, что такая интерпретация здесь носит «чисто» грамматический, т. е. синтаксический, характер и не поддерживается, как скажем, у каузативных глаголов, собственной лексической семантикой. Наличие синонимических связей между переходными и непереходными глаголами, требующими предложного дополнения (to follow = to go after; to precede — to go before; to approach — to come near и др.), отражает возможность нейтрализации содержания «переходности» и дает основания полагать, что модель S Vtr O находится в более сложных отношениях с концептом K^2 (т. е. менее согласована с ним), чем модель S Vintg Ob.

Концепт K^3 (предикативность + акциональность + объектность + переходность) для моделей четвертого уровня отличается от K^2 грамматическим признаком «переходность». Дифференциальным признаком модели B (S Vtr O1 O2), отличающим ее от A^1 (S Vtr O1), служит понятие «двупереходности», отражающее способность целого ряда глаголов управлять двумя

(прямым и косвенным) дополнениями, например: I gave the boy a book; He brought her flowers.

Хотя модель S Vtr O1 O2 и является маркированным (менее адаптированным) репрезентантом концепта «переходность» (K^3), она вместе с тем должна обладать рядом свойств, сближающих поведение обоих объектов (O1 и O2) по отношению к переходному глаголу. Прежде всего следует указать на отсутствие в английском языке морфологических различий между прямым (аккузатив) и косвенным (датель) объектами. Историческое развитие языка привело к такому положению, что, как пишет О. Есперсен, «в современном английском языке нет ни малейшего основания говорить о дативе как форме, отличной от аккузатива. Это так же не соответствует историческим фактам, как если бы говорили, что Нормандия и Новая Англия являются частями Британской Империи» (Jespersen 1965: 278). Более того, по мнению О. Есперсена, ни порядок слов, ни способность выступать в функции подлежащего пассивной конструкции не могут служить надежными критериями различения прямого и косвенного дополнений. А. И. Смирницкий также считал, что возможность образования двух пассивных оборотов от одной двупереходной активной конструкции (The boy was given a book и A book was given to the boy) является свидетельством большей близости между прямым и косвенным дополнениями в английском языке по сравнению с русским (Смирницкий 1957: 206 и сл.).

Процесс сближения прямого и косвенного дополнений, установление более или менее равноправных отношений обоих объектов к глаголу особенно отчетливо проявляется в предложениях типа I ask him a question; I envy you your beauty; Forgive me my sins и др. Действительно, к этим конструкциям нельзя применить ни один из предложенных О. Есперсеном (и вслед за ним А. И. Смирницким) критериев различения дополнений, а именно: 1) устойчивую соотносительность косвенного дополнения с оборотом to N (ср.: I gave the boy a book — I gave a book to the boy и I asked him a question — *I asked a question to him) и 2) неспособность косвенного дополнения выступать в предложении самостоятельно, без прямого дополнения (ср.: *I gave the boy или *They offered the man (a reward), но I asked him или I asked a question). На этом основании и О. Есперсен, и А. И. Смирницкий выделяют в этих конструкциях два прямых дополнения. Более того, в ряде случаев, даже при формальном соответствии указанным критериям, точное определение функции существительного (косвенное или второе прямое дополнение) сопряжено с известными трудностями. Так, А. С. Смирницкий относит предложение He taught them English к промежуточным конструкциям, поскольку наряду с He taught them и He taught English возможно также и He taught English to them (там же). О. Есперсен же

считает, что в предложении *He taught the boys French* «более естественно называть *the boys* косвенным дополнением» (Jespersen 1965: 297). Значительная степень общности между прямым и косвенным дополнениями в предложении с двупереходным глаголом подтверждается также и с точки зрения холистической интерпретации понятия переходности. Как показала Л. Шварц-Норман, двупереходные конструкции не препятствуют такому толкованию, в соответствии с которым косвенный объект может рассматриваться как предмет, полностью вовлеченный в действие глагола (Schwartz-Norman 1976). Таким образом, ряд формальных и содержательных факторов дают возможность утверждать, что оба дополнения в двупереходной конструкции обладают некоторыми общими свойствами по отношению к глаголу. Все это свидетельствует о принципиальном тождестве обеих моделей этого уровня как репрезентантов концепта K^3 .

Вместе с тем из этого не следует делать вывод, что между постглагольными актантами модели $S\ Vtr\ O1\ O2$ нет никаких существенных различий. Определяющими факторами, на основании которых можно в каждом конкретном случае отличить косвенное дополнение от прямого, являются лексическое значение глагола и семантика слов, занимающих соответствующие позиции в предложении. Подчеркивая, что при наличии двух дополнений в конструкции одно из них всегда связано, а второе «подчинено уже целой глагольной группе», В. Н. Ярцева заключает, что «исходя из семантико-синтаксических признаков, можно говорить о наличии в современном английском языке дополнений свободного и связанного типа, причем тип словосочетания в каждом конкретном случае определяется значением глагола и значением слова, выступающего как дополнение» (Ярцева 1948: 15). Исследование О. В. Буланковой показывает, что конструкции с двумя беспредложными дополнениями по семантике могут быть подразделены на пять групп. В первую группу входят предложения со значением «передача материального объекта» у глаголов типа *give*. Вторая группа имеет значение «давать» только в более широком контексте (*to make you a ripe*). Сюда относятся глаголы *cook*, *mix*, *rouge* и др. Третья группа обладает семантикой «воздействие субъекта на адресат» — *They'll do you no harm*. Предложения этой группы содержат глаголы типа *strike*, *cut*, *hit*. Смысловое содержание предложений четвертой группы — «брать» — обусловлено значением глаголов типа *ask*, *take*, *charge*, *cost*. И, наконец, пятая группа двупереходных конструкций обозначает «отношение субъекта к наличию объекта у адресата» и включает предложения с глаголами типа *wish (you luck)*, *envy*, *forgive* и др. (Буланкова 1970). Если использовать понятия падежной грамматики (см. Богданов 1977), то можно отметить, что косвенный объект поддается интерпретации либо как «бенефактив», т. е.

как лицо (предмет), в пользу или во вред которого совершается действие (группы 1, 2, 4); либо «пациент» — лицо (предмет), испытывающий воздействие субъекта (группа 3); либо как «перцептив», т. е. объект психологического состояния субъекта (группа 5). Другими словами, действие совершается по направлению к косвенному объекту. Прямое дополнение гораздо менее определено в этом отношении.

Немаловажное значение также имеет соотношение референтных характеристик имен в позиции O1 и O2. Известно, что для косвенного объекта существенную роль играет отношение имени к категории «одушевленное — неодушевленное», в то время как прямое дополнение может варьироваться в пределах более широкой категории «конкретное (материальный объект) — неконкретное». Именно поэтому нейтрализация «двупереходности» как дифференциального признака, характеризующего модель S Vtr O1 O2, осуществляется за счет использования в позиции прямого дополнения предикатных слов, лишенных референции к конкретному материальному объекту действительности (Jim gave Bill a push = Jim pushed Bill). Способность двупереходной конструкции выражать общее содержание, присущее модели S Vtr O1 свидетельствует, что S Vtr O1 O2 является менее оптимальным, или маркированным, репрезентантом концепта K³ (предикативность + акциональность + объектность + переходность).

Концепт пятого уровня системы (K⁴) — это интегральный признак «K³ + двупереходность». Признаком, дифференцирующим модели A¹ (S Vtr O1 O2) и B (S Vtr O1 Oloc), здесь становится «локативность», т. е. один из актантов модели-репрезентанта B концепта K⁴ функционально соотносится с косвенным объектом и характеризуется признаком «локативность» — Oloc.

Традиционно в составе предложений типа John put the book on (to) the shelf выделялось «обстоятельство места» — on (to) the shelf. В то же время по характеру отношений с глаголом предложения этот компонент едва ли подходит под общее определение обстоятельства как второстепенного члена предложения, свободно устранимого из предложения без нарушения каких-либо синтаксических связей и обозначающего условия протекания процесса. Прозрачность семантики компонентов предложения, указывающих на характер условий, при которых проходит действие глагола (время, место, причина, цель, образ действия и др.), использовалась фактически как определяющий признак функции «обстоятельство». Как следствие основными критериями при определении «обстоятельства места» и его отличия от дополнения стали способность предложения отвечать на вопрос Where?, Where to? (Where did John put the book? — He put it on (to) the shelf) и возможность заменить предложную группу наречными словами there, here (John put the book there).

Применение указанных критериев не вызывало бы сомнений, если бы между ними и обстоятельственной позицией в предложении существовало одно-однозначное соответствие, т. е. если бы во всех случаях, когда можно заменить предложную группу наречиями *there, here*, предложная группа обозначала бы «условия протекания процесса». По мнению А. И. Смирницкого, выражение условий процесса составляет «существо обстоятельства» и проявляется в том, что обстоятельство в отличие от дополнения может соотноситься с подлежащим и/или дополнением непосредственно, помимо сказуемого. Это положение он иллюстрировал анализом предложения *He met her there*, в котором *there* независимо от глагола вступает в трехстороннюю связь с подлежащим (*he — there*), дополнением (*her there*) и с самим глаголом (*met — there*) (Смирницкий 1957: 219). Подобный анализ неприменим к предложной группе в конструкциях типа *John put the book on the shelf; Bill poured some water into his cup*. Связь оборотов *on the shelf, into his cup* с остальными компонентами в этих предложениях в принципе иная: имя в предложной группе указывает не на условия, в которых происходит действие глагола, но обозначает предмет, по отношению к которому (но не в его пределах) происходит изменение конкретного местоположения объекта (прямое дополнение), причем это изменение происходит благодаря действию, обозначенному глаголом предложения. Поэтому если заменить предложную группу на наречие *there* и попытаться установить «непосредственные» связи *there* с остальными компонентами предложения, то, с одной стороны, наблюдается различие в смысловых связях *put — there* и *book — there* (первое — динамичность, а второе — статичность) и, с другой стороны, отсутствие связи *he — there*.

Семантическая маркированность сирконстантов (обстоятельств) является принципиально необходимой, поскольку «эта маркировка... как бы компенсирует дефицит синтаксической валентности» (Богданов 1978: 30). В то же время актантный статус именного элемента предложения определяется не столько его семантической маркированностью / немаркированностью, сколько по степени его обязательности в предложении (там же: 28—29). Обязательный, валентно обусловленный элемент предложения может характеризоваться локативной семантикой, оставаясь при этом актантом, занимающим определенное место в сети функциональных зависимостей, образующих структуру предложения. Выделяя модель управления, представляемую предложениями типа *John put the books on the table*, И. Б. Долинина подчеркивает, что к данной модели относятся глаголы, «которые... управляют прямым и косвенным дополнениями, но третий актант которых имеет семантику локатива, в связи с чем этот элемент традиционно интерпретируется как обстоятельство» (Долинина 1979: 59). И. В. Альтман также отмечает

соотнесенность локализаторов в трехчленной конструкции с сильноуправляемым членом предложения, «а именно — косвенным объектом» (Альтман 1981: 93). Р. Квирк и др. прямо указывают, что «наиболее обязательными» обстоятельственными словами (*adjuncts*) в предложении являются адьюнкты со значением места (Quirk, Greenbaum et al. 1976: 167).

Это, конечно, не означает, что предложно-именное сочетание с локативным значением будет играть роль синтаксического актанта в любом предложении. Например, сочетание *in the garage* выполняет различные функции в предложениях *John washes his car in the garage* (сирконстант) и *John keeps his car in the garage* (актант). Ч. Филлмор определяет это различие как различие между «внешним» и «внутренним» локативами, которое зависит от «степени избирательности (*selectivity*)» глаголов (Fillmore 1968: 26); см. также (Platt 1971: 102). Важно, что только локативное обстоятельство (сирконстант) модифицирует обозначаемое предложением событие, определяя пространственные условия его протекания (Lakoff 1970: 102).

Таким образом, модель В на пятом уровне в системе основных моделей предложения (S Vtr O1 Oloc) содержит сильноуправляемый актанта, соотносимый с косвенным дополнением и характеризующийся признаком «локативность». Выбор «локативности» в качестве дифференциального признака модели S Vtr O1 Oloc обусловлен тем, что нейтрализация именно этого признака приводит к таким высказываниям, содержание которых совпадает с содержанием модели A1 (S Vtr O1 O2); ср.: *John sent the car to the station* и *John sent the car to Mary*. Доказательством реальности связи между нейтрализованной («абстрактной») локативностью и содержанием косвенного дополнения могут служить доводы локалистической теории падежей, в соответствии с которой функции падежей сводятся к выражению прежде всего пространственных отношений (Anderson J. 1971). В. Скаличка, например, рассматривает дательный падеж как грамматический элемент, способный выражать «переносное», отвлеченное содержание, основанное на конкретном пространственном значении (Скаличка 1957).

Поскольку нейтрализация дифференциального признака связана со свойствами лексического материала, используемого для построения предложения, постольку важнейшим фактором, обуславливающим нейтрализацию локативности, следует считать противопоставление «лицо (*human*) — не-лицо (*non-human*)». По мнению Е. Куриловича, указанное противопоставление «лежит в основе всех систем классификации действительного», причем немаркированным, или основным членом этой оппозиции, является категория «лицо» (Kuryłowicz 1972: 175—176). Из этого можно сделать вывод, что в системе моделей предложения направление процесса адаптации репрезентанта В к центру К⁴ обусловлено нейтрализацией категории «не-лицо» как

маркированного члена оппозиции: использование в позиции Oloc имен, содержащих сему «лицо» (или, как менее сильное требование, сему «одушевленность»), приводит к тому, что модель S Vtr O1 Oloc становится способной выразить основное содержание модели S Vtr O1 O2 (I gave a book to the boy = I gave the boy a book).

Следует подчеркнуть, что конструкция I gave a book to the boy занимает в грамматической системе языка двойственное положение. С одной стороны, она разделяет ряд семантических свойств с предложениями, в состав функциональных зависимостей которых входит косвенный (беспредложный) объект. Этот факт дал представителям порождающей грамматики возможность связать I gave the boy a book и I gave a book to the boy трансформацией «перемещение датива». С другой стороны, ясно, что грамматические связи в этих семантически соотнесенных конструкциях не идентичны (Jespersen 1965: 291). Такая двойственность элементов the boy (косвенный объект) — to the boy (предложный объект) отражена в концепции В. В. Бурлаковой, предложившей считать их одним членом предложения, а именно — «альтернативным дополнением» (Бурлакова 1975: 42). Поведение «альтернативного дополнения», по-видимому, можно объяснить тем, что элемент to the boy является результатом процесса адаптации модели S Vtr O1 Oloc к концепту K⁴.

Таким образом, система основных моделей предложения, построенная с использованием ряда общих положений теории систем, предполагает выделение модели S Vtr O1 Oloc как осложненного дифференциальным признаком «локативность» и, следовательно, менее оптимального репрезентанта концепта K⁴.

Итак, система основных моделей предложения в английском языке может быть построена как иерархия асимметричных оппозитивных отношений. Важнейшим понятием в данной системе является понятие «концепт» модели. Концепт модели выражает требования, предъявляемые системой моделей к элементу, занимающему один из функциональных узлов, определяет способ синтаксического представления смысла в предложении и обеспечивается целостными свойствами модели как самостоятельного, структурно организованного объекта. Модель является формой представления концепта и связывается с ним через процесс адаптации, т. е. через нейтрализацию содержания формального признака, отличающего данную модель от формы, оптимально соответствующей концепту. Адаптация модели к концепту, как и образование маркированных форм выражения концепта, осуществляется благодаря свойствам лексического материала, используемого для построения конкретных предложений. В этом состоит специфика отношений между внутренним строением отдельной модели и системой моделей предложения в языке.

ВАРИАТИВНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Семантическая и синтаксическая (формальная) структура современного английского предложения является результатом длительного процесса развития мыслительных способностей носителей языка и напрямую связанных с этим выразительных потенций самого языка. Иными словами, совершенствование языковых средств, используемых для передачи мысли, непосредственно отражает уровень развития человеческого сознания и зависит от этого уровня, способного в разные периоды оперировать разными объемами информации, разными понятиями и осуществлять с ними разные логические операции (Юдакин 1984; Журавлев 1982).

Сказанное относится ко всем уровням анализа предложения — грамматическому, семантическому, логико-грамматическому (или логико-семантическому), коммуникативному, кроме, как представляется, фонетического. Фонетические изменения связаны в первую очередь с «механическими», или «натуральными», причинами (развитие артикуляционного аппарата, условия проживания, взаимодействие с другими языками и т. д.) либо с причинами системного характера (изменения в системе фонологических оппозиций) и не имеют прямого отношения к интеллектуальному развитию в филогенетическом аспекте.

Возможно предположить, что связь между развитием сознания и организацией предложения максимально рельефно может проявляться в сфере самых глубинных уровней порождения предложения, которые именно в силу своей «глубинности» наиболее адекватно отражают речемыслительные процессы, протекающие в мозгу носителей языка. Одним из таких уровней является логико-грамматический, описывающий «наиболее общие модели, в которых мысль формирует смысл» (Арутюнова 1976: 18). Теория логико-грамматической организации предложения базируется на соответствии между формами логического суждения и способами их представления в языке. Принято различать экзистенциальные, атрибутивные суждения, суждения отношения и тождества (Кондаков 1975: 577; Падучева 1990: 499). Экзистенциальные суждения (суждения существования) «имеют целью утверждать бытие или существование логического объекта»; атрибутивные (суждения свойства) утверждают или отрицают «наличие у предмета того или иного известного свойства»; суждения отношения отражают «отношение двух предметов (свойств, качеств) по величине, последовательности, положению в пространстве, времени, интенсивности качеств, связи причины и действия, родству и т. д.». Наконец, суждения тождества характеризуются равнообъемностью понятий субъ-

екта и предиката (Кондаков 1975: 577) и служат целям идентификации объекта действительности.

Нетрудно заметить, что перечисленные выше виды суждений в максимальной степени охватывают все разнообразие человеческой мысли — от утверждения о существовании объекта до описания его всевозможных свойств, связей, действий и отношений. Тем самым они отражают все «пропозитивное поле», составляющее предмет мыслительной деятельности. Аналогичным образом, соответствующие им логико-грамматические типы предложения способны выразить полный набор пропозитивных смыслов, имеющих или способных возникнуть в процессе речетворчества. Теоретически достаточно разработанная система типов, подтипов и вариантов логико-грамматической организации предложения может представлять собой полное описание семантических и грамматических потенций языка.

Исследователи логико-грамматической организации предложения исходят из тезиса о том, что «логическая организация мысли регулярно выражается в определенных синтаксических структурах» (Арутюнова, Ширяев 1983: 7). При этом, естественно, если логическая организация мысли может рассматриваться как универсальная категория, не зависящая от особенностей того или иного языка, то выражающие ее синтаксические структуры детерминированы конкретными языковыми законами. В зависимости от того, какому аспекту организации предложения — логическому или грамматическому — отдается предпочтение при выделении базовых логико-грамматических типов, различаются ономасиологический и семасиологический подходы (Третьяков 1992). В современном отечественном языкознании принятым можно считать ономасиологический подход, ориентированный на направление анализа от значения к форме. В силу универсальности мыслительных категорий разрабатываемая на основании такого подхода логико-грамматическая теория предложения оказывается адекватной для описания самых различных языков, поскольку выявляет в них именно те модели, которые отражают в первую очередь мыслительные, а не грамматические особенности. С учетом разной степени детализированности классификаций и, что наиболее важно, того факта, что они разработаны применительно к разным языкам — русскому, французскому и немецкому (Адмони 1973; Арутюнова 1976; Гак 1986: 145—155), их сходство представляется весьма наглядным:

Н. Д. Арутюнова (1976)

В. Г. Гак (1986)

В. Г. Адмони (1973)

Экзистенциальные предложения

Экзистенциальные предложения
Предложения, выражающие бессубъектный процесс

Бытийные предложения

Предложения характеристики	Предложения характеристики, классификации Квалификативные Реляционные Локальные Акциональные Статальные	«Отправной логико-грамматический тип» Предложения с семантической качественной признака-свойства Предложения с семантикой включения Предложения с субъектно-объектной семантикой
Предложения тождества	Предложения тождества	Предложения с семантической отождествления

В основу выделения отдельных типов предложения положено сочетание нескольких взаимодополняющих признаков. Во-первых, природа сущностей, между которыми в предложении устанавливается связь: предмет, понятие, имя. Во-вторых, направление этой связи: в случае отношений экзистенции мысль движется от понятия к объекту, обладающему заданной совокупностью черт: *В этой стране есть испанские змеи*; в случае отношений характеристики мысль движется от объекта к понятию (признаку): *Море сегодня спокойно*; отношения тождества (идентификации) обращены на один объект и устанавливают его тождество самому себе, опираясь либо на различие дескрипций, либо на различие имен этого объекта: *Павел есть Савл* (Арутюнова 1976: 18—20, 301). В-третьих, основные логико-грамматические типы предложения различаются по референтной соотношенности своих именных компонентов: в экзистенциальных предложениях имя «бытующего предмета» (субъекта бытия) всегда нереферентно; в предложениях характеристики, напротив, имя объекта характеристики (либо субъекта действия в случае акциональных предложений) употребляется референтно, тогда как имя приписываемого признака, естественно, не имеет референции: *Jack is a student*; в предложениях тождества оба именных компонента кореферентны. Наконец, в-четвертых, последней особенностью, различающей предложения разных логико-грамматических типов, является их коммуникативная направленность и, следовательно, роль в организации текста. Экзистенциальные предложения, сообщающие о существовании или наличии объекта, открывают текст, составляя «экспозицию» для дальнейшего его развития; ср. традиционное начало народных сказок «Жили-были дед да баба, и была у них курочка ряба» или «Once upon a time there was a mighty king». Лишь после представления объекта ему посредством предложений характеристики могут быть приписаны те или иные характеристики (квалификативные, локативные, акциональные и т. д.). Сопоставление таких характеристик может

дать основание для идентификации (отождествления) объектов, для чего служат предложения тождества.

Отступления от этой последовательности, встречающиеся в авторских литературных произведениях, являются стилистическим приемом, призванным ввести читателя непосредственно в центр повествования; ср. начало одного из рассказов Э. Хемингуэя: *I. He came into the room to shut the windows while we were still in bed and I saw he looked ill* (Н., 227). В результате читатель, неожиданно для себя ставший свидетелем развивающихся событий, остается в напряжении до тех пор, пока по имеющимся в последующем тексте данным не воссоздаст место действия и его участников. Такого рода «отступления» касаются переноса в начало текста предложений характеристики; примеры аналогичного использования предложений тождества вряд ли могут быть обнаружены, поскольку это представляло бы собой существенное нарушение логической структуры текста и делало бы его непригодным для восприятия.

Вполне естественно, и предшествующий абзац наглядно это иллюстрирует, что в живом языке описанная выше стройная картина организации и распределения логико-грамматических типов предложения претерпевает существенные изменения, которые, в частности, могут идти по линии как синтаксического, так и семантического варьирования. Синтаксическим мы согласимся называть в данном случае такое варьирование, при котором имеет место увеличение числа структурных моделей, используемых для передачи базового значения данного логико-грамматического типа (ср., например, возможность передачи значения бытия с использованием как экзистенциальной модели (*There is a cherry-tree in my garden*), так и посессивной модели (*I have a cherry-tree in my garden*)). Синтаксическое варьирование является результатом диахронических процессов, связанных с развитием грамматических выразительных средств языка. Предпринятые многочисленные попытки описания грамматических структур, используемых для передачи значения того или иного логико-грамматического типа, свидетельствуют о возможности достаточно полного исчисления таких структур на материале разных языков или, по крайней мере, отграничения первичных и вторичных моделей передачи типового значения предложения (Гак 1986).

Семантическим назовем такое варьирование, при котором одна грамматическая модель приобретает способность выражать значения, присущие разным логико-грамматическим типам. Так, акциональная модель, свойственная одному из подвидов предложений характеристики (*John struck me*), вследствие возникновения возможности использования в ней абстрактной лексики становится способной передавать экзистенциальное значение (*An idea struck me* = *I had an idea*; *An idea came into my head*). Особенной «плодовитостью» в этом плане отли-

чаются экзистенциальные предложения. Н. Д. Арутюнова приводит достаточно естественно звучащий фрагмент текста, сплошь состоящий из предложений этого типа:

<...> Сейчас лето. В небе яркое солнце, нет ни облачка. Дождей не было давно. Есть у нас замечательный сосед — мальчик Вася. У него светлые выгоревшие волосы и серые глаза, на голове панамы, на ногах кеды. С ним всегда шенок по имени Черныш. У мальчика со щенком большая дружба. Тут нет ничего странного. У них обоих хоть и небольшой жизненный опыт, зато есть молодость, сила, жизнерадостность... (Арутюнова, Ширяев 1983: 6).

Понятия синтаксического и семантического варьирования отчасти близки, но не тождественны понятиям интерференции и конверсии в системе логико-грамматических типов предложения (Третьяков 1992). Интерференция — появление у предложения одного логико-грамматического типа дополнительного значения, свойственного другому логико-грамматическому типу, например, возникновение дополнительного квалификативного значения у экзистенциального в своей основе предложения *There is a good restaurant in this town* (= *There is a restaurant in this town and it is good*). Конверсия предполагает более существенные семантические сдвиги, приводящие к тому, что предложение, построенное по модели одного логико-грамматического типа, переходит в другой: *There was anger on his face* = *He looked angry*. Таким образом, синтаксическое варьирование является материальной базой для интерференции, тогда как семантическое варьирование обеспечивает действие механизма конверсии.

Описание синтаксического варьирования учитывает поведение отдельных грамматических конструкций, характерных для тех или иных логико-грамматических типов предложения, особенности функционирования определений, выражение разного рода обстоятельственных значений, специфику выражения отрицательного значения (Ревзин 1975; Селиверстова 1977; Арутюнова 1982; см. также главу 2 части III настоящего издания). Представляется, что в английском языке наибольшей способностью к такого рода варьированию обладают структуры с экзистенциальным значением.

«Классическим» способом выражения этого значения считается предложение с вводным *there*: *There is an account book on the table* (Есперсен 1958: 175—176). Ряд исследователей причисляет к экзистенциальным и предложения типа *An account book is on the table*, передающие, по распространенному мнению, то же значение (Breivik 1975; Лайонз 1978: 413). К этому типу можно отнести и предложения, построенные по посессивной модели: *I have an account book*, в которых областью бытия предмета является его обладатель. Нет оснований отказывать в статусе экзистенциальных и односоставным номинативным предложениям (*Night, Winter* и т. д.): в русском, французском (Гак 1986) и других языках они рассматриваются в рамках

этого логико-грамматического типа либо как первооснова, либо как результат редукции двусоставных предложений *In лесу тишина* → *Тишина*.

Особый интерес могут представлять экзистенциальные предложения, сообщающие о существовании или наличии абстрактного понятия — признака, события, действия или его результата. Наряду с приведенными выше структурами, для этой цели нередко используются предложения, построенные по акциональной модели и содержащие глаголы, обычно обозначающие физическое действие: 2. *With a grip of sweat, terror seized me* (С., 155). 3. *A heavy silence fell in the room* (L. R., 72). 4. *Then an idea came into his mind* (Ibid., 615). Подобное употребление следует, по-видимому, объяснять тем, что при выражении абстрактного понятия (действия, признака) несвойственным для этого значения образом (существительным, а не глаголом или прилагательным) происходит своего рода метафоризация понятия, в результате чего оно воспринимается в известной мере как конкретный объект, способный к самостоятельным действиям (*seize, fall, come*). Тем не менее общее экзистенциальное значение подобных предложений подтверждается наличием практически у каждого из них семантических коррелятов «традиционной», экзистенциальной структуры: *A heavy silence fell in the room* ← *There was a heavy silence in the room*.

Синтаксическое варьирование в сфере предложений характеризации обусловлено весьма широким, как это было отмечено выше, спектром значений атрибутивных суждений: они могут содержать акциональную, статальную, квалификативную, классификационную и иную информацию. Близость предложений разных подклассов, объединенных общим значением характеризации, хорошо демонстрирует сопоставление синтаксически отличных, но семантически тождественных предложений акционального и квалификативного подтипов: *She teaches English* ↔ *She is a teacher of English*. Предложения тождества, имеющие ограниченную сферу значения и употребления, демонстрируют меньшее разнообразие синтаксических моделей, однако и здесь на материале разных языков исследователи отмечают как минимум два принципиально отличных варианта: *Paul ist Saul* ↔ *Paul und Saul ist eine und dieselbe Person* (Ревзин 1975: 52—53).

Как показывает сопоставление приведенных примеров, ведущим при отнесении к тому или иному логико-грамматическому типу является не структурный признак, а комплекс семантических признаков. Так, для экзистенциальных предложений главнейшими среди них оказываются трехчленная семантическая структура, включающая «бытующий предмет», «область бытия» и «показатель бытия», а также обязательное нереферентное употребление имени бытующего предмета, формально выражаемое использованием неопределенного (для исчисляе-

мых существительных) или нулевого (для неисчисляемых существительных) артикля. С этим связана и непременно рематическая функция имени бытующего предмета, выявляемая при анализе коммуникативной организации предложения.

Из двух видов варьирования семантическое представляет наибольший интерес для исследователя, поскольку оно приводит к наиболее радикальным сдвигам в развитии изобразительных потенций языка. Результатом такого развития может явиться ситуация, при которой генетически разнородные, но внешне сходные и на синхронном уровне зачастую неразличимые синтаксические структуры используются для передачи принципиально разного логико-грамматического значения.

Как отмечалось выше, использование пропозитивной лексики (в первую очередь — абстрактных существительных) может коренным образом изменить значение предложения и перевести его из одного логико-грамматического типа в другой при том, что структурная схема не претерпевает никаких изменений: *I have a cat* (посессивная конструкция, значение обладания); *I have an idea* (посессивная конструкция, значение процесса) или *There was lipstick on his face* (экзистенциальная конструкция, значение наличия); *There was a smile on his face* (экзистенциальная конструкция, акциональное значение).

В английском языке наибольшей способностью к семантическому варьированию обладает, по-видимому, сочетание «глагол *to be* + существительное», представленное как в экзистенциальных предложениях, так и в предложениях характеристики и тождества: *There is an apple on the table* (экзистенциальное предложение); *Jack is a student* (предложение характеристики); *Mary is Billy's wife* (предложение тождества).

Такое положение, по всей вероятности, следует связывать с грамматической и лексической многозначностью глагола *to be*: он может выступать в качестве полнозначного в экзистенциальных предложениях и предложениях тождества, выражая соответственно значение бытия и отождествления (Ревзин 1975: 52—53), и в качестве служебного — в предложениях характеристики. (Подробнее об особенностях конструкций с глаголом *to be* см. главу 2 части III настоящего издания.)

Специальный интерес представляют случаи, когда на принадлежность предложения к логико-грамматическому типу влияет референциальная отнесенность его компонентов. Так, «классические» экзистенциальные структуры с вводным *there* коренным образом меняют свое коммуникативное значение в тот момент, когда перед существительным, означающим «бытующий предмет», появляется определенный артикль: *There is a house in the country* ↔ *There is the house in the country*. На месте экзистенциального предложения, сообщающего о наличии некоторого объекта в определенном месте, возникает предложение характеристики, обладающее сложной семантической

структурой и имеющее общее побудительное значение (*We must not forget about the house in the country*).

Наконец, остановимся на значении варьирования в системе логико-грамматических типов предложения и его причинах. Возникновение и расширение возможности варьирования есть исторический процесс, непосредственно связанный с расширением потенциала мыслительных способностей носителей языка, которые находят все более изощренные средства для отражения все более сложных мыслительных структур. Эти средства отнюдь не ограничены областью структурного усложнения модели; усложнение, как показывают приведенные выше примеры, может идти по линии расширения объема и изменения качества используемой лексики, а также перераспределения функциональной нагрузки элементов структуры, что позволяет достигнуть существенных семантических сдвигов при использовании минимума грамматических средств.

По сути, рост варьирования и есть развитие языка, его выразительных способностей. Однако механизмы действия синтаксического и семантического варьирования представляются нам различными. Первое основано на использовании имеющегося синтаксического аппарата языка, на усложнении структуры предложения до того максимума, который в каждый данный момент доступен восприятию носителей языка. Второй вид варьирования опирается на совершенно иные языковые уровни — референциальный, коммуникативный и семантический, т. е. использует значительно большую часть «средств», предоставляемых самой природой логико-грамматических типов предложения.

Глава 3

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ГЛАГОЛОВ (на материале практических грамматик)

3.1. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Центральное место в грамматической системе английского языка занимают структурные схемы — модели простого предложения — материал, подлежащий обязательному усвоению. В целях выявления того, как подается соответствующий материал, были изучены учебные пособия — практические грамматики английского языка, предназначенные как для специалистов — преподавателей и студентов языковых вузов (ГБШ, ГВ, ГГ, ГК, ГКИ, РЕГ, RGSE, UGE), так и для студентов неязыковых вузов (ГБ) и школьников старших классов (ЕОС). Шесть из них написаны отечественными лингвистами, остальные — ан-

глийскими и американскими авторами. Во всех обследованных изданиях данный материал представлен в большей или меньшей степени. В связи с некоторыми структурами, главным образом усложненными, или некоторыми грамматическими категориями даются перечни глаголов, организующих эти структуры (модели). В данной главе мы попытаемся на материале практических грамматик проследить конструктивную значимость лексико-семантических групп глаголов, т. е. показать, как учитывается роль лексико-семантических групп в предложениях, описываемых определенными моделями или схемами. Под лексико-семантической группой мы понимаем совокупность слов и отдельных лексико-семантических вариантов слов, принадлежащих к одной и той же части речи и соотношенных друг с другом по лексическим значениям.

Анализ лексико-семантических групп глаголов, проводимый многими современными исследователями (Сильницкий 1986; Юрин 1988; Касимова 1989; Шведова 1989; Грин 1992), показывает, что слово является активно действующей единицей, причем действия эти, направленные в сферу грамматики, имеют конструктивный характер, т. е., что словесная ткань языка не просто подчиняется грамматическим правилам, но вместе с правилами — в разных видах взаимодействия с ними — участвует в формировании грамматического строя. Преподаватель английского языка должен осознанно владеть теоретическим и практическим знанием о взаимодействии грамматики и лексики; иметь четкое представление о наличии определенного числа групп глаголов, организующих те или иные модели предложения; иметь представление о максимальном и минимальном числе моделей, поскольку эти знания отражают основополагающие законы функционирования любого языка.

Лексико-семантические группы глаголов и соответствующие им понятийные поля в значительной степени сходны в английском и русском языках, что облегчает усвоение английского языка студентами и задачу преподавателя, так как учащийся в состоянии отнести определенное число глаголов к соответствующей лексико-семантической группе и использовать правильную модель предложения.

Согласно результатам обследования учебников число лексико-семантических групп, подлежащих усвоению, может не превышать 20 (сюда не входят грамматические глаголы, связки, модальные глаголы). Суммируя материалы практических грамматик, можно выделить следующие лексико-семантические группы глаголов:

- 1) чувства: *admire, detest, dislike, dread, esteem, fear, hate, honour, like, love, regret, respect, surprise*;
- 2) физическое восприятие: *feel, hear, know* 'слышать о чем либо', *notice, observe, perceive, see, smell, taste, watch*;
- 3) умственная деятельность: *assume, believe, conceive, con-*

sider, doubt, expect, fancy, feel 'считать, полагать', find 'находить, считать', guess, imagine, judge, know, perceive, presume, regard, remember, suppose, take 'понимать', think, trust, understand;

4) речь: announce, answer, ask, declare, exclaim, inquire, pronounce, reply, report, say, speak, state 'заявлять, сообщать';

5) называние / назначение: appoint, call, choose, christen, declare, elect, look upon, make 'быть, становиться', name, nickname, nominate, pronounce, take 'считать, рассматривать';

6) побуждение (принуждение, приказание, предложение): allow, ask 'требовать', bid, cause 'заставить, распорядиться', command, demand, force, get 'добиться', have 'заставить сказать, чтобы', insist, make 'заставить', move, order, propose, recommend, require, stimulate, suggest, urge;

7) желание / нежелание: bear, choose 'хотеть', desire, hate 'не хотеть', intend, like, long, mean 'хотеть', stand, strive, want, wish;

8) модальное значение (попытка, намерение): attempt, determine, endeavour, expect, hope, intend, mean 'намереваться', seek 'пытаться', strive, try, venture, want;

9) уклонение от выполнения действия: avoid, delay, escape, evade, miss, postpone, put off;

10) отказ совершить действие: decline, refuse, neglect;

11) движение (перемещение в пространстве): arrive, come, depart, fall, fly, go, leave, return, rise, sail, start, turn;

12) положение в пространстве: be, hang, lie, sit, stand;

13) начало, продолжение или конец действия или проявление признака: а) begin, burst out, come to, commence, fall to, set about, start; б) be, continue, go on, keep, keep on; в) cease, finish, give up, leave off, stop;

14) состояние / становление: become, last, owe, own, possess, resemble, suit;

15) существование: be, die, live;

16) случайность / «кажимость»: appear, chance, follow, happen, look, seem, turn out;

17) мгновенное действие: drop, grasp, hit, jump, kick, knock, nod, seize, snatch, tap;

18) состояние погоды: freeze, hail, rain, snow, thaw.

Данный перечень, конечно же, не охватывает весь класс глаголов или даже всех глаголов, упоминаемых в практических грамматиках, но он даст представление о том, какие именно лексико-семантические группы и какие глаголы авторы практических грамматик чаще всего используют.

Число моделей и их вариантов, соотносимых с лексико-семантическими группами, может также не превышать 20 или 25. За основу можно взять список конструкций А. Хорнби (1960), а основные модели — по грамматикам: «A University Grammar of English» (с. 154—155), «A Practical English Grammar»

(с. 79—81), «A Reference Grammar for Students of English» (с. 33—34, 190—193).

Авторы грамматик по-разному подают грамматический материал, и, хотя все они выделяют ряд моделей предложения с определенными лексико-семантическими группами глаголов, полученные данные не дают возможности организовать материал по порядку этих групп или моделей предложения. Поэтому он далее излагается по мере усложнения предложения: сначала рассматривается простое предложение, затем предложение с неличными формами глагола и, наконец, сложноподчиненное предложение.

3.2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ И МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

3.2.1. Лексико-семантические группы глаголов в простых предложениях

Глаголы лексико-семантической группы «название / назначение» функционируют в простых предложениях типа: 1. They elected Mary chairwoman (EGC, 31). Модель предложения по UGE: subject + verb transitive + direct object + object complement. Но авторы данной грамматики этой же моделью описывают предложения типа: 2. We have proved him wrong (UGE, 154). В PEG выделяются два варианта этой модели — для примера 1: verb + direct object + noun adjunct, для примера 2: verb + direct object + adjective. Авторы RGSE тоже различают предложения типа примеров 1 и 2 (RGSE, 204), хотя, по их мнению, такие предложения можно описать и одной общей моделью: verb transitive + direct object + complement.

Важно отметить, что в предложениях, где позиция complement занята существительным, встречаются глаголы только вышеупомянутой лексико-семантической группы, а когда эта позиция занята прилагательным, то количество глаголов, которые могут функционировать в таких предложениях, резко увеличивается. Наряду с некоторыми глаголами из группы «название / назначение», которые могут встречаться в обоих вариантах модели (например: make him happy, make him president — (PEG, 115)), появляются глаголы из лексико-семантической группы «умственная деятельность» (find, judge, think и др.), «желание / нежелание» (want, wish, like), а также глаголы, которые не входят в выделенные нами группы (burn, drive, gender, break, burst, cut, fling, force, pull, push, slit и др.): 3. We pushed the door open (RGSE, 204). Как мы видим, разница между вариантами модели значительна. А. С. Хорнби даже рассматривает их как разные (Хорнби 1960: 48—53). Зависимость между лексико-семантической группой и моделью предложения усматривается только в том случае, когда complement — существительное.

Только более дробные модели позволяют показать специфику примера 1 (по сравнению с примером 2). Это подтверждает мысль о том, что обобщенные модели не очень удобны в практических учебных пособиях.

3.2.2. Лексико-семантические группы глаголов в предложениях с неличными формами глагола

Во всех рассмотренных грамматиках выделяются лексико-семантические группы глаголов, которые встречаются в предложениях, содержащих неличные формы глаголов. Разница в терминологии при описании неличных форм глагола и сказуемого в грамматиках вызывает трудности с описанием моделей. В некоторых грамматиках герундий как отдельная форма не учитывается. Но так как в большинстве рассматриваемых работ все же принято выделение трех неличных форм глагола, то мы будем придерживаться традиционной терминологии.

1. Глаголы лексико-семантической группы «начало, продолжение, конец действия или проявления признака» обычно выделяются авторами грамматик при описании предложений типа: 4. Tom went on whitewashing (ГК, 181); 5. My watch began to gain... (ГБ, 156). В PEG такие предложения описываются моделями: для примера 4 — verb + gerund, для примера 5 — verb + infinitive. Авторы грамматик отмечают, что только часть глаголов данной группы может употребляться в обоих типах предложений, не изменяя при этом их значения. Глаголы begin, start и continue могут стоять и перед инфинитивом и перед герундием. Только перед инфинитивом употребляются глаголы cease, come on 'начинаться'; только перед герундием — finish, give up 'перестать', go on 'продолжать', keep on, keep, leave off 'перестать', stop. В отечественных грамматиках сочетание личной формы глагола с инфинитивом или герундием рассматривается как составное глагольное сказуемое. Действительно, наверное можно сказать, что в данном случае лексико-семантическая группа организует не структуру предложения, а структуру сказуемого.

2. Лексико-семантическая группа глаголов с модальным значением «попытка, намерение» тоже может функционировать в подобных предложениях: 6. I intend to leave in a while (PEG, 91), модель verb + infinitive; 7. We do not intend placing orders for such machines (ГКИ, 336), модель verb + gerund. Глаголы intend, mean 'намереваться', try могут употребляться в обеих моделях без изменения их значения. (Но в PEG отмечается изменение значения глагола try: в сочетании с герундием он означает 'попробовать', в сочетании с инфинитивом — 'попытаться, постараться' (PEG, 100).) После глаголов attempt, endeavour, expect, hope обычно употребляется инфинитив.

В грамматиках выделяется и ряд других глаголов, которые могут функционировать в моделях, описанных выше, но они уже не группируются авторами в лексико-семантические группы, а даются списком.

Нам кажется, что выделение данных моделей и вышеназванных лексико-семантических групп целесообразно, так как и модели, и глаголы, их организующие, являются частотными.

3. После глаголов, входящих в лексико-семантическую группу «физическое восприятие», в предложении часто встречается так называемое сложное дополнение. В сложном дополнении после глаголов данной лексико-семантической группы может использоваться инфинитив, причастие I и причастие II: 8. I saw him cross the street. 9. I saw him crossing the street. 10. I saw the cases opened (ГКИ, 378). Модели предложений по РЕГ: для примера 8 — sensory verb + base-form with subject, для примера 9 — sensory verb + ing-form with subject, для примера 10 — verb + noun + participle. Авторы рассматривают предложения 8 и 9 как варианты одной модели. Но они имеют и отличие: причастие I выражает длительный характер действия, т. е. действие в процессе его совершения, а инфинитив в большинстве случаев выражает законченное действие. Это важно, потому что на русский язык примеры 8 и 9 будут переводиться по-разному: 'Я видел, как он перешел улицу' и 'Я видел, как он переходил улицу'. Пример 10 авторы РЕГ относят к другой модели, подчеркивая, что noun не является «деятелем» для данной модели, а, скорее, подвергается воздействию, тогда как subject в моделях примеров 8 и 9 чаще всего обозначает действующее лицо.

Следует заметить, что сложное дополнение с инфинитивом страдательного залога после лексико-семантической группы «физическое восприятие» не употребляется. Пассивное значение в этом случае передается при помощи модели с причастием II. Поэтому, вероятно, будет удобно рассматривать все три модели вместе, отмечая организующую роль вышеназванной группы глаголов и разницу в значении конструкций.

Привести и описать все структуры, упоминаемые в разных грамматиках в связи со сложным дополнением, трудно, так как подобное описание займет много места, и к тому же наиболее удобный вариант рассмотрения этих структур, как нам кажется, использован в ГБШ: все случаи употребления «трехчленной конструкции с объектно-предикативным членом» сведены вместе, и эта модель рассматривается обобщенно. Благодаря такому обобщенному подходу авторы смогли выделить все лексико-семантические группы глаголов, с которыми данная модель употребляется: «физического восприятия», «умственной деятельности», «побуждения», «называния / назначения», «желания / нежелания».

3.2.3. Лексико-семантические группы глаголов в сложных предложениях

В практических грамматиках отмечается, что после глаголов лексико-семантической группы «побуждение» параллельно употребляются два синтаксических построения: придаточное дополнительное предложение и предикативный оборот с инфинитивом — сложное дополнение: 11. He ordered that the goods be sent by ship (ГКИ, 238); 12. He ordered that the steamer should be unloaded (ГКИ, 572); 13. He ordered the cargo to be insured (ГКИ, 312). Модель предложений по PEG — для примеров 11 и 12: verb of commanding + that-clause with base-form verb; для примера 13: verb of commanding + noun + infinitive.

В практических грамматиках, написанных английскими и отечественными авторами, отмечается, что употребление Subjunctive I, как в примере 11, характерно лишь для официального стиля и чаще употребляется в американском варианте английского языка. Пример 12 встречается в официальном стиле британского варианта английского языка тоже. Наиболее употребительным и предпочтительным в речи является пример 13. Таким образом, разница между этими примерами заключается лишь в том, что они встречаются в разных стилях. Поэтому можно предположить, что сложноподчиненное предложение и предложение, содержащее сложное дополнение, в данном случае являются эквивалентами по значению и употребляются как две формы выражения одного и того же содержания.

Выделение модели verb of commanding + noun + infinitive имеет большое значение в преподавании английского языка, так как в русском языке глаголы приказа свободно сочетаются с дополнением, выраженным инфинитивом, а в английском языке существуют определенные ограничения. Поэтому единственно возможными переводами предложений: 14. *Он приказал оседлать коня*; 15. *Она приказала сжечь письмо* являются предложения: 16. He ordered the horse to be saddled; 17. She ordered the letter to be burnt (Смолина 1964: 14).

В пяти из рассмотренных грамматик выделяется лексико-семантическая группа глаголов «речи» и ряд глаголов из группы умственной деятельности (believe, expect, hear (знать), judge, know, see (понимать), suppose, think, understand) в связи с изучением сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным: 18. I know that he is here (PEG, 110). Модель предложения по PEG: verb + that-clause. В таких предложениях придаточное чаще всего вводится союзом that или бессоюзно после глаголов: believe, hear, know, say, see, tell, understand.

В UGE отмечается, что в данной модели могут встретиться также союзы if и whether, вводящие косвенный вопрос: 19a.

He asked whether they had arrived; и 196. He didn't know if they had arrived (UGE, 314).

Изучение лексико-семантических групп глаголов, подчиняющих дополнительные придаточные, представляет особый интерес, поскольку оно отчетливо выявляет содержание самих придаточных и цели их использования.

Возможно, о лексико-семантических группах глаголов можно говорить и в связи с другими типами сложноподчиненных предложений. Однако в практических грамматиках лексико-семантические группы глаголов не выделяются ни в связи с обстоятельственными, ни с какими-либо другими типами придаточных предложений, кроме дополнительных.

3.3. ГЛАГОЛЫ, ВХОДЯЩИЕ В НЕСКОЛЬКО ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

Глаголы, входящие в несколько лексико-семантических групп, и модели предложений, в которых они встречаются, можно разделить на две группы: 1) глаголы, изменяющие лексико-семантическое значение в связи с тем, что они могут функционировать как полнозначные и связочные; 2) многозначные глаголы.

Рассмотрим глагол *be*. Он входит в несколько лексико-семантических групп: «существование», «положение в пространстве», «начало, продолжение, конец действия или проявления признака». В ГБ приводится пример: 20. *Universe is*. Модель предложения по UGE: *subject + verb intransitive*. Здесь глагол *be* функционирует как полнозначный и относится к лексико-семантической группе «существование», куда входят и глаголы *live* и *die*. Все три глагола могут выступать в качестве связочных: 21. *The author is our guest* (EGC, 12); 22. *My elder brother lived and died a bachelor* (ГВ, 245). В данном случае значение глагола *be* практически утеряно, а лексико-семантическое значение глаголов *live* и *die* лишь ослаблено. Но теперь они относятся уже к группе «начало, продолжение, конец действия...», и структура примеров 21 и 22 соответствует модели: *subject + verb + subject complement*. К лексико-семантической группе «положение в пространстве» наряду с глаголом *be* относятся глаголы *stand*, *sit*, *lie*: 23. *Everybody is in* (ГГ, 403). Модель предложения: *subject + verb + adverbial modifier of place*. Пример 23 иллюстрирует употребление лексико-семантической группы глаголов «положение в пространстве» как полнозначных. Однако все глаголы данной группы могут выступать и в качестве связок: 24. *Teacher Williams lies dead, already* (ГК, 234). В этом случае, по нашему мнению, глаголы также меняют свою лексико-семантическую группу, т. е. переходят в группу «начало, продолжение, конец действия...», потому что обозначают уже не положение в пространстве, а, скорее, сохра-

нение или изменение признака. Модель для примера 24: subject + verb + subject complement.

Теперь рассмотрим глаголы других лексико-семантических групп, которые могут функционировать в качестве связочных.

К лексико-семантической группе «передвижение в пространстве» относятся глаголы go, come, leave, run, turn, fall, которые могут употребляться и как связочные. В примерах 25—26 эти глаголы выступают как полнозначные: 25. *Horses run fast* (ГВ, 244); 26. *He turned angrily round* (ГБШ, 139). Этим примерам соответствует модель subject + verb + adverbial modifier. При функционировании их в качестве связочных структура предложений изменяется, и они соответствуют уже модели subject + verb + subject complement 27. *In hot weather pools of water run dry* (ГВ, 244); 28. *The leaves on the trees turned yellow* (ГБ, 227). Наблюдается и изменение лексико-семантического значения этих глаголов: все они означают уже не «передвижение в пространстве», а, скорее, «становление признака», т.е. близки по значению к группе «начало, продолжение, конец действия или проявление признака».

Глаголы, относящиеся к лексико-семантической группе «физическое восприятие» (feel, look, smell, taste), также могут выступать как полнозначные и связочные. Как полнозначные они встречаются в предложениях типа: 29. *He felt great awe and admiration* (ГК, 233), модель предложения — subject + verb + object; 30. *She looked sleepily in my direction* (EGC, 162), модель — subject + verb + adverbial modifier. Модели предложений меняются, когда данные глаголы функционируют в качестве связочных: 31. *The cloth feels smooth* (PEG, 23); 32. *He looked stupid ... and happy* (ГК, 233). Здесь мы снова встречаем модель: subject + verb + subject complement и отмечаем изменение лексико-семантического значения глаголов: они обозначают наличие признака, который присущ предмету или объекту, выраженному подлежащим, и который может быть воспринят посредством органов чувств. Поэтому их можно отнести к лексико-семантической группе «начало, продолжение, конец действия или проявление признака».

Однако следует признать, что провести подобный анализ всех глаголов, которые могут выступать в предложении и в качестве полнозначных, и в качестве связочных, невозможно. Во-первых, круг связочных глаголов, как показал обзор литературы, пока не определен, и в каждой из практических грамматик мы находим лишь несколько наиболее употребительных, по мнению авторов, глаголов-связок. Во-вторых, еще малочисленнее списки глаголов, которые могут функционировать в предложении и как полнозначные, и как связочные (например, в EGC указывается лишь глагол to look. Поэтому трудно сказать, может ли глагол to hang, который, наряду с глаголами be,

lie, sit, stand, относится к лексико-семантической группе «положение в пространстве», выступать в качестве связки или нет). В-третьих, возникают трудности в связи с тем, что не все глаголы попали в какую-либо из выделенных нами лексико-семантических групп (например, глагол to grow в своем основном значении «расти» не вошел ни в одну группу, а как связочный глагол он относится к лексико-семантической группе «начало, продолжение, конец действия или проявление признака»: 33. Harris grew more cheerful (ГК, 232)).

Итак, часть глаголов может выступать в предложении и как полнозначные, и как связочные, изменяя или частично утрачивая при этом свое лексико-семантическое значение и становясь глаголами другой лексико-семантической группы. При этом изменяется модель предложения, т. е. изменение лексико-семантической группы конструктивно значимо: глаголы при изменении лексико-семантического значения переходят в другую лексико-семантическую группу, и, несмотря на то, что все морфологические признаки сохраняются, модель, в которой они функционируют, изменяется. По-видимому, необходимо обращать внимание на разницу в структурах предложений, когда глагол функционирует в качестве связочного или полнозначного. Следует отметить способность полнозначных глаголов частично сохранять свое лексико-семантическое значение. Это поможет сделать переводы предложений типа *Этот шелк мягкий* с русского языка на английский более разнообразными (The silk is soft. The silk feels soft). При переводе же предложения The silk feels soft с английского на русский будет меньше ошибок, если учащиеся будут учитывать особенности глагола feel в модели: subject + verb + subject complement.

Наряду с глаголами, легко поддающимися субкатегоризации и отнесению к какой-либо одной лексико-семантической группе, есть довольно много глаголов, имеющих несколько значений, причем каждое из них может выступать в качестве определяющего при отнесении данного глагола к той или иной группе. Поэтому в практических грамматиках авторы при выделении лексико-семантических групп вынуждены иногда указывать, в каком именно значении глагол входит в данную группу.

К наиболее употребительным глаголам, которые имеют несколько лексико-семантических значений и к тому же могут частично или полностью терять их, выступая в качестве связочных, вспомогательных и модальных, относятся глаголы be и have. Особое функционирование глаголов *быть* и *иметь* в языке отмечают не только авторы практических грамматик, но и известные теоретики (Бенвенист 1974: 203—225).

Глагол have выступает как полнозначный со значением «иметь, обладать» в предложениях типа: 34. Every mechanism has friction (ГБ, 136). Модель предложения по РЕГ: transitive verb + direct object. Когда же этот глагол имеет значение «за-

ставить сказать, чтобы», т. е. относится к лексико-семантической группе «побуждение», он функционирует в предложениях другого типа: 35. They had Bob teach Mary (UGE, 319). Это предложение соответствует уже совсем другой модели по PEG: verb + base-form with subject.

Глагол make тоже может относиться к лексико-семантической группе «побуждение» и функционировать в предложениях, описываемых этой моделью: 36. I made him write a letter (PEG, 80), но может встретиться и в предложениях типа: 37. We made him our leader (Ibid, 114). Это предложение соответствует уже совсем другой модели по PEG: verb + direct object + noun adjunct, т. е. глагол имеет значение «делать, назначать» и входит в лексико-семантическую группу «называние, назначение».

Глаголы see и hear, которые относятся к лексико-семантической группе «физическое восприятие», употребляются в предложениях со сложным дополнением, например: 38. I saw him open the window (ГКИ, 311). Модель: sensory verb + base-form with subject. Но эти глаголы не могут употребляться в предложениях, соответствующих данной модели, если они не выражают восприятия посредством органов чувств, а имеют значение «узнавать» (hear) и «понимать, замечать» (see), т. е. относятся, скорее, к лексико-семантической группе «умственная деятельность». Тогда они употребляются в предложениях с дополнительным придаточным: 39. I see that you have made some progress in your English (ГКИ, 310).

То, что один и тот же глагол входит в несколько лексико-семантических групп, не редкость. Но лишь в одной из рассмотренных грамматик, а именно в UGE, авторы специально обращают внимание на тот факт, что глагол может принадлежать к различным группам и поэтому встречаться в разных моделях предложения. В качестве примера они приводят глагол get, который обычно отсутствует лишь в модели subject + verb. 40. He's getting angry: модель — subject + verb + complement; 41. He got through the window: модель — subject + verb + adverbial modifier; 42. He got his shoes and socks wet: модель — subject + verb + object complement.

Итак, на основании анализа приведенных примеров можно сделать вывод, что при изменении лексико-семантического значения полнозначных глаголов изменяются организуемые ими модели предложений, т. е. лексико-семантические значения глаголов являются конструктивно значимыми, что необходимо учитывать и отмечать в учебных пособиях в виде приложений или отдельных справочников для преподавателя.

ГЛАГОЛ И ВАРИАНТЫ МОДЕЛЕЙ

Глава I

МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПЕРЕХОДНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

1.1. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Традиционно считаясь глагольной категорией и формируя круг его частеречных характеристик (так как именно глагол способен принимать после себя существительное в винительном падеже), глагольная переходность на протяжении всего своего существования вызывает серьезные дискуссии среди лингвистов и по настоящее время не имеет однозначного решения, несмотря на то, что в разные годы к ней обращались представители всевозможных школ и направлений в связи с изучением различных языковых категорий (Пешковский 1956; Виноградов 1954; Есперсен 1958; Храковский 1974; Лайонз 1978, Иванова. Бурлакова, Почепцов 1981; Мещанинов 1982; Бурлакова 1984). Наиболее распространенным, хотя и явно синтаксически ориентированным, считается определение, согласно которому переходность — это «языковая категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия / отсутствия у него (по ряду трактовок функционально обязательного) дополнения: „Ребенок пишет письмо” — „Ребенок сидит за столом”...» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 370). Содержательная сторона категории переходности обычно усматривается в передаче субъектно-предикатно-объектных отношений.

Можно предположить, что определенное противоречие заложено уже в самом термине «переходный глагол», в котором семантически ориентированный компонент «переходный», сочетаясь с существительным «глагол», определяет скорее характер глагольного действия, чем свойства самого глагола как части речи. В силу отсутствия четких критериев границы этой категории недостаточно эксплицитны, и понятие переходности зачастую отождествляется с понятием объектности или расширяется за счет включения в него комбинаторных характеристик глагола или других частей речи. При анализе переходных

глаголов далеко не всегда принимается во внимание значение комплексного подхода с учетом всех уровней, т. е. роль не только синтаксического, или позиционного, формального, но также семантического и коммуникативного уровней. Все это не способствует упорядоченному описанию такой на первый взгляд простой категории (каждый глагол, например, снабжен во многих словарях пометой о его переходности или непереходности), как переходности.

Необходимость учитывать при изучении глагольной переходности роль семантического плана приводит к пониманию значимости более тщательного изучения семантической валентности предиката. Изучение членов предложения, выделение главных среди них еще с древних времен предопределило то, что на их количество и иерархию несомненное влияние оказывают глагольные характеристики. Базируясь на логическом подходе, латинская грамматика признавала субъект и предикат основными компонентами логического суждения, и соответственно главными членами предложения считались подлежащее и сказуемое. Позднее, в рамках английской грамматики вплоть до второй половины XIX века утвердился подход, при котором дополнение рассматривалось как третий главный член предложения. Поиски доминанты предложения приводят лингвистов к вербоцентрической концепции, признающей в принципе равнозначную глагольно-подчиненную роль подлежащего и дополнения. В современный период эта концепция претерпевает изменения, и достаточно убедительным представляется подход, согласно которому подлежащее и сказуемое вновь занимают позиции главных членов предложения, а дополнение под влиянием идей вербоцентризма остается в структурно и семантически обязательном минимуме предложения. Совершенно очевидно, что именно значением глагола и его содержательной валентностью обусловлены субъектно-объектные функции членов предложения.

Понятие валентности достаточно долго и глубоко изучалось в лингвистике и, несмотря на многообразие существующих толкований, сводится, как правило, к способности глагола присоединять минимально необходимое для своей структурно-семантической завершенности число актантов. Приведем здесь толкование валентности, предлагаемое С. Д. Кацнельсоном: «Под содержательной валентностью глагольного значения мы понимаем способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции. Так, например, в одном из своих значений глагол *рубить* предполагает, кроме субъекта данного действия, еще и прямой объект (например, *дерево, кусты, сучья* и т. д.)... Речь идет о потенциях, заложенных в значении глагола и в той или иной мере, реализуемых в предложении» (Кацнельсон 1972: 47). Такое определение, будучи ориентировано на значение глагола, действительно для

всех языков, в которых такое значение имеется, и существенно отличается от его морфологического выявления, варьирующегося от языка к языку, т. е. речь идет о необходимости учитывать различие, существующее между субъектно-объектными функциями, значениями, с одной стороны, и их морфологическими формами — с другой.

Помимо семантического и синтаксического уровней необходимо принимать также во внимание и когнитивно-коммуникативный план, который органически с ними связан. Так, возвращаясь к примеру с глаголом *рубить*, очевидно, что для носителя любого языка, учитывая его общие информационные знания, в предполагаемом фрейме «рубки», действительно, помимо субъекта, выполняющего действие, должен обязательно присутствовать и объект, испытывающий на себе глагольное действие; в определенной семантической ситуации, номинируемой в процессе общения, названные компоненты наполняются конкретным содержанием, уместным в определенной коммуникативной ситуации и связанным с определенным объемом ситуативно конкретных, личностных знаний носителя того языка, на котором протекает общение.

Следует отметить также и наличие объективных факторов, влияющих на формирование различных подходов при интерпретации данной категории. Так, в результате утраты в английском языке падежных форм существительного, деление глаголов на переходные и непереходные теряет свое исходное значение и затрудняется в силу того, что «внешние формальные показатели этого глагольного свойства отсутствуют и целый ряд лексемных единиц может функционировать как по переходной модели, так и по непереходной. Например, *to change a dress, you've changed such a lot since I last saw you*» (Бурлакова 1984: 41).

Реализация лексических характеристик глагола в безобъектных переходных конструкциях связана в первую очередь с проблемой лексического плана: характером трактовки статуса глагола как самостоятельной переходной/непереходной лексемы или как особой грамматической формы со «сдвигом» значения, как считает, например, С. Д. Кацнельсон: «Всякое употребление падежа в несвойственной ему субъектно-объектной функции... будем... называть „сдвинутым”» (Кацнельсон, 1972: 49).

1.2. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЕХОДНОСТИ В МОДЕЛЯХ SV и SVO

Рассмотрим такие предложения, которые, традиционно не вызывая разногласий, представляют собой явные случаи функционирования переходных глаголов и укладываются в модель SVO.

Ср.: (1) He wrote these books (SVO)

П — Гл — ДП

S → V(t) —→ O;

(2) I read these books (SVO)

П — Гл — ДП

S → V(t) —→ O,

где П — подлежащее; Гл — сказуемое, выраженное переходным или непереходным глаголом; ДП — прямое, а ДК (см. ниже) — косвенное дополнение (соответствуют здесь и далее поверхностному, синтаксическому уровню); S (subject) — субъект, V (verb) — ходный и O (object) — объект (соответствуют семантическому уровню); стрелка → указывает направление действия, обозначенного глаголом, которое происходит не само по себе, а инициируется субъектом семантической ситуации, который и осуществляет его ориентацию. Такая зависимость подтверждает наличие в ситуации, номинируемой предложением с переходным глаголом в предикативном центре, не просто объектных, а сложных субъектно-предикатно-объектных антропоориентированных отношений (СПО).

Конверсно-залоговая трансформация предложений (1) и (2) сохраняет в полученных структурах (3) и (4) аналогичный характер отношений СПО при прежней отсубъектной направленности действия, которая в силу фиксированного построения предложения в английском языке имеет в этом случае не левостороннюю, а правостороннюю направленность:

(3) These books were written (by him) (OVpS)

П — Гл — ДК

O ← V(p) ← S;

(4) These books were read (by me) (OVpS)

П — Гл — ДК

O ← V(p) ← S,

где V(p) используется для обозначения предиката, выраженного глаголом в пассиве. Предлагаемое обозначение семантического и синтаксического уровней позволяет вскрыть некоторые особенности рассматриваемых предложений: на поверхностном уровне позицию ДП в (1) и (2) занимает объект, а в (3) и (4) — субъекты семантической ситуации, т. е. меняется последовательность представления участников ситуации в составе семантических цепочек, номинируемых предложениями (3) и (4). Действительно, предложения (3) и (4) отражают те же самые семантические ситуации, что соответственно и предложения (1) и (2), а именно, «написание книги» и «чтение книги»,

В которых обязательно присутствие субъекта и испытывающего на себе его действие объекта.

Известно, что возможность преобразования активных конструкций в пассивные в наибольшей степени характеризует именно предложения с переходными глаголами и иногда это свойство даже рассматривается как своеобразный тест для глагола на переходность, хотя его едва ли можно назвать универсальным. Здесь уместно, например, вспомнить о глаголе *to have*, который, традиционно считаясь переходным, тем не менее не допускает трансформации пассивизации: (5) *She had a small house* → *A small house was had (by her)*. Считаясь общепризнанной, переходность глагола *to have* все же по своему характеру несколько отличается от того, что обычно считается и рассматривается как классический пример переходности, т. е. от тех случаев, когда в значении глагола можно выявить определенную направленность (интенцию) действия относительно объекта. Очевидно, что именно некоторая статичность семантики этого глагола, отсутствие в его значении собственно действия, процесса, а следовательно, и направленности является причиной невозможности построения с ним пассивной конструкции.

Возвращаясь к примерам (1)–(4), следует отметить, что возможность передачи ситуаций «написания» и «чтения» структурно неоднородными предложениями ((1) ≠ (3), а (2) ≠ (4)) свидетельствует о роли коммуникативного плана, т. е. об употреблении этих предложений в коммуникативных ситуациях с различными коммуникативными задачами. Ср.: (6) *What did he do? He wrote these books (not read)*. (7) *What did he write? He wrote these books (not letters)*. (8) *Who wrote these books? These books were written by him (not by her)*. Несомненно, ответом в микродиалоге (8) может быть и предложение (1). Значительную роль в этом случае играют также и просодические средства: интонирование и акцентирование.

Употребление в разных коммуникативных ситуациях предложений, отвечающих различным коммуникативным задачам, как уже отмечалось, не влияет на характер СПО отношений в каждом из них. При всем многообразии синтаксических вариантов, которые могут быть использованы говорящим в речи для передачи микроситуации «написания» или «чтения», в предложении сохраняется не только объектная переходность действия, но и состав участников номинируемых ситуаций, необходимых для передачи структурно-семантической завершенности действия, обозначенного глаголом, независимо от того, выражены они эксплицитно или имплицитно, факультативны или обязательны на поверхностном уровне.

Степень вариативности на поверхностном уровне структур, построенных по первой из рассматриваемых нами моделей с переходными глаголами, как показывает анализ лингвистиче

ской литературы, может быть достаточно значительной. Помимо рассмотренной выше диатезы форм актива — пассива, она может быть представлена достаточно разветвленной синтаксической парадигмой, в полной мере отражающей характер субъектно-объектных отношений в предложении. «Рассмотрим следующие примеры: (1) *He tried to write another story.* (2) *That was one story he had saved to write.* (3) *It demanded to be written.* (4) *The book had been written.* (5) *There were books to be written.* (6) *They wanted it to be written.* В каждом из этих примеров курсивом выделены глагольный и именной элементы, которые можно рассматривать как образующие элементарную структуру с объектной связью компонентов, т. е. объектную структуру. Предлагаемая подборка содержит идентичные структуры, поскольку в них реализуется одно и то же конкретное значение категории объектности. Их можно также рассматривать как одну и ту же структуру (по выражаемому значению), повторенную в нескольких предложениях. Объектная структура принадлежит наиболее глубинному уровню, на котором реализуются значения категории субъектности / объектности» (Басова 1978: 115). Именно наличие таких глубинных отношений позволяет утверждать, что, несмотря на вариативность своего поверхностного представления во всех приведенных выше примерах, речь идет о различных способах функционирования одной и той же модели предложения с переходным глаголом в предикативном центре, а именно SV(t)O, которая обычно противопоставляется модели SV(i) с непереходным глаголом, как, например, в предложении: (9) *When I came she was crying.* Лексическое значение таких непереходных глаголов может быть чаще всего связано с явлениями природы: (10) *It has been snowing all day long;* действиями, производимыми человеческим телом: (11) *He shivered;* или производящими шумы: (12) *He sighed,* и др. Здесь представляется уместным вспомнить известные семантические классификации предикатов в работах Дж. Чейфа, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна и др., разработанные ими в связи с изучением валентностных свойств глагола и семантической структуры предложения (Апресян 1974; Чейф 1975; Арутюнова 1976).

Рассмотренные предложения с непереходными одновалентными глаголами не следует смешивать со структурами с переходными двухвалентными глаголами, которые могут давать внешне аналогичные (9) — (12) построения: (13) *I don't smoke* или (14) *I can't drive.* В силу определенных условий протекания коммуникативной ситуации, а также благодаря наличию общих коммуникативных знаний говорящих, допускающих осуществление процесса коммуникации вообще, отсутствие обязательного на глубинном уровне и известного слушающему объекта, *cigarettes* в примере (13) или *a car* в примере (14), не только не препятствует общению, но и способствует экономич-

ности последнего; что же касается категории переходности, то здесь справедливо вспомнить об особом, хотя и достаточно распространенном случае употребления переходных глаголов, который часто называют безобъектным (Мачнева 1988). В этой связи, видимо, уместно обратить внимание на различия, существующие между понятиями факультативной и обязательной валентности на синтаксическом и семантическом уровнях. Если мы определяем валентность глаголов *smoke* и *drive*, как равную двум, то речь в данном случае идет об их обязательной семантической валентности, независимо от того, выражена она на поверхностном уровне, как в примерах (1) и (2), или нет, как, например, в примерах (13) и (14). Известно, что большинство двухвалентных переходных глаголов в определенных коммуникативных ситуациях могут функционировать и как одновалентные, т. е. без эксплицитно выраженного объекта. В этом случае говорящих интересует не сам объект, на который направлено действие, а способность субъекта к осуществлению действия вообще ((15) *He can read fluently*) или характеристика этого действия ((16) *He writes without mistakes. (17) She cooks well*). Следовательно, несмотря на то, каким образом представлены глаголы на синтаксическом уровне в конструкциях (13) — (17), их следует несомненно считать переходными двухвалентными глаголами с имплицитной, как показывает анализ, правосторонней валентностью, а предложения с ними — соответствующими моделями SV(t)O. Определение же их как переходных глаголов в безобъектном употреблении не достаточно корректно, поскольку именно объект является тем семантически обязательным элементом, который предусмотрен глагольным значением. Отсутствие прямого дополнения в предложениях (15) — (17) скорее дает основание для определения их как случаев нетранзитивного употребления переходных глаголов.

Вышеприведенные примеры не стоит, по-видимому, смешивать со случаями, иллюстрирующими обратный процесс: (18) *She smiled her charming smile* или (19) *He laughed a strange short laugh*. Известно, что оба глагола *smile* и *laugh* в силу своего основного значения одновалентны на семантическом уровне, т. е. действие, обозначенное глаголом, замыкается на субъекте. Таким образом, наличие отсутствия его объектного перехода. Вместе с тем коммуникативная целесообразность такого употребления достаточно очевидна: речь, по-видимому, может идти о преднамеренном использовании коммуникантами расширенной или в некоторых случаях даже избыточной информации, что и приводит к употреблению на синтаксическом уровне прямого дополнения, несущего определенные характеризующие уточняющие сведения. Наличие прямого дополнения в предложении (*cognate object*), не подкрепленное объектными отношениями, позволяет рассматривать эти глаголы как непеходные, или, перефразируя данное выше определение, при-

меры (18) и (19) можно считать случаями транзитивного употребления переходных глаголов, т. е. глаголов, структуры с которыми соответствуют модели SV(i). Другим случаем проявления того же процесса являются примеры типа (20) *They called him John*, где прямое дополнение *John* не предполагает наличия на семантическом уровне объекта, испытывающего на себе воздействие глагольного действия, что и дает основания трактовать такую структуру как соответствующую модели SVO(t).

Касаясь случаев нетранзитивного употребления переходных глаголов, можно привести ряд примеров, иллюстрирующих их достаточно широкую распространенность: (21) *He is growing tomatoes*. (22) *Tomatoes are growing well* или (23) *They are selling books*. (24) *Books are selling well*. Как и в примерах (13) и (14), в примерах (21)—(24) речь идет о возможности как транзитивного, так и нетранзитивного употребления переходных глаголов в предложениях, номинирующих в сущности одну и ту же ситуацию и имеющую соответствующее представление в разных коммуникативных условиях при достижении коммуникантами различных иллокутивных целей. Как правило, такие глаголы называются эргативными (Теоретическая грамматика современного английского языка 1981). В этом случае естественно возникает вопрос: следует ли вести речь о функционировании двух глаголов — переходного и непереходного или о реализации двух значений одного глагола, учитывая, что при употреблении его в одном значении он реализует свои переходные, а в другом — непереходные характеристики. Достаточно убедительным можно, по-видимому, считать подход, при котором мы вновь возвращаемся к необходимости противопоставления семантического и синтаксического уровней, с одной стороны, и обязательных и факультативных глагольных валентностей — с другой, что в результате приводит к определению рассматриваемых глаголов как переходных по своей семантике при реализации возможности их транзитивного (21), (23) и нетранзитивного (22), (24) употребления.

По своему значению эргативные глаголы чаще всего характеризуются значением изменения, происходящего с неодушевленным объектом в результате: а) разрушительного воздействия субъекта ((25) *He broke the glass*. (26) *The glass broke*. (27) *He crashed the car*. (28) *The car crashed*); б) воздействия в целях изменения свойств объекта ((29) *I boiled the water*. (30) *The water boiled*); в) значением начала, продолжения или завершения субъектом определенного процесса, что может объяснять частое употребление для обозначения таких ситуаций фазовых глаголов ((31) *She began (finished) the lesson*. (32) *The lesson began (finished)*) или, например, г) изменения субъектом местоположения объекта в пространстве ((33) *I opened (closed) the door*. (34) *The door opened (closed)*).

По многим из своих характеристик преобразования в парах предложений (25)—(34) подобны тем, что наблюдаются в предложениях залоговой оппозиции (3) и (4). Как и в них, конверсные преобразования на поверхностном уровне, заключающиеся в позиционной мене мест приглагольного окружения, не влияют на их семантическую идентичность, хотя для слушающего различие в их коммуникативной нагрузке достаточно очевидно. В одной коммуникативной ситуации с целью выделения роли субъекта действия глаголы в предложениях, используемых коммуникантами, функционируют как транзитивные, а в другой — для привлечения внимания слушающего к объекту действия, занимающего в этом случае место подлежащего, как нетранзитивные. Здесь следует, видимо, также отметить и своеобразие семантики объектного существительного, которая позволяет ему функционировать не просто в позиции подлежащего, а в значительно более ярко субъектно-окрашенной роли, чем, например, это наблюдается в пассивной конструкции (4), и допускает предположение о своеобразной персонализации объекта, включении говорящим для решения им определенных иллокутивных задач в коммуникативную нагрузку объекта субъектных характеристик. Таким образом, глаголы в значении, представленном в предложениях (21)—(34), с полным правом могут исследоваться как удовлетворяющие модели SV(t)O, но допускающие, как и многие другие глаголы, в ряде ситуаций одновалентное функционирование, которое в данном случае мы рассматриваем как нетранзитивное употребление переходного глагола.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие еще один вариант модели SVO с переходными глаголами: (35) He runs quickly и (36) He runs a hotel. Английский язык, будучи языком аналитического строя, как известно, характеризуется широко развитой системой глагольной полисемии и омонимии внутри лексико-семантической структуры слова, с одной стороны, и идеоматизированностью глагольной лексики — с другой. Именно глагольная многозначность способствует построению предложений (35) и (36), в которых глагол run реализует два из своих многочисленных значений: основное, по модели SV(i), «быстро передвигаться в пространстве» и идеоматизированное, по модели SV(t)O, «руководить, управлять чем-либо», функционируя в первом случае как непереходный, а во втором как переходный глагол. Иными словами, в примерах (35) и (36) речь идет о реализации двух различных значений глагола run.

1.3. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕХОДНОСТИ ДЛЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Другим вопросом, не имеющим однозначного решения, является возможность рассмотрения в качестве переходных гла-

голов с постпозитивами (phrasal verbs) типа to look at или to turn off, а также глаголов с предлогами в постпозиции типа to belong to или to talk with. По мнению авторов «Грамматики современного английского языка для университетов» (Кверк и др. 1982), решение этого вопроса целиком зависит от того, как трактовать в этих случаях предлог, степень его привязанности к глаголу. Если считать предлог неотъемлемой частью глагола, формирующей его значение, то глагол в этом случае — переходный, что, на наш взгляд, вполне справедливо по отношению к глаголам, функционирующим в предложениях типа (37) He looked at the picture and smiled. Если же предлог, стоящий в постпозиции относительно глагола, не является элементом, способствующим формированию глагольного значения, а выступает достаточно самостоятельно и в равной степени привязан к глаголу, за которым следует, и к существительному, которому предшествует, то в этом случае настаивать на переходных свойствах такого глагола достаточно сложно.

Устойчивые глагольные словосочетания типа to have lunch (в отличие от to have a dog) или to give a smile (в отличие от to give a book), как правило, утрачивают свое основное глагольное значение и не включаются в группу переходных глаголов. Таким образом, несмотря на то, что на поверхностном уровне за ними следует прямое дополнение, предложения с ними укладываются только в модель SV(i), фиксирующую отсутствие в номинируемой ситуации объекта в значении предмета или лица, испытывающего на себе глагольное действие. Возможность подобрать во многих случаях к словосочетаниям рассматриваемого типа единичные непереходные глаголы-синонимы, по-видимому, подтверждает правомерность высказанного предположения: to have lunch — to lunch или to give a smile — to smile. Предпочтительное употребление говорящими в процессе общения того или другого синонима обычно определяется их коммуникативной стратегией. Данную группу составляют, помимо уже названных give (give a cry, give a lecture), have (have a break, have a quarrel, have a bath) сочетания с такими глаголами, как, например, make (to make a report, make a visit, make a choice) или take (take a chance, take trouble). Таким образом, как уже отмечалось выше, речь идет об особом транзитивном употреблении непереходного глагола.

1.4. ПЕРЕХОДНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «СИММЕТРИЧНЫХ» ДВУХВАЛЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Предложения с так называемыми симметричными конверсными глаголами типа marry, divorce, fight, kiss, match, compete, meet и др. также представляют одну из разновидностей моделей с переходными глаголами: (38) I met John, (39) John met me. Глагол met в обоих случаях функционирует в предложениях, но-

минирующих одну и ту же семантическую ситуацию, и считается переходным. Как и при трансформации пассивизации, несмотря на сохранение смысловой тождественности предложений, в них меняется последовательность мест субъектно-объектной репрезентации в окружении глагола. Однако в пассивной конструкции в результате изменений в приглагольной дистрибуции, когда место подлежащего занимает объект, принимающий на себя действие субъекта, переходный глагол не реализует свои переходные свойства. И наоборот, переходные свойства конверсных глаголов не утрачиваются благодаря, по всей вероятности, определенным особенностям их окружения — и субъект и объект представлены одушевленными существительными, обозначающими равноактивных участников семантической ситуации. Однако возможность построения конверсных пар предложений без использования пассивной конструкции не исключает тем не менее в определенном коммуникативном контексте правомерности формирования и употребления последней, т. е. включения ее в синтаксическую парадигму, номинирующую рассматриваемую здесь нами ситуацию: (40) I was met in the entrance-hall (by John).

Изучая воздействие коммуникативного плана на употребление в позиции подлежащего того или другого участника глагольного действия или его непредставленность на синтаксическом уровне, следует отметить, что выбор говорящим структуры, в наибольшей степени удовлетворяющей его коммуникативным задачам, позволяет слушающему делать на этом основании свои выводы, например, расценивать участника действия, выраженного, скажем, существительным в функции подлежащего как лицо, которому принадлежит большая, по мнению говорящего, инициатива в осуществлении глагольного действия, а его имплицитное выражение как указание на незначительность его роли.

Пример (41) We met in the entrance-hall с анализируемым симметричным глаголом meet по своей структуре явно иллюстрирует еще одну разновидность нетранзитивного употребления переходного глагола. Отличительным признаком данной структуры является своеобразная совмещенность в позиции подлежащего обоих участников действия, для чего на синтаксическом уровне для их обозначения вводится новый элемент — местоимение we, традиционно объединяющее два и более действующих лица (ср.: The car crashed, где субъект, активный исполнитель действия, участвующий в его осуществлении, представлен имплицитно, в отличие от эксплицитно представленного пассивного объекта), т. е. можно допустить корректность следующей трансформации: (41) We met in the entrance-hall → (42) John and I met in the entrance-hall. Взаимно-ориентированное действие, выраженное глаголом meet и осуществляемое участниками одновременно, можно описать как взаимонаправленное, что

подтверждает справедливость употребления для описания глаголов типа meet, наряду с термином «симметричные» глаголы (V(s)), термина «взаимные» (reciprocal verbs). Для усиления значения взаимонаправленности действия достаточно распространенным приемом считается включение в структуры с такими глаголами местоимений each other или one another: (43) John and I met each other in the entrance-hall. Однако, учитывая факт, что такое расширение носит скорее экспрессивный, чем смысловой, характер, т. е. не вводит в ситуацию новых участников, целесообразно рассматривать предложение (43) как построенное по модели SV(s)O. Эта модель представляет собой структурную разновидность модели SV(t)O, иллюстрирующую нетранзитивное употребление переходного симметричного глагола, а не новую модель со сложными по своей экспликации субъектом и объектом. Считать так было бы ошибочным. Во-первых, на самом деле в номинируемой ситуации реально присутствуют два участника действия, независимо от того, каким образом они представлены на синтаксическом уровне. Во-вторых, одно и то же действие, обозначаемое глаголом meet, будучи взаимонаправленным, взаимозамыкается на элементах, обозначаемых в предложении (43) подлежащим, с одной стороны, и дополнениями — с другой.

1.5. ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ИХ ПЕРЕХОДНОСТЬ

Рассмотрим еще одну группу двухвалентных глаголов с точки зрения их переходных характеристик, а именно примеры с возвратными глаголами типа to wash oneself, to blame oneself, to hurt oneself: (41) He blamed himself for the mistake. (42) She introduced herself. (43) They enjoyed the party, they enjoyed themselves. Как по своей семантике, так и по структурному воплощению приведенные глаголы можно трактовать как переходные транзитивные. Их особенностью является то, что действие ориентировано относительно объекта, выраженного возвратным местоимением-дополнением, который обозначает того же участника ситуации, что и субъект-подлежащее. Такое употребление представляет, однако, лишь частный случай функционирования переходных глаголов такого рода. Это подтверждается существованием структур, в которых объект при тех же самых глаголах представлен прямым дополнением и обозначает лицо, самостоятельно функционирующее в ситуации наряду с субъектом: (44) He blamed us for the mistake. (45) She introduced him to us. Наличие таких структур можно, по-видимому, считать одним из основных доводов в пользу правомерности трактовки структур с возвратными глаголами такого типа, как переходные и транзитивные.

Мы не предполагаем касаться вопроса о переходности в локативных конструкциях с глаголами движения (см. об этом в

гл. 2 части II) или случаев глагольной переходности в предложениях со вторичной предикацией (complex transitivity). По-этому перейдем к анализу предложений с дупереходными (ditransitive или double transitive) или многопереходными глаголами.

1.6. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МНОГОПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

На данном этапе обзора речь пойдет о глаголах с двумя или большим количеством валентностей в правой приглагольной позиции, или с двумя и более дополнениями. Эта группа не является семантически и соответственно структурно однородной.

Как правило, при рассмотрении многопереходных глаголов речь идет о глаголах со значением «передачи», которую «в этом смысле следует понимать очень широко не только как передачу конкретных физических вещей, но и абстрактных сущностей» (Бурлакова 1984: 67). Доминантой этого семантического ряда, судя по примерам как отечественных, так и зарубежных англистов, служит глагол с достаточно конкретно выраженным значением «передачи», а именно give (там же; Кверк и др. 1982: 323): (46) He gave us his identity card. (47) He sold us a few hooks. Семантическая модель предложений с глаголами этой группы типа throw, pass, present, sell, send характеризуется такими обязательными падежными реализациями, как субъект, объект и получатель, который по-разному обозначается у разных авторов. В различных контекстах это может быть либо адресат, либо бенефициант, либо просто объект со значением лица, получающего нечто от субъекта, и такая модель в этом случае соответствует SVO(i)O(d) или SVO(d)O(i). Таким образом, не вникая в суть падежной проблематики, мы следуем наиболее распространенным в работах по переходности обозначениям и сохраняем O(i) для объекта с косвенной и O(d) с прямой предикатной зависимостью. На счет синтаксического уровня, как правило, наблюдается полное совпадение взглядов, и речь идет о двух типах дополнения: прямом и косвенном; последнее, в свою очередь, может быть беспредложным или предложным, как в (48), в зависимости от его позиции относительно глагола и от того, чем оно выражено в предложении (существительным или местоимением): Ср.: (48) He gave his identity card to us. Косвенное дополнение может быть выражено одушевленным, а прямое — конкретным, неодушевленным именем существительным. В примерах (46)—(48), как и в (1) и (2), действие инициируется субъектом (S) и затем через объект (O(d)) направляется на другого участника ситуации, обозначенного O(i). Именно наличие такого рода связей внутри семантической ситуации допускает, по-видимому, возможность признания за группой трехвалентных глаголов со значением

«передачи» права на статус дупереходных, структуры с которыми соответствуют модели SV(t)O(i)O(d).

Другим важным моментом, на который обращает внимание, например, Кверк с соавторами (там же: 323), является то, что «опущение» косвенного дополнения (49) не влечет за собой тех семантических нарушений, которые наблюдаются в результате «опущения» прямого дополнения (50) и приводят к семантически недопустимым построениям: (49) He gave his identity card. Ср.: (50) He gave us* (знак * означает семантическую и грамматическую маркированность предложения, т. е. невозможность его функционирования в речи в таком виде).

Пассивные преобразования структур с глаголами передачи не отличаются значительно на поверхностном уровне. На семантическом они демонстрируют типичные для таких трансформаций построения, вызванные как строем языка, так и спецификой самих структур, которые соответственно могут быть выражены моделями O(d)VpO(i)S для (51) и O(i)VpO(d)S для (52), где Vp, как и выше, используется для обозначения предиката, представленного пассивной формой глагола:

(51) The identity card was given to us (by him)

П — Гл — ДК — ДК
 O(d) ←———— Vp ← O(i) ←—— S или

(52) We were given his identity card (by him)

П — Гл — ДП — ДК
 O(i) ←—— Vp ←———— O(d) ←———— S

Как явствует из направления стрелок, в обеих пассивных конструкциях наблюдается «обратная» направленность глагольного действия (процесс, уже отмечавшийся в пассивных конструкциях с двухвалентными глаголами в примерах (3) и (4)), если за своеобразный ориентир направленности условно брать собственно глагол. В то же самое время можно говорить и об обратной «зеркальной» экспликации того же и так же от субъектно-ориентированного действия на уровне его структурно-графического представления. Иными словами, в предложениях (51) и (52), как и в (46), действие проистекает от субъекта, позиция которого на синтаксическом уровне относительно глагола и дополнений при построении моделей различна.

Характерно, что наличие субъекта в пассивных конструкциях на синтаксическом уровне, несмотря на его присутствие и полноправное функционирование на уровне семантической ситуации, нежелательно и не реализуется в речи, т. е. отмечается его факультативность в синтаксическом выражении при сохранении обязательного статуса на семантическом уровне.

Как правило, анализ трехвалентных глаголов данной модели исчерпывается описаниями предложений такого типа, хотя эту глагольную группу едва можно назвать семантически однород-

ной. В ее состав часто включаются глаголы, значение и соответственно структурная модель которых не вполне укладываются в описанные спецификации. Это семантически самостоятельные глаголы со значением «получение чего-либо от кого-либо» типа *take, catch, get, buy, receive*, конверсные по своей семантике глаголам со значением «передачи». В этом случае справедливо, по-видимому, говорить о двух вариантах лексико-семантического значения глаголов, каждый из которых отражает одну сторону общего процесса, «передачу» при отсубъектной и «получение» при отобъектной ориентации глагольного действия в семантической ситуации. Это достаточно эксплицитно отражено на уровне моделирования. Предложения с глаголами «получения» структурируются в этом случае в модель O(i)VO(d)S, идентичную для пассивных конструкций.

Рассмотрим подробнее возможные интерпретации семантического аспекта ситуации, номинируемой конверсными глаголами: (53) *He gave us his identity card* и (54) *We took his identity card (from him)*. Пример (54) с глаголом получения *take* в предикативном центре номинирует на самом деле ту же самую семантическую ситуацию, что обозначена предложениями (46), (48), (53) и предложениями (51) и (52) с глаголом передачи *give*, а глагол *take* обозначает тот же самый процесс, что и его конверсив, который, правда, рассматривается под иным углом: инициирование действия не принадлежит целиком субъекту ситуации. Возможно именно поэтому предложения с глаголами типа *give* и *take* часто ошибочно воспринимаются как синонимичные и относятся к одной и той же модели SVO(d)O(i) без учета различий, существующих между ними. Иными словами, действия лица, обозначенного в предложении подлежащим, а *ргіогі* отождествляются с действиями субъекта. Другим объяснением неверной интерпретации предложений с этими глаголами может служить совершенно иное положение, при котором предложения с ними изучаются как самостоятельные, независимо друг от друга, т. е. существующая между ними семантико-синтаксическая связь конверсного характера полностью игнорируется. Это дает основание рассматривать их в связи с различными семантическими ситуациями, где в каждое из глагольных действий включается своя группа участников. В пользу этого подхода часто приводится высокая степень инициированности действия именно тем участником семантической ситуации, который обозначен в предложении подлежащим. Неверно было бы также в этом случае недооценивать значение прагматического аспекта языка, а именно ту роль, которая отводится тому или другому участнику или всей семантической ситуации в речи, т. е. в процессе коммуникации. Именно говорящему принадлежит право определять, что в данный момент, в данном месте и при данных условиях общения достаточно весомо для того, чтобы быть выделенным как су-

шественное для обоих коммуникантов, и использовать для этого необходимые языковые средства, в частности, выбор той структурной синтаксической модели, которая в большей степени отвечает его иллокутивным целям.

В свете всего сказанного более аргументированным представляется другой, можно сказать, компромиссный подход. Представим существование одной общей для предложений с обоими конверсными глаголами семантической макроситуации «передачи — получения». В этом случае ситуация рассматривается как единое целое, как бы со стороны, «извне». В ней занята одна и та же группа участников с «фиксированным» ролевым распределением — «объект», «дающий» и «получающий», которые осуществляют одно и то же, хотя и представленное в разных «проекциях» действие. Это может быть отражено двумя различными моделями: в одной из которых (предложения с глаголом *give*) позиция подлежащего занята субъектом *S*, а в другой (предложения с глаголом *take*), для того чтобы подчеркнуть более активную позицию другого участника, — бенефициантом (в нашем обозначении объектом), той же самой семантической ситуации, что отражено соответственно в моделях *SVO(d)O(i)* и *O(i)VO(d)S* или *O(d)VO(i)S*. В то же время иницированность и направленность глагольного действия в семантической ситуации может и часто интерпретируется с точки зрения каждого из ее участников, осуществляющих процесс «передачи — получения», и «самофокусирующих» его в силу своей естественной эгоориентированности (своеобразный «взгляд изнутри»), что допускает вычленение в пределах макроситуации двух относительно самостоятельных микроситуаций. При таком подходе для каждой из моделей предложений, номинирующих микроситуации, будет правомерным вычленение «своего» субъекта *S* в позиции подлежащего, и в этом случае для каждого из предложений справедливо выделять модель *SVO(d)O(i)*.

Таким образом, на уровне моделирования структуры предложения, если учитывать возможные альтернативы и основания для этого, допустимы оба способа представления предложений с глаголами типа *take*, но при этом важно учитывать внутренние механизмы и основания, допускающие то или другое построение. Аналогичные зависимости можно проследить также и в примерах с другими конверсными глаголами данной группы, что подтверждается соответствием предложений с этими глаголами вышерассмотренным моделям. В данном обзоре целесообразно придерживаться точки зрения, согласно которой предложения с конверсными глаголами имеют различные модели, в одной из которых подлежащее на семантическом уровне выражается через *S*, а в другой — через *O*.

Проследим теперь пути структурирования новых вариантов моделей с многопереходными глаголами на основе предложений

с расширенным составом входящих в них членов: (55) He gave (us) a few books for Ann. (56) He sold (us) a few books for Ann или (57) We took a few books for Ann (from him). (58) We bought a few books for Ann (from him). Возможность построения новых моделей на основе изложенного здесь подхода зависит от трактовки в предложениях (55)—(58) семантической роли косвенного дополнения, вводимого предлогом from, т. е. той роли, какую выполняет этот элемент на уровне семантической ситуации. В результате анализа можно предположить, что процесс «передачи», номинируемый описываемыми глаголами, строго ограничивает круг вовлеченных в него фактических участников «передающим», «получающим», и собственно передаваемым объектом. Роль участника, обозначаемого косвенным дополнением с предикатом for в ситуации, сводится лишь к уточнению характера глагольного действия, его целеустановки, для чего и для кого производится действие. В этом плане его роль можно соотнести с другими обстоятельственными элементами, призванными конкретизировать, например, время или место протекания действия. На этом основании правомерно считать элемент, обозначенный в примерах (55)—(58) данным предложным дополнением, необязательным в ситуации «передачи — получения», и, следовательно, не включать его в структурную модель предложения, а примеры (55)—(58) — соответствующими выделенным ранее моделям SVO(i)O(d) и OV(d)O(i).

Проанализируем возможные варианты расширения других типов предложений: (59) He wrote these books for children. (60) The books were written for children. (61) He read these books to the children. (62) The books were read to the children. Может показаться, что дополнение for children в предложениях (59) и (60), функционирующее как косвенное, расширяет значение глагола to write и позволяет трактовать его как глагол со значением передачи информации. Тогда примеры (59), (60) можно считать семантическими эквивалентами предложению (63) He gave some information to the children (in the book). Однако процесс «написания» ориентирован автором на потенциального читателя, не присутствующего в ситуации фактически, что позволяет справедливо считать трансформу предложений (59) и (60) в (64) He wrote children books, где элемент, выступавший прежде как косвенное дополнение, функционирует как атрибут. Поэтому целесообразно говорить о том, что и в предложениях (59) и (60) write функционирует как однопереходный глагол, обязательная семантическая валентность которого равна двум.

В то же время в предложении (65) He wrote me a letter адресат действия в значительно большей степени конкретизирован, а само действие имеет очевидно выраженную ориентацию, что в целом допускает в данном случае трактовку этого

трехвалентного глагола как двупереходного и соответствующего модели SVO(i)O(d). Возможно, что изучение этого конкретного случая не было бы так важно, если бы не давало основания еще раз указать на роль семантической ситуации и всех ее компонентов при изучении категории глагольной переходности.

Примеры (61) и (62) при сохранении значения передачи информации (66) *He gave some information to the children (from the book)* отличаются от рассмотренных выше фактическим наличием в номинируемой ситуации трех обязательных участников, что позволяет квалифицировать глагол *to read* в данном случае как трехвалентный, двухобъектный с двумя разновидностями переходности — «прямой» и «косвенный». Такое широкое толкование переходности допустимо только при учете семантического уровня интерпретации предложения. Если считать вовлеченными в процесс трактовки переходности объекты, испытывающие на себе интеллектуальное воздействие глагольного действия, то можно отметить, что в большинстве своих употреблений глагол *read* функционирует как двухобъектный. Речь идет даже о тех предложениях, где участником, воспринимающим получаемую информацию, является сам субъект, не представленный никаким образом на поверхностном уровне и функционирующий одновременно и как объект, испытывающий на себе воздействие субъекта: (67) *He liked to read in the evening*. Иными словами, значение процесса «передачи» в силу ролевого совмещения участников ситуации в этом случае как бы нивелируется, т. е. не представлено эксплицитно, хотя это и не влияет на семантико-синтаксические характеристики глагола.

Рассмотрим еще один ряд глаголов, традиционно представляющих группу трехвалентных двупереходных глаголов. Это глаголы типа *envy, forgive, teach*: (68) *She teaches them English*, или (6) *She envied him his luck*, или (70) *She forgave me my mistake*. Важно отметить то, что оба дополнения, следующие в этих предложениях за глаголом, можно назвать однотипными и семантически самодостаточными для самостоятельного функционирования каждого из них с этими глаголами в грамматически правильных законченных предложениях. Так, (68) может быть преобразовано в *She teaches them* или *She teaches English*, а (69) — в *She envies him* или *She envies his luck*, т. е. очевидно, что приведенные предложения с переходными глаголами (68)—(70) соответствуют модели SV(t)O(i)O(i). Что касается дополнения, выраженного одушевленным именем существительным, то, хотя внешне оно и похоже на адресат действия, однако на самом деле это впечатление обманчиво, и, как справедливо утверждает В. В. Бурлакова, оно, не обладая формальными синтаксическими признаками, присущими адресату, проявляет характеристики, свойственные, как правило, беспредложному дополнению, которое, как явствует из наблюдений, достаточно неоднородно по своей

семантике и не обязательно выражает объект, на который направлено действие (Бурлакова 1984: 66).

Таким образом, как показывает анализ, при описании предложений с переходными глаголами нельзя пытаться совершенно изолированно рассматривать модели, с одной стороны, с группой однопереходных, а, с другой — многопереходных глаголов. Правильнее, видимо, будет считать однопереходность или двухпереходность разновидностью проявления категории переходности в целом, специфически реализующуюся в каждом конкретном случае и в определенных контекстах в силу своеобразия проявления глубинных семантических свойств глагольной лексики и глагольного окружения. При этом валентность глагола, тесно связанную и взаимодействующую с категорией переходности, следует несомненно рассматривать как один из основных механизмов ее реализации.

1.7. ПЕРЕХОДНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ «СИММЕТРИЧНЫХ» ТРЕХВАЛЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Другая группа глаголов, предлагаемая для анализа, представлена так называемыми симметричными глаголами. «Симметричность» является, таким образом, свойством, которым могут обладать не только двухвалентные, но и трехвалентные глаголы типа *to exchange*: (71) *John exchanged letters with Tom* или (72) *Tom exchanged letters with John*.

Предложения (71) и (72) номинируют одну семантическую ситуацию, включающую одних и тех же участников, чье ролевое участие может быть описано как симметрично равнозначное, а функционирование одного из них как подлежащего в одном предложении (71) или как дополнения в другом (72) зависит исключительно от воли коммуникантов в процессе общения и не дает видимых различий в способе представления на семантическом уровне. Модель в этом случае может выглядеть либо как $SV(s)O(d)O(i)$, либо как $SV(s)O(i)O(d)$. Выделение для данного случая модели с объектом в позиции подлежащего нецелесообразно в силу как своеобразия семантики глагола — его симметричности, так и значительной идентичности функционирования в ситуации элементов, выступающих в рассматриваемых предложениях в позиции подлежащего.

Грамматическая корректность предложения (73) *They exchanged letters* не меняет сути трактовки (71) и (72) и на самом деле представляет собой свернутый на синтаксическом уровне вариант этих структур, а предпочтение одному из них в ходе коммуникации определяется исключительно говорящими и условиями протекания коммуникативной ситуации.

1.8. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Завершая обзор основных вариантов структур с переходными глаголами в предикативном центре, следует сделать некоторые замечания о возможных путях интерпретации предложенного выше материала, а именно переходных глаголов (*transitive, monotransitive verbs*) в сопоставлении их с непереходными глаголами (*intransitive verbs*), а также привести или, скорее, обобщить высказанные ранее наблюдения, связанные с прослеживаемой закономерностью их функционирования, факторами и механизмами, оказывающими на этот процесс воздействие.

Итак, на основе обзора некоторых теоретических положений по проблеме переходности, а также анализа структур с одно-, двух- и многовалентными глаголами в предикативном центре можно говорить о возможности выделения, во-первых, группы непереходных и, во-вторых, группы переходных глаголов, внутри которой, в частности, выделяются однопереходные, двухпереходные и многопереходные глаголы, предложения с которыми укладываются соответственно в две следующие основные модели: 1) *SV(i)* для непереходных и 2) *SV(t)O* для переходных глаголов, где обозначение *O* здесь и ниже не является выражением конкретного объекта или объектов при переходном глаголе, а служит показателем наличия у глагола переходных характеристик в принципе.

Учитывая наличие известной асимметрии семантического и синтаксического планов и влияние коммуникативного плана, в целях упорядочения границ категории переходности в целом и подтверждения отнесения существующих спорных, пограничных примеров к той или другой из выделенных групп, в частности, вполне естественным можно считать вычленение в каждой из моделей следующих подгрупп: 1а) структур с непереходными глаголами в нетранзитивном употреблении *SV(i)* — «собственно непереходных глаголов» и 1б) структур с непереходными глаголами в транзитивном употреблении *SV(i)+o*, назовем их «псевдопереходными глаголами», а также 2а) структур с переходными глаголами в транзитивном употреблении *SV(t)O* — «собственно переходных глаголов» и 2б) структур с переходными глаголами в нетранзитивном употреблении *SV(t)O—o* — «псевдонепереходных глаголов», где знак «—» между "*O*" и "*o*" означает минус.

Учитывая количественный фактор, чаще других являющийся предметом обсуждения в связи с категорией переходности, целесообразно вычленение внутри модели *SV(t)O* ряда основных подгрупп: 2.1) *SV(1t)O* — для однопереходных глаголов, 2.2) *SV(2t)O* — для двухпереходных глаголов и 2.3) *SV(Nt)O* — для многопереходных глаголов.

Принимая во внимание общую тенденцию к сохранению, а также реализации специфических свойств переходных глаголов в конструкциях не только активного залога, но и с глаголами в пассиве, будет справедливо в ряду уже выделенных групп вычленил следующие оппозиции моделей: 2.1) SV(1t)O—OVp(1t)S; 2.2) SV(2t)O—OVp(2t)S и 2.3) SV(Nt)O—OVp(Nt)S, причем для моделей—правых членов оппозиций в 2.2) и 2.3) в зависимости от числа приглагольных дополнений возможно функционирование соответствующего количества пассивных структур, а следовательно, и разновидностей моделей, созданных на их основе.

Переходные глаголы, наделенные конверсными свойствами, как двух-, так и многовалентные, дают основание для выделения следующих моделей предложений SVc(1t)O—OVc(1t)S; SVc(2t)O—OVc(2t)S и SVc(Nt)O—OVc(Nt)S, где обозначение «с» указывает на конверсный характер значения переходного глагола (conversive). Причем построения с симметричными переходными глаголами, которые, как правило, сохраняют признаки конверсных, отличаются от приведенных выше моделей лишь дополнительной приглагольной пометой «s» — «симметричный» (symmetrical): SVcs(1t)O—OVcs(1t)S или SVcs(2t)O—OVcs(2t)S и так далее.

Наличие глаголов, составляющих предложные сочетания или глаголов с постпозитивами, характер употребления которых в предложении допускает толкование их как переходных, о чем подробнее говорилось выше, вносит значительное разнообразие в общую картину моделирования структур с переходными глаголами в предикативном центре и допускает выделение моделей следующего типа: SV(1t)prO; SV(2t)prO; SV(Nt)prO, а также OVp(1t)S; OVp(2t)S или OVp(Nt)S — для пассивных преобразований и SVc(1t)prO—OVc(1t)prS, а также SVc(2t)prO—OVc(2t)prS или SVc(Nt)prO—OVc(Nt)prS — для конверсных оппозиций предложений. Симметричные переходные глаголы в принципе повторяют приведенные зависимости, хотя необходимо обратить внимание на то, что, как подтверждают наблюдения, двухвалентные и соответственно однопереходные симметричные конверсные глаголы, как правило, не выступают в предложном соприкосновении.

Можно также выделить ряд факторов, которые, как нам представляется, оказывают определенное влияние на жизнеспособность и функционирование категории переходности в английском языке. Во-первых, лексико-семантическое значение глагола; во-вторых, синтактико-семантические и в первую очередь валентностные характеристики глагола, реализуемые в предложении на семантическом и синтаксическом уровнях. И, наконец, в-третьих, коммуникативный план, который определяет как выбор и употребление говорящим в речи глагола с определенным лексическим наполнением, так и построение с

ним в зависимости от коммуникативных задач говорящего и ситуации общения в целом, конкретных речевых структур с определенными иллокутивными задачами, реализуемыми им в процессе общения с помощью той или иной глагольной модели. В-четвертых, не стоит также забывать и такой важный фактор, влияющий на специфику проявления глагольной переходности в английском языке, как своеобразие строя английского языка.

К механизмам, влияющим на реализацию категории глагольной переходности и на многообразие ее проявления, можно отнести, по-видимому, уже упоминавшиеся выше грамматическую категорию залога, с одной стороны, а также особый характер синтактико-семантического потенциала конверсных, а среди них и симметричных глаголов, реализующегося в определенном контексте, — с другой. Помимо названных, несомненно следует учитывать также возможность воздействия на проявление и функционирование категории глагольной переходности целого ряда других параметров, связанных как со специфической глагольной лексикой, так и с языком и использованием его говорящим в определенных условиях в целом.

Глава 2

ТРЕХАКТАННАЯ ЛОКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЕЕ ВАРИАНТЫ

Модель S Vtr OI Oloc (или в морфолого-синтаксических терминах — $N_1VN_2pN_3$, где p — локативный предлог) представляет собой формулу, выражающую системообразующее отношение, или интегральный признак, «предикативность + акциональность + переходность + дупереходность + локативность» (см. ч. I, гл. I), которому удовлетворяет определенное множество реальных предложений. Представителями этого множества могут служить предложения: 1. *The first man laid a hand on his companion's arm* (MESS, 44); 2. *He sat up and put his feet to the floor* (W. E., 35). Интерпретация синтаксических связей в терминах членов предложения дает следующую характеристику именных компонентов конструкции: N_1 — подлежащее, N_2 — прямое дополнение, pN_3 — предложная группа, выполняющая в конструкции роль, для обозначения которой можно использовать термин «локативный комплемент». С семантической точки зрения, предложения 1—2 представляют собой номинацию определенной типичной ситуации, в которой один из объектов (обозначим его Ob_1) изменяет свое пространственное положение по отношению к другому объекту (Ob_2) в результате действия, совершаемого субъектом ситуации (Sb) (мы ограничимся здесь рассмотрением только предложений, в которых объекты, участвующие в образовании пространственной си-

туации, выражены именами конкретных предметов). В целом ситуацию, обозначаемую предложениями типа 1—2, можно определить как «каузация положения объекта Ob_1 в пространственной области Ob_2 » или в более краткой форме — «каузация пространственной ситуации». Как видно, данный смысловой признак по существу представляет собой результат взаимодействия двух семантических единиц, а именно каузатива и пространственной ситуации. Рассмотрим сначала структуру «пространственной ситуации».

2.1. СТРУКТУРА «ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ»

«Пространственную ситуацию» можно представить как предикат, описывающий пространственные отношения между двумя предметами x и y : $Loc(x, y)$. Если отвлечься от конкретных геометрических особенностей формы объектов, вступающих в пространственные отношения, и представить их в идеализированном виде как две сравнимые по объему, проницаемые сферы, то будет иметь смысл выражение $Loc(y, x)$, т. е. пространственное отношение симметрично и выбор одного из объектов на роль пространственного ориентира является в принципе произвольным, по крайней мере, тогда, когда объекты занимают постоянное местоположение относительно друг друга. Если относительное расположение объектов меняется, то говорить о симметричности пространственного отношения можно, только имея в виду принцип относительности движения, утверждающий произвольность выбора точки отсчета, что, в сущности, снимает вопрос о том, какой именно из объектов находится в движении: ср., например, ДВИЖЕТСЯ ВОКРУГ (Солнце, Земля) или ДВИЖЕТСЯ ВОКРУГ (Земля, Солнце). Если же движущийся объект определен, то пространственное отношение утрачивает свойство симметричности. Иными словами, на некотором уровне абстракции существует возможность различить статическую пространственную ситуацию, в которой взаимное расположение объектов неизменно ($Loc(x, y)$), и динамическую пространственную ситуацию, описывающую движение одного объекта по отношению к другому — $Move(x, y)$: отношение $Loc(x, y)$ в отличие от $Move(x, y)$ обладает свойством симметричности.

В языке, однако, один из объектов в пространственной (как динамической, так и статической) ситуации всегда выступает как «ориентир», относительно которого определяется положение другого — локализуемого — объекта. В структуре английского предложения показателем той или иной функции ориентира служит предлог, значение которого содержит соответствующую сему. При сочетании предлога с существительным данная функция приписывается референту предложной группы. Хотя изучение предлогов ведется в различных направлениях (Аксененко 1956;

Wood 1967; Bennet 1975; Lindkvist 1976), во многих случаях так или иначе используются параметры, на основе которых была построена известная сублогическая система падежей (и предлогов) Л. Ельмслева: направление (приближение—удаление); связность (coherence)— несвязность (incoherence) — параметр, который можно интерпретировать как степень включенности локализуемого объекта в пространственную область ориентира (ср. понятия, используемые для экспликации этого параметра — интериорность, контакт, экстериорность и др.); и субъективность—объективность, т. е. параметр, указывающий, является ли дейктическая информация существенной для функционирования того или иного предлога (падежа) (Hjelmslev 1935: 127—136).

Определяя отношение пространственных предлогов к параметру «направление», имеют в виду такие пространственно-временные координаты, как исходная точка, путь и конечная точка движения (Апресян 1973: 285). Исходную точку движения, или аблатив, можно определить как локативное отношение (Loc (x, y)) между объектами, которое в некоторый момент времени (t) прекращает свое существование. Возникающее в момент t локативное отношение между перемещающимся объектом и объектом-ориентиром будем называть конечной точкой движения, или аллативом. Пространственно-временной отрезок между указанными точками определяет путь (маршрут) движения локализуемого объекта, или транслатив. Путь движения объекта, таким образом, является производной величиной, зависящей от соотношения аблатива и аллатива. «Директивную» пространственную ситуацию, в которой ориентир выполняет одну из указанных функций, будем называть соответственно аблативной, аллативной или транслативной. Там, где важно подчеркнуть различие между потенциальным и реальным локативным отношением в составе аллативной пространственной ситуации, удобно использовать термин «терминальная» пространственная ситуация.

В зависимости от соответствующей функции ориентира в директивной ситуации можно выделить следующие группы направительных предлогов: а) аблативные (from, off, out of); б) аллативные (towards, to); в) терминально-аллативные (into, on to); г) транслативные (along, across, through, past). Предлоги, не вошедшие в указанные группы, рассматриваются как статические, или «локативные». Как статические, так и направительные предлоги отражают в своем значении особенности формы объекта-ориентира (точка — at, by, from, to; объем — in, out of, through; плоскость — on, off, across), но статические предлоги отличаются от директивных тем, что они, указывая на локативную функцию ориентира в пространственной ситуации, не только выражают различную степень включенности локализуемого объекта в области ориентира (in, in-

side, on, by, at, outside), но и обозначают местоположение объекта, используя сетку пространственных координат, центром которых является ориентир: above, over — under, below (вертикальная ось); in front of, before — in back of, behind (невертикальная ось). Если статические предлоги не накладывают ограничений на значение глагола в предложении, описывающем пространственную (статическую или динамическую) ситуацию, то директивные предлоги преимущественно связываются с глаголами определенной семантики (в частности, с глаголами движения). При возможном употреблении директивных предлогов в конструкции с глаголом to be предложение приобретает либо результативное значение, т. е. обозначает локативное отношение как результат предшествующего движения (например, предложение *The speaker is on to the platform* интерпретируется Дж. Личем как „*The speaker is on the platform, having got there*»; предложения с транслативными предлогами *He is across the fence* или *He is through the window* анализируются с помощью перифразы *He has got across the fence* и *He has got through the window* (Leech 1970: 198—199)), либо выражает «отрицательное» локативное отношение: *She is out of the kitchen* = *She is not in the kitchen* (Ibid.: 163).

Итак, стандартной структурой, выражающей пространственное отношение между объектами, является двухместное предложение, в котором предложная группа семантически характеризуется как ориентир с соответствующей функцией — локатив, аллатив, аблатив или транслатив. Поскольку локализуемый (одушевленный или неодушевленный) объект в пространственной ситуации не выполняет никаких иных функций, кроме того, что он является членом пространственного отношения, постольку его роль в смысловой структуре предложения будем определять как семантически нейтральную, или, используя термин Дж. Андерсона, как «номинатив» (Anderson J. 1971).

2.2. СТРУКТУРА КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Для обозначения каузативной ситуации, в которой локализуемый объект вступает в пространственные отношения, подчиняясь воздействию каких-либо внешних обстоятельств, предназначена трехактантная локативная конструкция. В предложениях, построенных по этой конструкции, изменение положения объекта относительно ориентира представляется как результат воздействия субъекта-каузатора на локализуемый объект. Именно способность выражать каузацию пространственной ситуации отличает трехактантную локативную конструкцию от двухактантной, в которой способ существования или возникновения пространственного отношения выражается только семантикой глагола предложения.

Каузатив обычно рассматривается как предикат (S_{CAUS}).

открывающий места для двух других предикатов или «состояний», между которыми устанавливается причинно-следственная связь: первый аргумент (антецедент — S_{ant}) соответствует «каузирующему» состоянию, осуществление которого имеет целью выполнение второго «каузируемого», терминального или консеквентного (S_{con}), состояния (Недялков, Сильницкий 1969). Логические условия, при которых одно событие выступает как каузирующее по отношению к другому, каузируемому, состоянию, можно определить следующим образом: отношение между состоянием S_{ant} и состоянием S_{con} является каузальным отношением, если осуществление S_{con} зависит от реализации S_{ant} так, что, когда имеет место S_{ant} , ничего нельзя сказать о S_{con} , но если S_{con} не осуществляется, то и S_{ant} следует считать нереализованным. Иными словами, событие S_{ant} является каузирующим, если оно составляет достаточное условие для осуществления состояния S_{con} ; консеквентное состояние является необходимым условием, определяющим причинно-следственные отношения в целом. По определению Г. Г. Сильницкого, каузативная ситуация это «такая сложная ситуация, в которой subordinативная роль выполняется антецедентным состоянием, доминантная — терминальным. Воздействие направлено на объект и его терминальное состояние, которое завершает и уравнивает всю каузативную ситуацию в целом» (Сильницкий 1974: 381).

Зависимость каузальных отношений от консеквентного состояния отражается в значении переходных глаголов, моделирующих каузативную ситуацию: каузативные глаголы либо содержат указание на состояние объекта воздействия непосредственно в своем лексическом значении (синтетические, или скрытые, каузативы), либо импликация каузируемого события обусловлена их валентностными свойствами и имеет выход в синтаксическую сочетаемость (аналитические, или открытые, каузативы) (Арутюнова 1976: 167 и сл.).

Многие синтетические каузативные глаголы образованы с помощью каких-либо морфологических средств, включая нулевую аффиксацию, от форм, которые в исходном своем виде называют состояния, действия или процессы, субъектом которых может стать объект каузативной конструкции. Так, глаголы *to legalize*, *to tighten*, *to enrich* образованы от соответствующих прилагательных (*legal*, *tight*, *rich*) посредством формантов *-ize*, *-en*, *en-*. Путем «нулевой аффиксации» образуются каузативные глаголы от прилагательных *empty*, *smooth*, *warm*, от непереходных глаголов *to break*, *to grow*, *to move*, *to begin*. Исходной формой для образования каузативных глаголов могут служить также существительные, причем используемые морфологические средства также включают не только префиксацию (*to enslave*) и суффиксацию (*to computerize*), но и нулевую аффиксацию (*to*

knife, to gun, to gas, to quillotine) (Kastovsky 1973: 266). В последнем случае импликация консеквентного состояния объекта отражает предсказуемое состояние объекта, подвергающегося действию, для совершения которого предназначен тот или иной предмет-инструмент, обозначаемый соответствующим существительным. К классу синтетических каузативных глаголов относятся также переходные глаголы, которые не имеют каких-либо морфологических связей с формой, обозначающей консеквентное состояние объекта переходной конструкции: to kill, to give, to build, to put.

Аналитические, или открытые, каузативы (to cause, to make, to let, to force, to impell, to order) образуют синтаксическую конструкцию, которая содержит в своем составе отдельную позицию, предназначенную для обозначения консеквентного состояния объекта воздействия: John caused Bill to die. Открытые каузативы поэтому либо сохраняют в своем лексическом значении только компонент каузации (to cause, to make), либо включают также указание на способ действия субъекта-каузатора, т. е. на каузирующее состояние (to let, to order, to force и др.)

Необходимо подчеркнуть следующие отличия синтетических каузативов от открытых, аналитических каузативных глаголов. Если открытые каузативы непосредственно выражают antecedentное состояние S_{ant} и /или компонент каузации, то наличие в семантике синтетических каузативов консеквентного состояния переводит S_{ant} в сферу грамматического содержания субъектно-объектных отношений. В предложениях с синтетическими каузативами семантика самого глагола, в котором указание на единственное возможное состояние объекта действия является основным компонентом значения, обуславливает конкретный характер состояния S_{con} , его вполне определенное содержание. Так, из предложения *Кто-то открыл дверь* мы узнаем, что дверь находится только в открытом состоянии и ни в каком другом. В то же время в конструкциях с открытыми каузативами форма, которая служит средством прямой номинации консеквентного состояния, содержательно не предопределена значением основного каузативного глагола и может принадлежать, в сущности, к любому семантическому классу: «заставить кого-то сознаться / прийти / съесть яблоко / ...».

Трехчленная локативная конструкция, выражая «каузацию пространственной ситуации», не только занимает определенное место среди локативных конструкций, но и является особой синтаксической конструкцией, сочетающей в себе свойства как синтетических, так и открытых каузативных конструкций. Действительно, подобно предложениям с синтетическими каузативными глаголами, консеквентное состояние в составе каузативного предиката в трехместной конструкции содержательно определено, а именно как «пространственная ситуация». Если, с

одной стороны, определенность S_{con} прочно связана с семантикой синтетического глагола, то предикат «пространственная ситуация» должен присутствовать уже в лексическом значении основного и единственного глагола трехместного предложения, выражающего каузацию пространственной ситуации. Но, как мы видели, предикат пространственной ситуации двухместный, и для его экспликации в локативных конструкциях в большинстве случаев (исключение составляют предложения с транзитивными глаголами *abandon*, *leave*, *reach* и др.) необходима предложная группа pN , где предлог прежде всего фиксирует функцию N как предмета-ориентира. Из этого следует, что локативный комплемент pN в трехместных предложениях используется как валентно обусловленное средство реализации одного из аргументов каузативного предиката и, следовательно, как и открытый каузатив, может не ограничиваться с содержательной точки зрения семантикой глагола. Поэтому глагол трехчленного локативного предложения может непосредственно описывать только действие субъекта (т. е. antecedentное состояние), не включая в свое значение никакого указания на пространственную ситуацию — консеквент каузативного предиката. Видимо, отмеченная противоречивость требования включать или не включать предикат пространственной ситуации в значение глагола как-то в трехчленной локативной конструкции преодолевается. Если нам удастся показать, что это действительно так, то мы получим основание считать рассматриваемую конструкцию единой синтаксической каузативной формой, целостность которой обусловлена тесным взаимодействием предиката каузации и предиката пространственной ситуации, или, иначе говоря, трехместная локативная конструкция является специальной языковой формой выражения каузации пространственной ситуации и в значительной мере не зависит от семантики используемых в конструкции глаголов.

2.3. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ В ТРЕХАКТАНТНОЙ ЛОКАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Все множество обнаруженных в нашем материале глаголов, использующихся в трехместной локативной конструкции, может быть разделено на четыре группы:

1) некаузативные глаголы, семантика которых не содержит каузативного предиката и, следовательно, не имплицитует каких-либо консеквентных состояний;

2) открытые каузативные глаголы, у которых предикат консеквентного состояния семантически не ограничен;

3) синтетические каузативы с одноместным предикатом в качестве S_{con} ;

4) синтетические глаголы каузации пространственной ситуации.

Некаузативные глаголы, использующиеся в трехактантной локативной конструкции, выражают контактное физическое воздействие на объект: to beat, to hit, to knock, to punch, to strike, to touch и др.: 3. He was silent while he knocked the ashes out of his pipe and refilled it (M.S., 948); 4. But then he flicked the foil out across the table and turned to the matter at hand (A.I., 11); 5. As he touches his fork to his plate he remembers ... (U.J., 78). Очевидно, что предложения 3—5 описывают ситуацию «вынужденного» перемещения объекта (the ashes, the foil, his fork) по отношению к ориентиру. При этом контактное воздействие, выраженное в этих предложениях глаголами, может быть направлено или на объекты, обозначенные предложными группами (out of his pipe, to his plate), или на объекты, представленные прямыми дополнениями: 6. ...in the act of falling he struck his face against the door (B.H.E., 119); 7. Ronald Weary was shaking him, bonking his head against a tree (V.K.b, 105).

Иной характер имеют пространственные ситуации, описываемые в предложениях 8. Perrault, tears of mirth streaming, cuffed Cawston vigorously across the shoulders (H.A., 93); 9. The next moment he received a clout... that knocked him over on his side (L.J., 160), где объекты, представленные прямым дополнением и локативной группой, связаны отношением «неотъемлемой принадлежности». В предложении 8 не выражен локализуемый объект, который в результате действия субъекта занимает положение, обозначенное across the shoulders; в предложении 9 объект воздействия — референт прямого дополнения him — изменяет свое положение в пространстве относительно одной из своих «частей тела».

Состав группы некаузативных глаголов не ограничивается перечисленными глаголами контактного воздействия. В трехместной локативной конструкции могут использоваться некаузативные лексемы самой разнообразной семантики: 10. Brian stood by a hillock of black cobbles, watched the shovel singing them into the coal-hole (S.A., 26); 11. They wrestled the Americans towards the shed door affectionately (V.K.b, 67); 12. Ned counted slowly on to the palm six frayed dollar bills and then about a cupful of coins of various denominations (F.W., 151). В подобном употреблении зафиксированы также глаголы hug, roar, try, help и др.

Открытые каузативные глаголы семантически не ограничивают характер консеквентного состояния объекта. Этим обусловлена их основная структурная особенность: для экспликации содержания каузируемого состояния наличие в предложении вторичной предикативной формы необходимо. Однако, участвуя в образовании предложения с локативным компонентом, открытые каузативные глаголы изменяют общему правилу и не требуют обязательного присутствия второй глагольной

формы, отражающей перемещение объекта каузирующего действия. Ср. предложение 13. The priest was sick where he lay. For some moment he turned his head away from the boy, letting bloody spittle and sickness ooze away down the bank of grass (В.Н.Е., 158), где ooze указывает на характер движения объекта, и предложение 14. He was commissioned to open the sluice that let out the water from the lake. . . (L.D.H., 206), в котором перемещение локализуемого объекта (the water) не получает прямого обозначения.

Открытые каузативные глаголы описывают так называемую директивную каузативную ситуацию, в которой роль субъекта-каузатора ограничивается «побуждением» объекта к действию (о противопоставлении «директивной» и «манипулятивной» каузации см. (Shibatani 1976: 31 ff.)). Побуждение при этом следует понимать как чисто условный термин, охватывающий широкий диапазон каузирующих действий субъекта — от «разрешения», имеющего ряд оттенков в зависимости от характера объекта каузации, до прямого, направленного воздействия на волю одушевленного объекта. Поэтому семантическая дифференциация открытых глаголов, видимо, может носить градуальный характер и основана на большей или меньшей степени участия субъекта в каузативной ситуации.

Глагол let противопоставляется остальным членам группы, так как менее всего связан с представлением о каком-либо действии субъекта-каузатора. «Пассивность» субъекта, в свою очередь, не может свидетельствовать о его заинтересованности в конечном результате действия объекта. Этим объясняется возможное употребление имени неодушевленного предмета в субъектной позиции в предложении (см. предложение 14) и активный, целенаправленный характер действия одушевленного субъекта, выраженный отрицательной формой let: 15. You can't go, Gilbert. They won't let you off the ship (W.E., 138). Глаголы coax, lure, challenge, warn, urge, order, impell, force, в свою очередь, представляют принудительную, или «императивную», каузацию, в той или иной мере направленную на преодоление сопротивления объекта: 16. . .he coaxed the horse in to the boxcar. . . (F.W., 153); 17. . .he challenged the hawk down out of the sky (L.J., 155); 18. . .and Turgis ought to have ordered him out of the office at once (P.J.B., 48). Реализация каузируемого состояния в ситуациях, выражаемых этими предложениями, зависит от самого объекта каузации, подчиняющегося императивному действию субъекта-каузатора. Императивность действия субъекта достигает максимума в значении глагола force, который способен обозначать прямое, «манипулятивное» воздействие на объект: 19. «Don't worry about me, Dave», I told him, catching his wrist and forcing his hand into his pocket (MASS, 417); 20. He forced a branch back from an elderberry bush until it cracked (S.A., 67).

Глаголы, отображающие характер каузирующего действия субъекта, составляют особую подгруппу открытых каузативов: глагол описывает или движение самого субъекта (*motion, gesture, wave*), или его какие-либо вербальные действия (*invite, call*), которые тем не менее приводят к изменению пространственного положения объекта; как правило, локализуемый объект самостоятельно перемещается в новую пространственную область, обозначаемую предложной группой pN_3 : 21. *The Don motioned the other people out of the room (P.M., 47)*; 22. *...he had called Hagen to his room and given him instruction (Ibid., 67)*; 23. *Wing Commander Galbraith invited me to the flight deck (H.A., 265)*.

Импликация внутренней дееспособности объекта в сочетании с преимущественно директивными предложениями, указывающими на соответствующую функцию предмета-ориентира, является достаточным условием, чтобы передать императивно каузируемое перемещение объекта в пространстве. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в группе рассматриваемых глаголов отсутствуют наиболее представительные открытые каузативы *cause, make*. Фраза *to cause somebody out of the room* в отличие от *to cause somebody to go out of the room* грамматически не маркирована, как кажется, именно потому, что в силу абстрактности своего значения эти глаголы не могут самостоятельно, без помощи вторичной предикативной формы, требовать дееспособности у объекта каузации, т. е. объект *somebody* в немаркированной фразе остается неопределенным с точки зрения его способности к самостоятельному действию.

Обобщающим признаком группы синтетических каузативных глаголов является прямая каузация содержательно фиксированного, нерелятивного состояния объекта, которое может быть представлено одноместным предикатом. Лексемы, входящие в эту группу, могут быть распределены по двум классам. Первый, результативный, класс включает лексемы, образованные с помощью морфологических средств от непереходных глаголов и прилагательных: *to break it — it breaks, to empty it — it is empty*. Результативные глаголы непосредственно обозначают некоторое (непространственное) состояние объекта каузации. Второй, инструментативный, класс содержит лексические каузативы (*build, wash, produce, scratch, dig*) и глаголы, образованные путем нулевой аффиксации от существительных, обозначающих «инструмент» (*brush, rake, hammer* и др.). Инструментативные глаголы имплицитно определяют определенное консеквентное состояние объекта, не называя его (Недялков, Сильницкий 1969: 8 и сл.). В зависимости от характера консеквента каузативного предиката, составляющего содержание синтетического глагола, можно выделить следующие подгруппы глаголов этого типа.

1. Глаголы, общим компонентом значения которых является нарушение целостности объекта вплоть до его полного разрушения. Подобной семантикой обладают глаголы *break, crush, smash, grind*, а также *cut, tear, rip, hack, gouge, burrow, carve* и др.

2. В известном смысле противоположным значением характеризуются глаголы каузации бытия или глаголы «созидания»: *build, make, produce, write, draw, form, scribble*.

3. Глаголы с общим смысловым признаком «изменение формы предмета»: *fold, bend, crumple, bow, cup, curl, flatten, smooth, stretch* и др.

4а. Глаголы, обозначающие или указывающие на состояние объекта, возникающее в результате устранения каких-либо факторов, мешающих приобретению такого состояния: *clean, clear, empty, wash, brush, wipe, rake, free*; 4б. Глагольные лексемы, описывающие состояние объекта, которое является следствием обратного действия, т. е. для создания определенного признака необходимо обеспечить наличие некоторых предметов или предмета: *paint, smear, soil, dust, smudge*.

5. Глаголы, значение которых можно определить так же, как значение многих некаузативных глаголов, т. е. как «контактное, физическое воздействие на объект»; однако в отличие от некаузативных глаголов лексемы *slam, bang, drum, click, clink* и др. характеризуют консеквентное состояние, отображая звук, издаваемый при соприкосновении объектов, и могут употребляться в непереходных конструкциях: *to slam the door — the door slammed*.

Выделенных признаков оказалось недостаточно, чтобы охватить весь имеющийся материал; ряд глаголов (*flash, ease, snuggle, tread, bury* и др.), различных по своему содержанию, не вошли ни в одну из перечисленных подгрупп.

При использовании синтетических глаголов в качестве синтаксического центра трехместной конструкции с локативным компонентом предикат «каузация нерелятивного состояния S_{con}^1 » вступает в определенные отношения с признаком «каузация пространственной ситуации». При этом можно обнаружить следующие, более или менее регулярно встречающиеся, семантические типы взаимодействия консеквентных состояний, определенных содержанием соответствующих смысловых единиц.

Во многих предложениях каузативная ситуация, составляющая содержание синтетического глагола представлена как единый антецедент каузации пространственной ситуации: нерелятивное консеквентное состояние объекта (S_{con}^1), выраженное или имплицитированное синтетическим глаголом не только является результатом действия субъекта-каузатора, но и выступает в качестве фактора сопутствующего или содействующего реализации пространственной ситуации, причем степень участия

S_{con}^1 в организации пространственной ситуации может быть различной и зависит от конкретного содержания глагола. Так, в предложениях 24. *Cupping hands over her mouth she screamed* (S.A., 96); 25. *He hooked a thumb under one suspender and looked at Smallwood* (MASS, 472) состояния, выраженные глаголами *cup* и *hook*, реализуются независимо от перемещения объектов-носителей S_{con}^1 в новую пространственную область. каузация S_{con}^1 «сопровождает» каузацию пространственной ситуации. В предложении 26. *I tore the string of pearls off my neck* (M.S., 864) описываемая ситуация может рассматриваться как способ каузации пространственной ситуации, поскольку предложение допускает интерпретацию «*I got the string of pearls off my neck by tearing it*», где сочетание «*by tearing it*» конкретизирует antecedent каузации пространственной ситуации. Подобным образом организована семантическая структура трехместных локативных предложений, в которых используются глаголы «разрушения» и «деформации»: 27. *She broke a corner off a piece of toast and...* (Нух. А. а, 156); 28. *I twisted a dagger from his hand* (С.А., 32).

Ситуация, описываемая глаголами «каузации бытия», видимо, также может рассматриваться как antecedentное состояние по отношению к пространственной ситуации в семантике трехместных локативных предложений: 29. «*Wait a minute*», Brackett said, «*Here's my address*». *He wrote it on a piece of paper* (MASS, 514). Пространственное отношение между объектами, обозначенными *it* и *a piece of paper*, выражено посредством предлога *on* и представлено в предложении как результат события «*he wrote it*».

Иной характер отношений между состоянием S_{con}^1 , входящим в семантику глагола и каузируемой пространственной ситуацией, отражается в предложениях 30. «*To day*», he said, *he closing his eyes and snuggling his head into her warmth once more* (MASS, 425) и 31. *The Minister ... eased his tall, bulging figure into the seat facing the desk* (Н.А., 148). Очевидно, что состояния объектов, обозначенные каузативными глаголами *snuggle* и *ease*, возникают в результате создания определенных пространственных состояний. В качестве интерпретирующих формул, в которых эксплицируются интересующие нас отношения между S_{con}^1 и пространственной ситуацией, могут служить «*he snuggled his head by getting into her warmth*» и «*he eased his figure by getting it into the seat*», т. е. состояние S_{con}^1 и пространственную ситуацию в данном случае следует рассматривать как соответственно консеквент и antecedent общей каузативной ситуации, выраженной в предложении.

Глаголы, значение которых таким образом участвует в организации семантической структуры трехместных локативных предложений, относятся в основном к подгруппе 5 и к результативным глаголам подгруппы 4. Так, глагол *slam* в предло-

жении 32. But Charles had slammed back the receiver on its hook (C.A., 261) передает звуковой эффект, возникающий вследствие каузируемого контакта объектов—участников пространственной ситуации. В предложениях 33. Brian emptied pebbles from his left boot... (S.A., 83); 34. ...he rose and went to the window, clearing the thick scum from his mouth with his tongue... (J.J., 137) информация о состояниях «пустой», «чистый» содержится в лексическом значении соответствующих глаголов и определяет результат создания пространственной ситуации, описываемой предложениями.

Вместе с тем не во всех случаях удастся четко определить, является ли S_{con}^1 антецедентом каузируемой пространственной ситуации, или же S_{con}^1 осуществляется как следствие создаваемого субъектом-каузатором пространственного отношения. Инструментативные глаголы, например, часто допускают двоякую интерпретацию отношений имплицитного состояния S_{con}^1 и выраженной в предложении пространственной ситуации. Так, предложение 35. «It might have been worse», he said at last, brushing the dust off his hands (Hux.A.b, 29) может означать либо «he got the dust off his hands by brushing them», либо «he cleaned his hands by getting the dust off them», где использована форма «clean», эксплицирующая состояние S_{con}^1 , указание на которое имплицитно содержится в значении глагола brush.

Наконец, в некоторых случаях способность синтетического каузативного глагола имплицитно реализовать S_{con}^1 не реализуется (как правило, в предложениях с инструментативными глаголами); действие субъекта-каузатора рассматривается как способ каузации только пространственной ситуации: 36. With a violent gesture he swept the whole pack (of cards) on to the floor (M.S., 512). Хотя основное значение глагола sweep определяется в словарях через глаголы clean, clear и т. п., в трехместном локативном предложении 36 речь идет только о каузации перемещения объекта the whole pack по отношению к ориентиру the floor.

Как видим, использование в трехактантной локативной конструкции скрытых, синтетических каузативных глаголов, лексикографическое толкование которых не соответствует признаку «каузация пространственной ситуации», приводит к созданию сложной семантической структуры предложения, в которой консеквентное состояние объекта воздействия, имплицитное значением глагола, вступает в определенные отношения с каузируемой пространственной ситуацией. При этом само наличие пространственной ситуации в семантике предложения фиксируется только его синтаксической формой, содержащей локативный компонент, тогда как каузативная ситуация, моделируемая значением глагола, входит в содержание предложения как вторичный компонент, подчиненный признаку «каузация прост-

ранственной ситуации» и обусловленный только свойствами лексического материала, используемого для построения предложения.

Глаголами каузации пространственной ситуации являются каузативные глаголы с имплицированным релятивным состоянием S_{cop} , содержание которого определяется как «пространственная ситуация», т. е. данную группу глаголов образуют лексемы, значение которых соответствует интегральному признаку трехактантной локативной модели предложения.

Напомним, что пространственная ситуация включает либо локативное отношение, существующее между двумя объектами, один из которых постоянно находится в области другого, либо направленное перемещение объекта относительно ориентира. Глаголы каузации пространственной ситуации соответственно образуют две группы, которые определяются как а) глаголы каузации локативного отношения и б) глаголы каузации направленного движения. Для дифференциации указанных групп оказалось возможным использовать различную способность глаголов сочетаться в предложении с аблативной предложной группой (*from N*): семантика глаголов каузации локативного отношения не допускает построения высказываний типа *to place / lay the book from the table.

Наиболее очевидными содержательными признаками, которые могут быть использованы для характеристики глаголов каузации локативного отношения являются: 1) информация о каких-либо свойствах объекта-ориентира (так, глаголы *insert, inject, enclose, pack, cram, jam* и т. д. предполагают, что область, в которую помещается локализуемый объект, имеет замкнутую, объемную конфигурацию); 2) информация об особенностях перемещаемого объекта — его форме и / или новом положении в пространстве (*pile, heap, stack, bunch, lay, stand, hang, suspend*); 3) указание на способ каузации пространственной ситуации (*bind, tie, chain, nail*); 4) указание на цель действия субъекта (*store, deposit, imprison* и т. п.). Особо следует выделить группу глаголов с семантикой наиболее абстрактного, вещественно неопределенного характера — *put, locate, place, set*.

Глаголы каузации направленного движения, сочетаясь с различными предложными группами, могут использоваться для построения предложений, выражающих подтипы директивной пространственной ситуации. Поэтому субкатегоризация глаголов этой группы осуществлялась с точки зрения их способности имплицировать те или иные пространственные отношения между субъектом-каузативом и объектом воздействия. Дело в том, что семантика таких глаголов усложняет роль субъекта в предложении: последний не только является каузативом пространственной ситуации, но и может выступать в качестве одного

из ее участников. Поскольку характер пространственных отношений между субъектом и объектом воздействия остается независимым от значения локативного компонента, будем называть «первичной» такую пространственную ситуацию, в которой субъект-каузатор выполняет функцию предмета-ориентира относительно локализуемого объекта. По характеру первичной пространственной ситуации выделяются следующие подгруппы глаголов каузации направленного движения.

1. Аблативные глаголы (*push, shove, hustle, thrust, throw, fling, toss, send* и др.) описывают ситуацию, в которой субъект представляет исходную точку движения объекта. В предложениях 37. Suddenly she threw the cigarette and the burning match on the carpet (F.F.S., 133); 38. I should have pushed you into a lime pit when I had the chance (V.K.b, 41) локализуемый объект до начала движения занимает местоположение в области субъекта-каузатора обозначаемой пространственной ситуации. При наличии в предложении аблативной предложной группы предмет-ориентир и субъект связываются статическим локативным отношением — субъект находится в области пространства, ограниченной ориентиром, от которого совершается движение локализуемого объекта: 39. ...a bunch of elders and deacons jumped on him and hustled him out of the church in a hurry (MASS, 408).

Глаголы *remove, efface, extract, deport, evacuate* не указывают на первичные пространственные отношения между субъектом и локализуемым объектом в предложении, но каузируемая пространственная ситуация представляет в этом случае разрушение (или отрицание) исходного локативного отношения: 40. Before answering, Clansy removed the cigar-butt from his moufl (Hux.A.c., 33). При этом значение «аблатив» непосредственно входит в смысловую структуру глагола и не зависит от семантической функции ориентира в пространственной ситуации, выражаемой предложением в целом: 41. With one truck you could evacuate us to the rest-house across the river (B.H.E., 104). Многие из таких глаголов содержат в своем морфологическом составе отрицательный префикс (*unfasten, untie, unbook, dislodge*) и, как правило, сочетаются в предложении с аблативной предложной группой.

2. В предложениях с аблативными глаголами *pull, draw, drag, haul* attract структура первичной пространственной ситуации такова, что локализуемый объект перемещается по направлению к субъекту-каузатору, т. е. последний выполняет функцию конечной точки движения объекта воздействия: 42. ...he seized the cineraria by the stalks and gently pulled it out of the pot (M.S., 1260); 43. You... will be responsible for hauling him out of his cabin (W.E., 95—96). К этой подгруппе каузативов направленного движения следует отнести также глаголы *take, fetch, pick, snatch, steal, grab, select* и др., которые усложняют

аллативные отношения между субъектом и объектом значения «посессивности» (обычно в предложениях с аблативной предложной группой): 44. What did you do with the money you took out of the box, Christie? (MESS, 54).

3. Локативные глаголы carry, bear, lead, pilot, usher, guide, show и т. п. устанавливают в предложении статическое локативное отношение, поскольку положение объекта относительно субъекта-каузатора, как правило, не изменяется — предложение описывает их совместное перемещение в пространстве: 45. He led her out of the room, Kathleen followed close on their heels (M.S., 839). Нередко семантическая характеристика «совместное перемещение» может быть отнесена также к предложениям с аллативными глаголами, в частности, при наличии аллативной предложной группы: 46. When she grew well again I took her down to the mouth of the river (Ibid., 835). Выражение одной и той же смысловой структуры в предложениях с различными в семантическом отношении глаголами свидетельствует о возможной нейтрализации этого различия, т. е. о нейтрализации аллативной и локативной функции субъекта в первичной пространственной ситуации. Глагол bring в силу своего дейктического значения может связать аллативные и локативные глаголы в одну группу, противопоставляемую группе аблативных глаголов: подобно carry, глагол bring предполагает этап совместного перемещения субъекта и локализуемого объекта, но, сближаясь с глаголом take (from), глагол bring имплицитно фиксирует конечную точку перемещения: 47. Hermoine captured Ursula and brought her into her own bedroom (L.D.H., 103); 48. ...he was impatient with the porters, who would never bring his luggage down from his room in time (M.S., 500).

Две следующие подгруппы глаголов не содержат в своем значении импликации первичной пространственной ситуации.

4. Транслативными можно назвать глаголы lift, raise, drop, lower, elevate, back и т. п., так как в их значении содержится компонент, отражающий специфику пространственных отношений между точками на пути каузируемого движения объекта. На вертикальной оси движения различаются ситуации, в которых исходная точка расположена ниже (lift) и выше (drop) конечной: 49. A. L. Beaty always lifted his glasses from over his eyes to his forehead at such times (S.W., 324). Соответствующее различие на продольной горизонтальной оси движения представлено противопоставлением to back — to forward. В пространственной ситуации, моделируемой глаголами shift, transfer, turn, pass акцентируется сам факт различия между исходной и конечной точками перемещения.

5. К классу каузативов директивной пространственной ситуации можно также отнести еще одну группу глаголов — move, run, drive, slide, slip, fly, march, roll. В трехместной локативной конструкции такие глаголы характеризуются признаком «кау-

зация линейного движения», причем направление этого движения полностью определяется значением директивной предложной группы.

Поверхностная структура трехактантных локативных предложений с глаголами каузации пространственной ситуации, как видно, отображает отношения, существующие между семантическими актантами: подлежащее предложения соответствует субъекту каузирующего действия, прямое дополнение — объекту, который интерпретируется как пациент (объект воздействия) по отношению к предикату antecedентного состояния и как локализуемый объект (номинатив) по отношению к каузируемой пространственной ситуации, объект-ориентир представлен локативным компонентом, выполняющим одну из своих пространственных функций. Иными словами, изоморфное отображение семантической структуры предложения в его поверхностной, синтаксической организации дает основание считать, что глаголы каузации пространственной ситуации являются исходным материалом, на котором строится трехактантная локативная модель предложения в языке.

2.4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ТРЕХАКТАНТНОЙ ЛОКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С точки зрения соотношения плана выражения и плана содержания трехместная локативная конструкция как форма занимает, используя выражение С. Карцевского (1965), «адекватную позицию» по отношению к семантическому комплексу, идее или представлению «каузируемое перемещение объекта в пространстве». Однако использование в предложениях со структурой $N_1 V N_2 pN_3$ глаголов, принадлежащих к разным лексико-семантическим группам, показывает, что потенциал конструкции может быть шире, чем тот набор семантических функций именных составляющих (субъект-каузатор, или агент; локализуемый объект, или номинатив; объект-ориентир), который является необходимым и достаточным для полной передачи общего смыслового признака «каузация пространственной ситуации». Возможности трехактантной локативной модели предложения не ограничены жесткими рамками, но, напротив, будучи основанными на каузативных и объектно-локативных (пространственных) отношениях, допускают усложнение семантической интерпретации синтаксических актантов. Там, где такое усложнение имеет место, можно говорить о смещении или сдвиге «адекватной позиции» конструкции относительно признака «каузация пространственной ситуации».

Вся совокупность смыслов, выражаемых с помощью трехактантных локативных предложений, образует область семантического функционирования рассматриваемой модели, для описания которой необходимо допустить, что признак «каузация

пространственной ситуации» занимает в этой области центральное и потому особое место. Основанием для такого допущения служит: 1) прямое соответствие семантических функций аргументов сложного предиката «каузация пространственной ситуации» синтаксическим актантам конструкции; 2) преимущественное употребление конструкции $N_1 V N_2 pN_3$ в адекватной позиции; 3) сам факт использования конструкции для отображения реальных «непространственных» ситуаций, поскольку при этом реализуется возможность выделения в ситуации трех актантов, отношения между которыми (независимо от их «реальных» связей) могут быть (пере)осмыслены в отношении «каузация пространственной ситуации».

Напомним, что семантическая организация предложений типа *John put the lamp on the table*, соответствующая общему смысловому признаку (структурно-семантическому значению) трехместной локативной модели, определяется следующим образом: каузативная пропозициональная функция (S_{caus}) содержит в качестве аргументов antecedентное состояние (S_{ant}), отображающее действие субъекта ((Sb), функционально определяемого как «агенса» (ag)), направленное на объект-пациент (Ob_1-pat), и консеквентное состояние (S_{con}), содержание которого составляет пространственная ситуация, связывающая локализуемый объект-номинатив (Ob_1-nom) и объект-ориентир (Ob_2), функционально конкретизируемый в зависимости от типа пространственной ситуации как локатив (loc), аллатив (all), транслатив (transl) или аблатив (abl). На основе этого определения общую смысловую организацию трехместных локативных предложений можно представить в виде схемы 3.

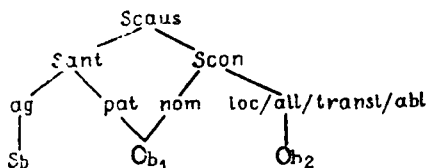

Схема 3

Как видно из схемы 3, один и тот же объект Ob_1 в описываемой ситуации одновременно выполняет две семантические функции — пациента и номинатива.

Отклонения от основной схемы обусловлено прежде всего семантикой используемого глагола и смысловыми отношениями между именами объектов Ob_1 и Ob_2 и проявляются через установления новых связей с предикатом S_{ant} .

Можно выделить, по крайней мере, три области вторичных значений исследуемой конструкции, которые условно будут обозначены как а) область каузации фактитивной пространственной

ситуации; б) область каузации инструментативной пространственной ситуации; в) область каузации проективной пространственной ситуации.

2.4.1. Область каузации фактитивной пространственной ситуации

В области каузативной пространственной ситуации с фактитивом описываемая трехчленным локативным предложением реальная ситуация представляется как воздействие субъекта на объект-пациент, в результате которого создается новый, ранее не существовавший предмет, получающий отдельное наименование в предложении. Новый объект входит в состав предиката S_{ant} и связывается с ним фактитивным отношением. Процесс преобразования объекта-пациента ограничен фактитивом и может рассматриваться через пространственную ситуацию как процесс «передвижения», перехода пациента в новое состояние, в «новый» объект (фактитив — (fact)). В поверхностной структуре предложения создаваемый объект обозначается с помощью терминально-аллативной предложной группы с предлогом into: 50. She took it (the letter) into the tub with her and squeezed it up into a wet ball (F.F.S., 79); 51. The hinged clogs were transforming his feet into blood puddings (V.K.b., 48); 52. The whole place is ready to be turned into a market garden (C.A., 29); 53. ...he fumbled the other piece of barbed wire into a loop on the front of the car... (F.W., 74). (Заметим, что подлежащие в предложениях 51 и 52 по разным причинам не могут семантически интерпретироваться как агенс. Мы, однако, не будем останавливаться на этом вопросе.)

Предлог into, совмещая в своем значении две семантические единицы — «директивность» и «локативность» (т. е. динамику и статику), — в наибольшей степени соответствует представлению о результирном преобразовании объекта-пациента и обычно не может быть заменен в предложениях такого типа на близкие по значению предлоги in и to, передающие соответственно только «локативность» или только «директивность».

В самом общем виде схема 4 отображает семантическую организацию предложений 50—53:

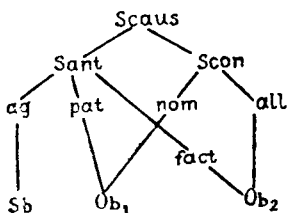

Схема 4

В качестве варианта ситуации «преобразование объекта» следует рассматривать семантику предложений 54. ...she worked her fingers to the bone (P.J.B., 23) и 55. In his tea garden a trusted foreman had hacked his wife to pieces (W.E., 64). Аллативные отношения в таких предложениях, оформленные предлогом *to*, служат для передачи стремления субъекта довести процесс изменения (обычно разрушения) объекта-пациента до возможного предела; максимальная степень разрушения пациента естественно сочетается с такой характеристикой действия, как интенсивность. Фактитивность объекта Ob_2 здесь в известной мере нарушается. По крайней мере, по содержанию эта функция объекта Ob_2 отличается от аналогичной функции в предложениях 50—53: если смысловые отношения Ob_1 и Ob_2 в этих предложениях соответствуют отношению характеризации, точнее, приобретению (инхотатив) признака, состояния или качества (ср., например, предложение 52 и *The whole place became (came to be) a market garden*), то отношения, связывающие объекты в предложениях 54—55, такой интерпретации, как правило, не поддаются (**her fingers became the bone*; **his wife became pieces*). Эти отношения между объектами, скорее, могут рассматриваться как отношения «целое — часть». Однако общим моментом, объединяющим оба варианта семантической ситуации «преобразование пациента», является тот факт, что постглагольные синтаксические актаны в предложениях этого типа относятся к одному и тому же реальному объекту, представленному в разных фазах его существования во времени, в течение которого данный объект подвергается преобразованию. Поэтому данный тип предложений, по-видимому, занимает наиболее периферийную функцию по отношению к значению «каузация пространственной ситуации».

Иная семантическая структура, представляющая область каузации фактитивной пространственной ситуации, дана в предложениях типа: 56. *And he drew a figure on the blackboard* (L.D.H., 40); 57. *As they neared the theatre, they came upon an Englishman who was hacking a groove in the Earth with the heel of his boot* (V.K.b., 96—97). Действие субъекта, имеющее целью создание нового предмета, может рассматривать в семантике предложения как то, что непосредственно связывает субъект и созданный им объект, причем указание на предмет, послуживший исходным материалом, на который, в сущности, и была направлена конструктивная, преобразующая деятельность субъекта, при этом остается в стороне (например, *to build a house*). В таких случаях, а также там, где образование нового объекта, не предполагает наличия и видоизменения исходного материала (*to draw a line*), фактитивная функция характеризует объект Ob_1 , выраженный прямым дополнением предложения. Иначе говоря,

функция пациента, обычно выполняемая объектом Ob_1 в ситуации S_{ant} , здесь замещается функцией фактитива.

В предложениях, в которых прямое дополнение реализует функцию фактитива по отношению к обозначенному глаголом предикату S_{ant} , локативный комплемент, как правило, оформляется с помощью локативных (статических — *in, on, under* и др.) предлогов. Глагольно-объектные отношения, передающие каузацию бытия, и семантика направительных, динамических предлогов плохо согласуются друг с другом, так как значение направленного перемещения сопряжено с пресуппозицией существования движущегося объекта. Действительно, если эта пресуппозиция истинна, то фактитивная функция прямого дополнения в предложении нейтрализуется, и все предложение может получить «чисто» пространственную интерпретацию, которая поддерживается наличием в предложениях с глаголами каузации бытия предлогов терминально-аллативного значения (*into, onto*), оказывающими воздействие на семантику глагола и на общее значение предложения в целом. Ср.: 58. ...you made a hole in the wall and built the soap-dish into a niche, like a holy water stout (Hux. A.b., 123). Следует отметить, что предложение *Ask the carpenter to build some cupboards into the walls* описывает ситуацию, в которой фактитивная функция не утрачивается полностью, поскольку поддерживается неопределенностью прямого объекта *some cupboards*; предложение в этом случае допускает толкование *Ask the carpenter to make some cupboards and fix them into the walls*.

Употребление директивного предлога *to* или транслативных предлогов (*through, across*) в предложениях с фактитивным прямым дополнением возможно лишь в том случае, когда N_2 представляет предмет, имеющий измерение «длина» — *a path, a road* и т. п.: 59. *Again he turned to the map. With the index finger of his right hand he stubbed a series of points directly to the south of Canada, moving inwards from the Atlantic seaboard* (H.A., 86).

Аблативная предложная группа (преимущественно с предлогом *out of*) сочетается с фактитивным прямым дополнением при условии, что смысловые отношения между объектами Ob_1 и Ob_2 в принципе аналогичны отношениям, описываемым в предложениях 50—53, т. е. один из этих объектов рассматривается как «материал» для создания другого. Однако если в предложениях 50—53 фактитивная функция приписывается объекту Ob_2 и выражается с помощью предложной группы с терминально-аллативным значением, то в предложении 60 — *The wear and tear of spring storms and melting snows had underwashed the bank and in one place had made a small cave out of a narrow fissure* (L.J., 133) — фактитивный объект представлен именем в позиции прямого дополнения, а аблативная группа служит для обозначения «исходного» предмета, «материала», который

непосредственно подвергается воздействию субъекта. Поскольку Ob_1 и Ob_2 связаны постоянным смысловым отношением «материал — изделие», постольку изменение синтаксической функции имени объекта Ob_1 (и соответственно имени Ob_2) отражает изменение «пространственного» представления одного и того же процесса, т. е. процесса преобразования предмета-материала в предмет-изделие (ср., to make (to turn) a fissure (Ob_1) into a cave (Ob_2) — to make a cave (Ob_2) out of a fissure (Ob_1)).

При иных взаимоотношениях между Ob_1 и Ob_2 , когда Ob_1 не может представлять в семантической структуре предмет-материал для создания Ob_2 , директивное значение аблативного предлога исключает фактивную интерпретацию прямого дополнения. Локативный комплемент при этом обозначает объект-ориентир, ограничивающий пространственную область нахождения Ob_1 до начала действия субъекта; предложение в целом передает ситуацию соответствующему основному структурно-семантическому значению трехместной локативной конструкции — каузации пространственной ситуации: Ср.: 61. He produced four candle butts from the sidepockets of his soutane... (J.J., 196). Заметим, что та же пространственная интерпретация аблативного предложения сохраняется, когда семантические актаны — объекты Ob_1 и Ob_2 — связаны отношением «часть — целое». При этом патентивная функция, характеризующая в предложениях 50—53 объект Ob_1 , в примере 62 характеризует объект, который в описываемой пространственной ситуации может играть роль только объекта-ориентира — Ob_2 («целое»): 62. He tore a sheet from his scribler... (Ibid., 202) (ср.: *he tore his scribler into a sheet).

Таким образом, интерпретация конструкции $N_1 V N_2 pN_3$ как способа выражения каузации фактивной ситуации обусловлена определенными смысловыми отношениями между именами объектов и значением глагола предложения. При этом процесс приобретения объектом нового состояния, преобразования предмета, возникновения или разрушения осмысливается через концепт трехактантной локативной модели предложения — «каузация пространственной ситуации».

2.4.2. Область каузации инструментативной пространственной ситуации

Иного типа семантическая организация представлена в предложениях 63. He patted his trousers for cigarettes, thought better of it and wiped the back of his hand across his mouth (C.&H., 132); 64. She rubbed a handkerchief over her eyes... (S.A., 44); 65. «Cheer up!» Brian Richardson reached over, clapping a hand on the other's knee (H.A., 332). Значение предложений 63—65 не позволяет рассматривать отношение глагол — прямое дополнение как соответствующее семантической связи дейст-

вие — объект: если, например, в предложении 64 сочетание *She rubbed a handkerchief* имеет смысл, то этот смысл не соотносится со значением всего предложения («она» в описываемой ситуации трет глаза, а не платок). Другими словами, интерпретация, имеющая целью отразить смысл подобных высказываний, должна указывать, что функцию пациента, т. е. объекта, непосредственно подвергающегося воздействию, выполняет Ob_2 , представленный в структуре предложений с помощью локативного компонента. Кроме того, пространственная ситуация, описываемая предложениями 63—65, отвечает требованиям общего содержательного признака трехместной локативной конструкции: каузируемое перемещение объекта в отношении к ориентиру.

Семантическая двойственность Ob_2 (объект-ориентир и пациент) не является, как мы видели, отличительной чертой предложений типа 63—65. Особенность семантической организации таких предложений заключается в том, что объект Ob_1 здесь можно рассматривать как носитель функции «инструментатив» (*instr*). По крайней мере, описываемая ситуация может быть выражена с помощью предложений другой синтаксической структуры, где предложное сочетание *with N.* соответствующее прямому дополнению в 63—65, эксплицитно фиксирует инструментативную функцию актанта Ob_1 . Ср.: 66. *He rubbed his chin with his hand* (M.S., 266); 67. *She leaned over to him and wiped his face and forehead with a handkerchief* (C.&H., 14); 68. *He tapped his forehead quietly with a ridge-nailed forefinger* (A.I., 27). Инструментативный характер прямого дополнения в 63—65 подтверждается также тем, что имена, используемые в этой позиции (*hand, palm, napkin, towel, stick* и т. п.), удовлетворяют требованиям для таких семантических «падежей», как «инструмент»: они определяются признаками «неодушевленное», «конкретное», «исчисляемое», и обозначаемые ими объекты обычно занимают промежуточное положение в каузальных связях, выраженных в предложении, и соответственно являются одновременно «управляемым» и «управляющим» (Nilsen 1973; Сильницкий 1974).

Семантику предложений типа 63—65 можно представить с помощью схемы 5:

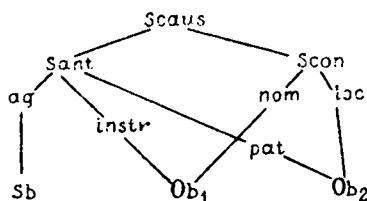

Схема 5

Субъект Sb, воздействуя непосредственно па объект Ob₁, приводит его в соприкосновение с объектом Ob₂, что, в свою очередь, вызывает возникновение нового состояния Ob₂ (или новой ситуации), лишь имплицитно связанного с характером действия, которое выражается посредством глагола предложения (*wipe, rub, clap, strike* и др (см. ниже)).

Исследование материала, однако, показывает, что семантические функции пациента и инструментатива могут по-разному распределяться между структурными элементами предложения. Если учесть тот факт, что инструментативная функция выражается обычно посредством предложного сочетания *with N*, то можно выделить несколько типов соответствия синтаксических и семантических актантов предложения, выражающего каузацию инструментативной пространственной ситуации:

Синтаксические элементы	Семантические функции			
	I	II	III	IV
Прямое дополнение	<i>instr</i>	<i>pat</i>	<i>pat</i>	—
Локативный комплемент	<i>pat</i>	<i>instr</i>	—	<i>pat</i>
Инструментативная группа	—	—	<i>instr</i>	<i>instr</i>

Первый тип соответствия синтаксических и семантических актантов трехместного предложения (диатеза I) заключается в том, что позиция прямого дополнения занимает именем N₂ локализуемого объекта Ob₁, который выполняет также функцию инструментатива по отношению к antecedентному состоянию S_{ant}. В качестве локативного комплемента выступает имя N₃ объекта Ob₂ (пациент в S_{ant}):

диатеза I N₁ V N₂ pN₃
 ag instr pat

(здесь и далее имена N₂ и N₃ независимо от выполняемых синтаксических функций соответствуют объектам N₂=Ob₁, N₃=Ob₂). В предложениях, реализующих диатезу I, локативный комплемент выражается посредством предложно-именных сочетаний с локативными (*in, on*), транслативными (*across*) или иногда терминально-аллативными (*into*) предлогами. В организации таких предложений участвуют следующие группы глаголов.

а) Некаузативные глаголы со значением физического контактного воздействия (*strike, beat*), а также синтетические каузативы типа *bang, slam, thump* и др.; ср.: 69. *He struck the ferrule of his umbrella on the stone floor of the colonnade* (J.J., 239); 70. *In a sudden burst of temper the Prime Minister slammed his hand on the table beside him* (H.A., 357); 71. *Gustav drummed his fingers on the table* (M.S., 566).

б) Глаголы каузации перелативного состояния со значением контактного воздействия («трение») — wipe, rub, brush, sweep; ср.: 72. Then he got a bottle of eau-de-cologne from his bag, poured some of it on a towel and rubbed it over his face and his hands (Ibid., 504); 73. He wiped one hand across his face: he needed a shave (В.Н.Е., 93).

в) Глаголы каузации локативного отношения, принадлежащие к так называемым однолексемным конверсивам (Варшавская, Долинниа 1978) — spread, load, pack, stuff и др.: 74. «Them Italians'll suffer one day, she prophesied, spreading jam over a flat sheet of paste... (S.A., 94); 75. He fastened the window tight, and stuffed paper in its various crevices (P.J.B., 396).

Содержание семантической функции, представляемой здесь как «инструментатив», неоднородно и объединяет ряд значений, которые иногда выделялись (Апресян 1973; Nilsen 1973; Богданов 1977) в качестве отдельных самостоятельных функций, падежей или валентностей. Наиболее очевидными из таких значений являются: орудие или собственно инструмент, т. е. предмет, управляемый субъектом, непосредственно воздействующий на объект и обладающий независимым от субъекта существованием; рабочая часть или орган субъекта, т. е. неотчуждаемый инструмент (часть тела); и средство или «медиатив» — предмет, использование которого в каузативной ситуации приводит его в связанное состояние относительно пациента (ср., например, в русском языке *смыть краску водой*, где *водой* играет роль инструмента, и *смочить полотенце водой*, где *водой* — средство, составляющее с пациентом целое, имплицитное значением глагола). Первые два из перечисленных значения характеризуют инструментативную функцию актанта Об₁ в предложениях с глаголами типа strike, pat и wipe, причем эти некаузативные глаголы в определенных условиях могут описывать ситуацию, не эксплицируя (неотчуждаемый) инструмент: 76. He patted two men on their shoulders, and went out (S.C.P., 44). Значение медиатива обычно отличает Об₁ в предложениях с однолексемными конверсивами (stuff, load и т. д.).

Как правило, предложения с такой семантической организацией могут быть преобразованы в конструкцию с инструментативной предложной группой with N₂: см. предложения 66—68 и ниже — предложения, иллюстрирующие диатезу IIIa.

Второй тип соответствия синтаксических и семантических актантов (диатеза II) представлен в предложениях, в которых объект Об₁ выражен именем N₂, выполняющим в предложении функцию прямого дополнения, и имя N₃ объекта Об₂ в составе локативного предложного сочетания можно семантически рассматривать как инструментатив:

диатеза II	N ₁	V	N ₂	pN ₃
	ag		pat	instr

Ср., например, предложение 77. He (the bull) crushed them and broke them on his large horns (L.J., 126). В отличие от диатезы I предложения этого типа обычно допускают трансформацию, в которой N_3 оказывается в составе предложной инструментальной группы with N_3 : He crushed them with his horns.

В организации подобных предложений принимают участие глаголы следующих групп.

а) Глаголы каузации нерелятивного состояния типа wipe, rub: 78. The woman... wiped her hands on her apron, and took the card (C.A., 222), со значением «разрушения» или «деформации» объекта: 79. The young salesman... ground the rest of his cigarette under his heel (C.&H., 61); 80. He walked across the terrace, folding the brown Franciscan habit in his hands (B.H.E., 48) и с другими значениями: 81. T. Benenden looked rather pained, and still nursed the two shillings change in his hand (P.J.V., 83).

б) Глаголы каузации локативного отношения — статические (hold, keep): 82. He held my card in his hand (M.S., 1122) или динамические (bury, hide), которые, как правило, не поддаются трансформации в конструкцию с with N_3 : 83. He sat down and buried his face in his hands (C.A., 143).

в) Глаголы каузации направленного движения — терминально-аллативные (take, grab, grip, seize): 84. He... gripped a blackened handkerchief in his hands... (S.A., 116), транслативные (lift): 85. I tried to get up and lift Dave in my arms (MASS, 422); локативные (carry, bear): 86. He carried his hat in his hands (Hux.A.b., 41).

Содержанием инструментальной функции в рассматриваемой диатезе является в основном значение (неотчуждаемого) инструмента. Однако некоторые глаголы со значением деформации объекта (wgar, wreathe, goll), подобно однолексемным конверсивам, сочетаются с локативной предложной группой со значением медиатива: 87. Tom came out of the house wrapping a quart bottle in a towel (F.F.S., 121); 88. Miss Marple went up to her room, hastily rolled up a dress in a piece of brown paper, and... (C.A., 122).

Предложная группа pN_3 , совмещающая значения ориентира и инструмента, содержит в основном предлоги, имеющие статическое значение. Наличие в семантике предлога компонента «директивность» акцентирует динамику перемещения объекта, нейтрализуя инструментальную функцию ориентира (ср.: He took it in his hands — He took it into his hands). В свою очередь, представление объекта Ob_2 только как инструмента, опосредующего каузальную связь (He took it with his hands), приводит к интенсификации глагольного действия и его направленности на объект-пациент Ob_1 , не говоря уже о том, что сочетание with N_3 безразлично к выражению ориентирующей функции объекта Ob_2 . Ограничение, накладываемое на употреб-

ление направительных предлогов в предложениях с предложной группой рN₃, выражающей значения «ориентира» и «инструмента», относится, однако, только к (терминально)-аблативным и транслативным предлогам. На аблативные предлоги это ограничение не распространяется. Значение исходной точки, выражаемое аблативной предложной группой, в предложениях с аблативными глаголами каузации направленного движения может осложняться инструментативным значением: 89. John discharged (fired, shot) a bullet from / with the gun (Wojcik 1976: 177).

Предложения, представляющие третий тип соответствия семантических и синтаксических элементов, не содержат в своем составе локативной предложной группы и эксплицируют инструментативную функцию одного из объектов посредством сочетания with N. Необходимо отметить, что диатеза III является результатом преобразования либо диатезы I, либо диатезы II:

диатеза I				диатеза III а			
N ₁	V	N ₂	pN ₃	→	N ₁	V	N ₃ with N ₂
ag		instr	pat		ag	pat	instr
диатеза II				диатеза III б			
N ₁	V	N ₂	pN ₃	→	N ₁	V	N ₂ with N ₃
ag		pat	instr		ag	pat	instr

Подтипы диатезы III различаются способностью объекта, имя которого занимает в соответствующих предложениях с with N место прямого дополнения, выступать в роли локализуемого объекта Ob₁ (выраженного в принятой нами маркировке именем N₂). Так, в предложениях, реализующих диатезу I, типа He stuffed paper in (to) the crevices, имя paper, занимающее место прямого дополнения, является одновременно как локализуемым объектом, так и инструментом (медиативом). Диатеза IIIа эксплицирует его инструментативную роль в описываемой ситуации — He stuffed the crevices with paper. Предложения, демонстрирующие диатезу II (He crushed them on his horns), содержат прямое дополнение, выраженное именем только локализуемого объекта-пациента, тогда как роль инструмента и одновременно объекта-ориентира приписывается объекту, имя которого входит в состав предложной локативной группы рN₃. Экспликация его — объекта Ob₂ — инструментативной функции представлена в диатезе IIIб — He crushed them with his horns.

Если глаголы простой каузации направленного движения (gun, move) или локативного отношения (put, place) указывают только вид каузируемого движения или положение объекта Ob₁ относительно ориентира Ob₂, то глаголы, образующие диатезы I и II (и соответственно диатезы IIIа и IIIб), как правило, имплицитно определяют определенную качественную характеристику ситуации, возникающей в результате установления пространствен-

ных отношений между объектами. Ср.: 90. He ran his hand over the smoothness of the wall and said... (A.I., 129) и 91. ...to ease his mirth, he rubbed both his hands delightedly over his groins (J.J., 210) или 92. With his free hand the Prime Minister rubbed his long, birdlike nose (H.A., 21).

Отображение в значении глагола трехчленного локативного предложения акцентированной контактной пространственной ситуации (наряду с такими признаками локализуемого объекта Ob_1 , как неодушевленность и «управляемость», позволяющими ему выступать в функции инструмента) дает возможность в качестве прямого дополнения использовать либо имя Ob_1 (диатеза I), либо Ob_2 (диатеза IIIa). В свою очередь, однолексемные конверсивы отражают состояние локализуемого объекта, возникающее при взаимодействии с ориентиром определенной пространственной конфигурации (spread, scatter, pile, heap, pack, jam, stuff, gram), и/или предполагают, что в результате создания пространственной ситуации состояние ориентира Ob_2 каким-то образом изменяется (smear, litter и др.). (Заметим, что при некоторых глаголах — carve, engrave, imprint, dig — локативное предложение передает каузацию фактитивной пространственной ситуации.) Актуализация того или иного оттенка в значении глагола отражается соответственно с помощью локативной или инструментативной конструкции. Так, предложение 93. He heaped the food on Stephen's plate... (J.J., 74) содержит количественную оценку объекта Ob_1 (the food), тогда как предложение 94. The altar was heaped with fragrant masses of white flowers... (Ibid., 166) указывает на состояние Ob_2 (the altar), имя которого выступает в данном случае в роли подлежащего. Характерно, что инструментативная конструкция с глаголами этого типа представлена в текстах преимущественно (80,2%) в пассивном варианте. Способность глагола выявлять определенные свойства созданной пространственной ситуации, основываясь на соотношении характеристик локализуемого объекта и объекта-ориентира, является одним из основных условий существования отношения диатеза I — диатеза IIIa (т. е. преобразования локативной конструкции в инструментативную).

По тем же соображениям образуются диатезы II и IIIb: рассмотрение объекта, обозначенного именем N_3 как ориентира, совмещающего в себе также и функцию инструмента, либо только как инструмента, зависит от характера участия Ob_2 не только в процессе создания пространственной ситуации (take, grab, grip, carry), но в образовании ситуации, возникающей в результате созданной пространственной ситуации (grind, crush, bury, hide).

Необходимо особо подчеркнуть, что некоторые глаголы способны употребляться в предложениях как с диатезой I, так и с диатезой II, т. е. в предложениях, в которых локативный компонент рN может рассматриваться либо как пациент (He wiped

his handkerchief on his hands), либо как инструмент (He wiped his hands on his handkerchief). Иными словами, взаимосвязанными в этих случаях оказываются три типа конструкций: конструкции, реализующие диатезы I и II, и конструкция, построенная по IIIБ типу соответствия синтаксических и семантических актантов (He wiped his hands with his handkerchief). Это, очевидно, связано с тем, что пространственная ситуация, обозначаемая предложениями с такими глаголами, является симметричной и, следовательно, выбор объекта на роль ориентира (и соответственно локализуемого объекта) произволен. Такая симметричная «контактная» пространственная ситуация представлена предложениями с глаголами типа wipe, rub, brush; симметричная «объемная» пространственная ситуация выражается предложениями с глаголами типа wrap, roll: 95. Cotman wrapped the dressing-gown round her (M.S., 396) — (диатеза I); 96. He wrapped two pictures in brown paper (S.A., 51) — (диатеза II); или в пассивной форме: 97. Wrapped in a pink kimono, she came out into the hall... (Нух. А.б, 109). Семантика таких глаголов отражает состояние объекта-ориентира Ob_2 в «объемной» пространственной ситуации, которую можно определить как «полное поглощение» ориентира объемом локализуемого объекта Ob_1 , выполняющего инструментативную функцию. Симметричность описываемой пространственной ситуации обуславливает возможность произвольного распределения ролей объектов в возникающем локативном отношении: IN (she, kimono) — ROUND (kimono, she). Исследование, однако, показывает, что подобного рода конструкции выступают главным образом в пассивной форме с диатезой II (82,8%): 98. Its navigation lights... had been shrouded in a damp clinging mist (C.&H., 127); 99. Mrs. Pearson... had her face framed in a number of mysterious dark curls (P.J.B., 100).

Четвертый тип соответствия структурных и семантических элементов в предложениях с инструментативной функцией одного из объектов можно представить следующим образом:

диатеза IV	N_1	V	pN_3	with	N_2
	ag		pat		instr

Например: 100. The Governer drummed on the table with his fingers (M.S., 1524); 101. ...Bob banged impatiently with one hand on the steering-wheel (MESS, 225).

Диатеза IV является структурным преобразованием диатезы I, поскольку инструментативная функция приписывается локализуемому объекту Ob_1 (his fingers) и выражается с помощью сочетания with N_3 , но имя ориентира-пациента Ob_2 (the table), так же как в конструкции, выражающей диатезу I, не занимает позиции прямого дополнения. Предложения типа 100—101 строятся на основе «контактных» глаголов strike, thump, bang и т. д. Однако в некоторых случаях могут использоваться гла-

голы и других семантических групп: 102. She turns with her tongue against her side teeth (U.J., 168).

Таким образом, любой из объектов между которыми устанавливается пространственная ситуация, может выполнять дополнительную функцию инструмента. При этом пространственная ситуация, допускающая инструментативную функцию ориентира Ob_2 , выражается, как правило, локативными (статическими) предлогами; (терминально-аллативное значение предлогов *into, onto, towards*, по-видимому, не совместимо с инструментативной функцией ориентира. Аблативная пространственная ситуация с таким значением Ob_2 представлена в нашем материале лишь в нескольких примерах; однако аблативная структура N_1 V N_2 From N_3 , подобно предложениям с дилатезой I, допускает изменение синтаксических позиций имен N_2 (Ob_1) и N_3 (Ob_2), причем образующаяся при этом предложная группа pN_2 оформляется предлогом *of*. Ср.: 103. The Negro woman began stripping the covers from the bed... (MASS, 430) и 104. He had stripped his uniform of all insignia (V.K.a, 143).

Инструментативное значение, совмещенное с номинативной функцией локализуемого объекта Ob_1 , допускает более широкий круг пространственных ситуаций. Предложная группа в этом случае может содержать не только статические, но и некоторые директивные предлоги (*across* — в предложениях с глаголами контактного воздействия; терминально-аллативные предлоги — в предложениях с однолексеменными конверсивами; в нескольких примерах зафиксирован предлог *to*). Аблативные предлоги здесь не употребляются.

2.4.3. Область каузации проективной пространственной ситуации

Рассмотрим еще одну область вторичных значений локативной трехместной конструкции, условно названной здесь «каузация проективной пространственной ситуации». «Проективной» будем называть такую пространственную ситуацию, которая представляет реально не существующие локативные отношения между предметами, соответствующими в предложении именам N_2 и N_3 .

Можно выделить, по крайней мере, три типа проективной пространственной ситуации. Предложения с семантикой каузации проективной ситуации первого типа содержат имена N_2 и N_3 , обозначающие предметы, между которыми в действительной ситуации выражаемые предложением локативные отношения не возникают. В предложении, однако, представлено отношение между одним из этих предметов и реально локализуемым объектом, ассоциативно (обычно метанимически) связанным с именем другого предмета. Например, этот предмет обладает извест-

ным, конвенциональным «содержимым», движение которого и отображается пространственной ситуацией в предложении: 105. He... sliced a lemon, squeezing part into each drink (H.A., 212); 106. Mr. Smeeth slowly knocked out his pipe in the coal-scuttle (P.J.B., 69). Имя N_2 (прямое дополнение) можно рассматривать как обозначение исходной точки движения не выраженного непосредственно в предложении локализуемого объекта.

В предложениях 107. And, washing hands and face from a bowl... he could hear them still talking... (S.A., 95) и 108. Don Corleone was filling glasses from the yellow bottle of Strega (P.M., 34) представлена проективная пространственная ситуация, в которой исходная точка перемещения подразумеваемого объекта выражена аблативной предложной группой. Прямое дополнение здесь семантически характеризуется как объект, выступающий в качестве конечной точки движения некоторого объекта-«содержимого» ориентира Ob_2 .

Если в предложениях 105—106 действие субъекта, направленное на объект (имя N_2), приводит к возникновению пространственной ситуации, то в предложениях 107—108 состояние объекта (N_2), имплицитированное значением глагола (wash, fill), является следствием осуществления пространственной ситуации.

Второй тип проективной пространственной ситуации отображает реальное движение объекта Ob_1 , которое, однако, не достигает и не может достичь в силу определенных свойств локализуемого объекта той точки в пространстве, которая указана локативным сочетанием pN_3 . Например, в предложении 109. At the door she lifted her face to him implicitly (L.D.H., 370) ориентир Ob_2 (to him) не может служить конечной точкой движения, обозначенного глаголом lift. Вместе с тем предложная группа в предложении семантически определяется именно как конечная точка движения объекта (her face), поскольку в результате каузируемого движения объект Ob_1 обращается «лицевой» стороной к ориентиру (или от него). Наличие «лицевой» стороны у предмета позволяет осуществлять его пространственную локализацию относительно окружающих предметов, выбирая из множества возможных направлений такую траекторию мысленно «проектируемого» движения, которая обусловлена свойствами самого локализуемого предмета. Было бы неверным рассматривать действительное движение объекта, обозначенное глаголом предложения, способом достижения некоторой пространственной области, поскольку предложение в целом выражает процесс установления новой ориентации объекта в пространстве и не передает его перемещения по направлению к ориентиру или от него. Конечная цель субъекта-каузатора состоит не в том, чтобы переместить объект из одной области пространства в другую, но лишь в том, чтобы направить его

определенным образом, придать ему новое пространственное положение относительно ориентира.

Для выражения каузации пространственной ориентации объекта используются глаголы, принадлежащие к глаголам как каузации локативного отношения (*set, fix, keep*), так и каузации направленного движения (*turn, lower, raise, lift* и др.) в сочетании с директивными и статическими предложными группами. Правда, терминально-аллативных предложных групп в таком употреблении не обнаружено. Это, однако, является единственным ограничением, которому, по-видимому, подчиняются предложения такого типа.

Вместе с тем цель действия субъекта не только может быть шире осуществления самого действия, обозначенного глаголом, но и выходит за рамки каузации пространственной ориентации объекта. Нередко проективная каузируемая пространственная ситуация в предложении сопряжена с импликацией иных — непространственных — смысловых оттенков в отношениях между объектами, точнее между субъектом и, как правило, одушевленным Ob_2 при посредстве Ob_1 : 110. *She looked up this morning, and he raised his cap to her...* (C.A., 269); 111. *She shook her fist in his face* (M.S., 369).

Как видно из приведенных примеров, такими смысловыми оттенками, выражаемыми посредством описания проективной пространственной ситуации этого типа (*to slam a door in his face; to crook a finger at him* и др.), обычно являются приветствие, угроза, предупреждение и т. п. Иначе говоря, подобные предложения описывают акт невербальной коммуникации (Горелов 1980).

Набор глаголов, использующихся в предложениях этого типа, включает не только глаголы каузативной пространственной ситуации, но и глаголы других групп (*slam, shake, wag, crook* и др.). В качестве прямого дополнения употребляются имена как частей тела (что характерно для проективной пространственной ситуации второго типа), так и предметов с закрепленными постоянно или ситуативно функциональными характеристиками, что, собственно, и приводит к возникновению новых, не предусмотренных структурой самой денотативной ситуации, смыслов. Все это (а также «коммуникативность» описываемой ситуации и отсутствие аблативных пространственных отношений в подобных предложениях) может быть основанием для выделения третьего типа проективных пространственных конструкций.

Итак, рассмотрение свойств трехместной локативной конструкции показывает, что она обладает значительным содержательным потенциалом, существенно превышающим объем значения собственно каузации пространственной ситуации. Многочисленные семантические связи между действием и объектами — участниками создаваемой ситуации (часть—целое, мате-

риал—изделие, инструментативность, фактитивность, имплицированное непространственное состояние объектов и др.) — могут быть выражены в языке посредством трехактантных локативных предложений, описывающих «буквальную» денотативную ситуацию, в которой субъект-каузатор создает некую пространственную ситуацию между двумя объектами. Смысл «каузация пространственной ситуации», таким образом, служит формой представления многих и различных смысловых отношений, подлежащих выражению в речи.

Глава 3

КАТЕНАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ

Вариативность моделей катенативных построений лишь недавно привлекла внимание исследователей. Катенативные структуры представляют собой цепочки, состоящие из комбинаций глагольных форм. Эти глаголы получили название «катенативных», так как они обладают способностью комбинироваться с другими глагольными формами (от лат. *catena* 'цепь, цепочка, непрерывный ряд'), образуя ряды глагольных форм. Этим свойством характеризуются только некоторые ползнаменательные глаголы современного английского языка. В основном эти цепочки бывают образованы из неличных форм, и только первое звено может быть выражено личной глагольной формой. Замыкающим элементом цепочки может быть как катенативный, так и некатенативный глагол: *to decide to begin trying to stop smoking* (Gleason 1965; Palmer 1966).

Катенативы как особый подкласс глаголов были выделены только в 60-х годах нашего века, но их трактовка различна у разных авторов. Наибольшее признание получило их описание как глагольных цепочек, между элементами которых устанавливаются объектные отношения, что проверяется с помощью подстановки *that/what*, а те глагольные построения, элементы которых соотносятся друг с другом на базе обстоятельственных отношений, к катенативам не причисляются. Таким образом, пример *decided (that/what) to begin (that/what) trying (that/what) to stop (that/what) smoking* представляет собой бесспорное катенативное построение, так как все звенья связаны между собой с помощью объектных отношений. Иными словами, эта структура организована по субъектно-объектной модели.

Другой вид глагольных цепочек может быть основан на базе обстоятельственных отношений: *to telephone to inquire about the trains*. Между глаголами *to telephone* и *to inquire* установлены обстоятельственные отношения причины (что проверяется вставкой между ними *in order to*), и поэтому в при-

мерах приведенного типа не существуют катенативные отношения. Однако некоторые лингвисты полагают, что и обстоятельственные отношения способны создать катенативные структуры. Те лингвисты, которые с этим не согласны, аргументируют свою точку зрения тем, что любой глагол может образовывать сочетания с глагольными формами на базе обстоятельственных отношений и поэтому нет оснований выделять подобные структуры в особую группу, тогда как построения, состоящие из глагольных форм, соединенных объектными отношениями, возможны только для небольшой группы глаголов, которые и следует выделять в особый подкласс катенативных глаголов.

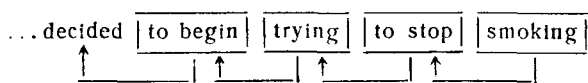
Катенативные структуры могут быть: (1) чисто катенативными, т. е. состоящими только из глагольных форм, и (2) смешанными, в состав которых входят, кроме глагольных, и неглагольные элементы, а именно наречия (*She tried now to sleep*), существительные (*Alice likes to write long letters*), местоимения (*She helped him to sit up*). Кроме этих частей речи, возможны и другие вкрапления, но приведенные классы слов наиболее распространены. Таким образом, вариативность моделей в таких построениях значительна.

Чисто глагольные структуры, если они состоят более чем из двух звеньев, — это, как правило, комбинации различных глагольных форм: «инфинитив + инфинитив + инговая форма», или «инфинитив + инговая форма + инфинитив», или «инговая форма + инфинитив + инфинитив».

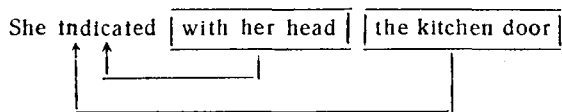
Несмотря на то что теоретически длина катенативной цепочки ничем не ограничена и может быть сколь угодно велика, практически в текстах используются группы, состоящие из двух или трех звеньев.

Как показывает материал, чисто глагольные цепочки гораздо более редкое явление, чем структуры, содержащие неглагольные элементы.

Особенностью чисто катенативных структур является тот факт, что актантные места заняты предикатными знаками, что создает сложность модели. Эти структуры обладают еще одной особенностью — они характеризуются специфическим типом распространения синтаксической связи между составляющими катенативной цепочки. Суть этого заключается в том, что катенативные структуры допускают только последовательное соединение глагольных элементов друг с другом. Эта особенность вербальных групп основана на способности каждой глагольной группы не пропускать распространения синтаксических связей влево от себя, а как бы концентрировать их в себе, т. е. «перехватывать» все связи, исходящие от праворасположенных элементов. В результате этого глагольная форма как бы ставит барьер на пути распространения синтаксических связей и не пропускает их влево от себя. Такое явление можно назвать установлением синтаксического барьера:

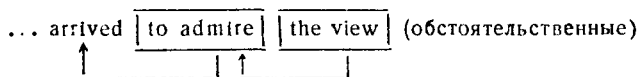
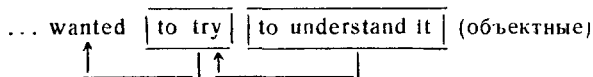
Неглагольные группы в отличие от глагольных свободно пропускают синтаксические связи влево от себя:

В приведенном примере неглагольное сочетание with her head свободно пропускает синтаксические связи от группы the kitchen door к глаголу indicated.

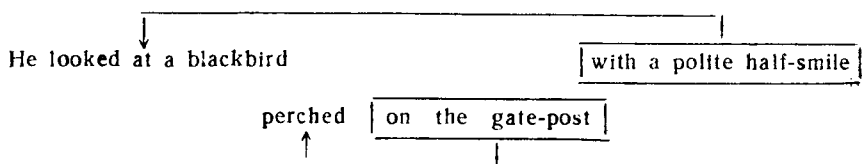
Специфика распределения синтаксических связей в глагольных структурах приводит к некоторым особенностям расстановки глагольных элементов внутри группы. В связи с тем, что глагол не пропускает синтаксические связи влево от себя, глагольные группы обычно занимают маргинальную позицию либо в начале, либо в конце структуры. Эта особенность объясняется тем, что глагольные элементы необходимо лишить возможности перехватывать синтаксические связи, возникающие между другими элементами данного построения.

Способность устанавливать синтаксический барьер присуща как личным, так и неличным формам, причем этой способностью обладают глагольные формы, связанные как объектными отношениями, так и обстоятельственными:

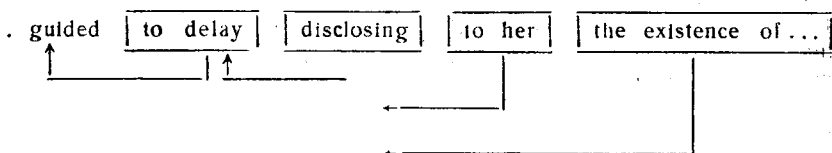
Глагольные построения, выполняющие функцию определения, проявляют одну характерную особенность. В моделях, включающих атрибутивные построения, синтаксический барьер может быть установлен отдельно только в пределах самой атрибутивной группы. Этот факт обусловлен тем, что позиционно атрибутивная группа расположена иерархически ниже других синтаксических позиций этой же структуры и поэтому выпадает из уровня анализа элементов, занимающих позиции на более высоком ярусе: He looked at a blackbird perched on the gate-post with a polite half-smile. Атрибутивная группа perched on the gate-post возглавляется причастием II perched, которое, как и любая другая глагольная форма, устанавливает синтаксический барьер. Однако этот барьер действует только в пределах атрибутивной группы, и предложное сочетание with a ro-

lite half-smile не подчиняется этому причастию, так как не входит в атрибутивную группу:

Эта особенность атрибутивных сочетаний может создать впечатление нарушения синтаксического барьера, как бы его прорыва. Однако суть рассматриваемого явления заключается в линейном представлении иерархически расположенных уровней структуры, внутри каждого из которых наблюдается собственный набор синтаксических отношений, как видно из примеров.

В смешанных глагольных цепочках комбинируются последовательное и параллельное распределение синтаксических связей:

Следует особо остановиться на глагольных свойствах причастия II как звена катенативной группы. Сочетательные способности причастия II напоминают комбинаторные свойства скорее прилагательного, чем глагола. Материал показывает, что причастие II обладает ограниченной сочетаемостью с вербалиями и может комбинироваться либо с инфинитивом, либо с предложной инговой формой. Других комбинаций с вербалиями причастие II не образует. Как известно, причастие II проявляет и другие адъективные черты, что ставит вопрос о степени его глагольности и возможности функционирования как звена катенативной цепочки. На первый взгляд может показаться, что вопрос о катенативности структуры с причастием II требует положительного ответа. Однако более детальный анализ показывает, что решение поставленной задачи совсем не так просто. Материал свидетельствует о том, что причастие II обладает ограниченной сочетаемостью с глагольными формами и может комбинироваться только либо с инфинитивом, либо с предложной формой на -ing. Других глагольных комбинаций у причастия II отмечено не было.

Однако ограничения в выборе последующей неличной формы известны и для беспорных катенативов. Так, лексическая единица go оп преимущественно сочетается с ing-формой. Каза-

лось бы, ограниченность комбинаторики не должна влиять на катенативные свойства причастия II. Вместе с тем следует учитывать, что лимитированность вербальной сочетаемости *go* опирается только этой изолированной единицы, тогда как в случае с причастием II ограничения охватывают всю форму независимо от ее лексического наполнения.

При самостоятельном функционировании причастие II проявляет главным образом свои именные черты и, следовательно, в таких случаях вряд ли есть основания считать, что причастие II способно образовывать катенативные структуры.

Особый интерес представляют построения с так называемым сложным дополнением, которое многие исследователи также причисляют к катенативным цепочкам. Эту точку зрения трудно принять, так как в подобных структурах собственно глагольная цепочка отсутствует, ибо второй элемент сложного дополнения, выраженный неличной формой глагола, не имеет непосредственной связи с предшествующим глаголом и, следовательно, не может создать вербальной цепочки: *He felt the deck lift and dip down again.*

В плане содержания катенативные глаголы также обладают некоторым своеобразием и по значению могут быть разделены на следующие группы.

1. Катенативные глаголы, обозначающие действие, предполагающие обязательное наличие добавочного лица, с которым действие соотносено и которое не имеет специального обозначения, а как бы имплицитно включено в значение самого глагола: *agree, ask, consent, decline, deny, deserve, offer, help, promise, propose, refuse, threaten.* Семантика перечисленных катенативов показывает, что, кроме субъекта действия и самого действия, необходимо еще какое-то лицо, принимающее участие в упоминаемом действии и при отсутствии которого данное действие было бы бессмысленным.

2. Катенативные глаголы, которые не обладают какой-либо соотносительностью с необозначенным лицом и характеризуются иными семантическими особенностями, а именно указанием на начало, конец или продолжение действия: *stop, begin, finish, continue, etc.*

Если подробно остановиться на вариантах модели, образуемых катенативными структурами, то вырисовывается следующая картина: для чисто вербальных цепочек наиболее типичны двухэлементные структуры, в которых комбинируются либо личная форма глагола с неличными формами, либо две неличные формы, причем в последнем случае не зафиксирована комбинация нескольких инфинитивных форм: *Everybody stopped talking; I wasn't going to be killed trying to escape.*¹

¹ Приводимые ниже примеры заимствованы из курсовой работы студентки С.-Петербургского университета Д. Касьяновой.

Как было отмечено выше, причастие II практически непригодно для образования катенативных построений; исключение составляют причастия II от глаголов речи, которые свободно формируют катенативные построения: Told to go, he walked alone. . .

Если принять точку зрения, согласно которой в сочетании «модальный глагол + инфинитив» инфинитив находится в объектных отношениях с предшествующим модальным глаголом, то можно выделить разновидность модели чисто катенативной структуры, состоящей из трех звеньев: Before Dickson could begin to explain. . . ; I could stop running.

В пользу высказанной точки зрения можно привести тот факт, что метод подстановки и в подобных структурах допускает замену второго элемента на слово *what?*: I could (*what?*). То, что модальные глаголы не называют никакого действия, а лишь указывают на возможность или необходимость его осуществления, не должно препятствовать такому толкованию синтаксических отношений внутри структуры. В построениях с глаголами типа *begin, continue, finish* происходит аналогичное явление: эти глаголы также не называют производимого действия, а лишь фиксируют стадию его протекания, и, однако, это не препятствует тому, чтобы отношения между этими глаголами и следующими за ними вербалиями истолковывались большинством лингвистов как объектные.

Варианты модели, включающие неглагольные элементы, гораздо более разнообразны и представлены случаями с вкраплениями неглагольного элемента: (а) в конце глагольной цепочки; (б) в середине и (в) в начале глагольной цепочки. Каждый из приведенных типов структур разделяется на подгруппы в зависимости от морфологического способа выражения неглагольного элемента.

Неглагольный элемент в конце цепочки может быть выражен наречием (*Mr. Tippet continued to smile blandly; I meant to go soon*), существительным или местоимением (*He began to study her face; Her bodyguard attempted to reassure her*). Слова субстантивного класса могут быть осложнены предлогами (*I like working at a big place; You must go to her*).

Интересные структуры возникают в тех случаях, когда появляются квазикатенативные построения, т. е. цепочки из нескольких глагольных форм, в которых неглагольный элемент выражен прилагательным и вводится в структуру с помощью неличной формы связочного глагола: *...when times stopped being good; ...her position with the Lussiewicz brothers began to seem unendurable*. Цепочки *stopped being good* и *began to seem unendurable* на первый взгляд ничем не отличаются от ранее рассмотренных, так как вместо сочетаний *being good* и *to seem unendurable* возможна подстановка слова *what*, однако отношения между *stopped* и *began* и последующим инфинити-

вом не объективные и поэтому истинно катенативной структуры не образуют.

Расположение неглагольного элемента в середине цепочки возможно для кратких наречий (I want now to begin it) и местоимений (She helped him to sit up).

Начальное расположение неглагольных элементов отмечается только для наречий: The wondering frown quickly began to form; He suddenly stopped reading.

Как видно из приведенных данных, выделение катенативов в особую группу основано на комбинаторных свойствах этих единиц. Несмотря на то что этот принцип деления глаголов на группы издавна применялся в трудах по грамматике, даже в настоящее время оказалось возможным применить этот же метод и с его помощью выделить еще одну глагольную группу, которая ранее не была отмечена исследователями.

Итак, катенативные глаголы и образуемые ими группы характеризуются рядом особенностей как структурного, так и семантического характера.

Глава 4

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

4.1. ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ

Класс перформативных глаголов был выделен в лингвистике сравнительно недавно. Понятие перформативного высказывания и соответственно перформативного глагола ввел, как известно, Дж. Остин (Austin 1962). За прошедшие десятилетия теория речевых актов прочно заняла одно из ведущих мест в современном языкознании. Параллельно с ней велось и рассмотрение перформативных глаголов. Термин «перформатив» использовался в литературе для обозначения соответствующих глаголов (Бурлакова 1984; Апресян 1986; Арутюнова 1988), речевых актов (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981) и высказываний (Leesch 1983). Перформативными назывались и предложения, лежащие в основе перформативных высказываний (Падучева 1985). При этом перформативный глагол определялся преимущественно как глагол, извлеченный из перформативного высказывания (или предложения), но в то же время статус перформативного высказывания (предложения) устанавливался в первую очередь по наличию в нем перформативного глагола. Так или иначе, данный класс глаголов был выделен прежде всего на основании функционального и семантического критериев.

Перформативные глаголы (to promise, to request, to inform) в широком смысле являются глаголами речи. Как таковые они

обладают соответствующей валентностью и способны организовывать предложения по известным моделям. Так, глагол *I promise* теоретически относится к трехвалентным («кто обещает», «кому обещает», «что обещает»). Образованное им предложение строится по той же модели, что и предложения с глаголами давания: *SVOO*. Вместе с тем, согласно классификации основных моделей предложения (Quirk et al. 1982: 154—155), структура с тем же глаголом в собственно перформативном употреблении (*I promise*) рассматривается как тип *SV*. Среди перформативных глаголов есть и такие, которые организуют предложение по модели *SVOC* (*I pronounce you man and wife*). а также по другим моделям, что будет показано ниже.

В наиболее общем виде перформативное высказывание определяется как высказывание, эквивалентное действию. Произнося *I apologize*, *I promise*, *I request*, говорящий тем самым уже совершает действие — извинение, обещание, просьбу. В противоположность этому констатирующие, т. е. не перформативные, высказывания служат не для совершения, а для описания действий, для сообщения фактов.

В лингвистике прослеживаются как узкий, так и широкий подход к ограничению перформативных высказываний. Примером первого может служить позиция Э. Бенвениста, который считал, что перформативные высказывания существуют только как акт власти (Бенвенист 1974: 305—307). Рассматривая, как и Дж. Остин, условия успешности речевых произведений, он утверждал, что критерием перформативного высказывания является не выбор перформативного глагола, а правомочность лица, произносящего высказывание. При этом он добавлял, что возможна и иная сфера возникновения перформативных высказываний: они могут исходить от отдельного лица, не обязательно наделенного властью, и ставить перед ним определенные обязательства. Такими личными обязательствами говорящего оказываются: *клянусь, обещаю, отвергаю, отказываюсь* и тому подобные. Однако и для этих явлений Э. Бенвенист вводит ограничение, исключая из разряда перформативных высказывания типа *Желаю вам приятно доехать, Прошу извинения, Советую вам это сделать* на том основании, что они сделались банальными и «попали в разряд простых формул». Он признает перформативный статус за выражением *Приношу свои извинения* только в том случае, если оно является публичным признанием вины, действием, которое улаживает ссору (там же). Иными словами, во главу угла ставится не языковой критерий, а, как принято говорить в социолингвистике, ситуация с маркированным статусом, включающая не только говорящего и адресата, но и ряд участников, не охваченных коммуникацией (слушателей, свидетелей).

Сам Дж. Остин придерживался более широкого подхода к выделению перформативов. Он причислял к ним и повелитель-

ные высказывания, и другие типы высказываний с «имплицитными перформативами». Такая точка зрения получила дальнейшее распространение в виде так называемой перформативной гипотезы. У Г. Г. Почепцова находим упоминание о «перформативности любого высказывания» (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 274). Речь идет о том, что в глубинной структуре многих высказываний вычленяется глагол, эксплицирующий тип речевого акта. Дж. Лайонз причисляет к перформативам все предложения, содержащие какой бы то ни было эксплицитный показатель своей иллокутивной функции, например, союз *if* или повелительное наклонение глагола (Lyons 1979: 725). Представляется, однако, что для исследования семантических и синтаксических аспектов перформативности такая точка зрения не вполне целесообразна, поскольку она не выявляет, а скорее затушевывает специфику собственно перформативных предложений (Palmer 1982: 89, Падучева 1985: 23).

В логико-грамматическом аспекте для отграничения перформативных предложений и соответствующих высказываний используется их отношение к критерию истинности / ложности. Они характеризуются либо как самоверифицируемые, т. е. выступающие как истинные в силу осуществления самого факта высказывания (Падучева 1985: 20), либо как неверифицируемые, т. е. в принципе не допускающие приложения к ним критерия истинности / ложности (Богданов 1990: 60). При этом перформативное высказывание вполне может оказаться неискренним, но это уже другая проблема.

Специфическое отношение к критерию истинности / ложности обнаруживают и высказывания, лишенные референции. Вспомним пример Дж. Остина: *Все дети Джона лысые*. Если у Джона нет детей, то это утверждение, как и его отрицательный парафраз, не истинно и не ложно; Дж. Остин называет его недействительным (Остин 1986: 55).

Неотъемлемым свойством перформативных глаголов и высказываний является их автономинативность (Богданов 1990). Свойство автономинативности, или самоназывания, также не является признаком исключительно перформативов. Автономинативными могут выступать многие метаязыковые единицы и глаголы речи, например, *to pronounce*, *to utter* применительно к устному каналу общения или *to write*, *to spell* применительно к письменному каналу. Однако они, в отличие от перформативных глаголов, называют только локутивный акт, но не иллокутивную силу.

В аспекте референции перформативные высказывания также обнаруживают определенную специфику. Э. Бенвенист назвал их автореферентными, имея в виду, что перформативное высказывание ориентировано само на себя, оно одновременно является и языковым фактом, и фактом действительности, так что

действие становится тождественным высказыванию о действии (Бенвенист 1974: 308).

Тогда возникает вопрос: является ли такая способность «обозначать себя» исключительно свойством предложений и высказываний, построенных на базе перформативного глагола, т. е. глагола, обозначающего иллокутивную силу. По мнению Н. Д. Арутюновой, автореферентными являются и высказывания типа *Я сейчас разговариваю*, выражающие необходимую истину (Арутюнова 1990: 373). Е. В. Падучева считает, что в неопределенном предложении автореферентность, т. е. обозначение самого себя как вопроса или побуждения, присутствует обязательно, независимо от того, включает ли данное предложение перформативный глагол, или же данное «иллокутивное предназначение» выражено наклонением, частицами, вопросительным словом и т. п. (Падучева 1985: 32). Таким образом, можно заключить, что свойство автореферентности обнаруживается не только в сфере высказываний, содержащих перформативный глагол (т. е. являющихся перформативными в узком смысле слова). Однако многие автореферентные высказывания относятся к констатирующим метаязыковым, т. е. к сообщениям о языке, сделанным средствами языка.

По-видимому, автореферентными можно считать, наряду с перформативами, и некоторые номинативные структуры, такие, как *The end* в конце литературного произведения.

4.2. ПОКАЗАТЕЛИ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

В связи с рассмотрением перформативов возникает и другой вопрос: если мы исследуем перформативное предложение как формальную структуру, что же служит формальным показателем перформативности? И шире: как выражается в языке категория перформативности? По всей видимости, она образует левую структуру, в центре которой находится перформативный глагол как наиболее очевидный показатель перформативности. К эксплицитным показателям перформативности следует, по-видимому, отнести и целый ряд существительных со значением иллокутивной цели, например: *Congratulations!*; *Many thanks*; *My request / suggestion / proposal is. . .*; *My apologies* и тому подобные. Вопрос об их роли в формировании перформативных предложений, о контекстных условиях такого употребления безусловно требует отдельного исследования, однако совершенно очевидно, что перформативные глаголы, выражающие иллокутивную цель, коррелируют с существительными, которые служат наименованиями речевых актов. Помимо изолированного употребления, они могут входить во фразы, которые П. Стросон называет комментариями к высказыванию, как, например, *Это только предположение*; автор справедливо полагает, что от таких фраз до эксплицитных перформативных формул — один

короткий шаг (Стросон 1986: 141). Перформативные формулы, в свою очередь, — это более или менее устойчивые словосочетания, которые служат функциональными эквивалентами перформативных глаголов: *I apologize* = *I owe you an apology*.

Потенциальную перформативность неглагольных единиц отмечает и Ю. Д. Апресян: *Шах* = *Объявляю тебе шах, С праздником!* = *Поздравляю тебя с праздником* (Апресян 1986: 210).

Перформативные предложения — это, по определению Е. В. Падучевой, «предложения, повествовательные по структуре, но обладающие тем замечательным свойством, что высказывание, в составе которого они употребляются, не описывает действие, а равносильно самому совершению этого действия» (Падучева 1985: 19). Данное определение, как нетрудно заметить, ориентировано на функциональный аспект рассматриваемого явления. То же можно сказать и по поводу определений перформативных глаголов: их описывают как глаголы, выражающие цель речевого акта. При этом отмечается, что для таких глаголов характерно функциональное обособление формы 1-го лица настоящего времени изъявительного наклонения, а в семантическом плане — наличие признака речевого выражения коммуникативного намерения (Арутюнова 1990: 373).

В целом исследователи более или менее единодушны в этом вопросе: расхождения заключаются главным образом в количестве перечисляемых грамматических показателей, способных обеспечить перформативное употребление того или иного глагола. Означает ли это, что мы должны говорить не о перформативных глаголах, а о перформативном употреблении каких-либо семантических подклассов глагола? Видимо, одно не исключает другого: существует целый ряд глаголов (Ю. Д. Апресян (1986) называет их каноническими перформативами), совмещающих в своей семантике, по крайней мере, значение говорения и значение иллокутивной цели (*to announce, to declare, to congratulate* и т. п.). Они при определенных грамматических условиях выступают как ядро перформативных предложений. Если эти условия не соблюдаются, то потенциально перформативный глагол формирует не перформативное, а констатирующее предложение. Ср.: *I promise to help you* и *He promises to help you*. Сдвиг в парадигме лица лишает предложение перформативности: во-первых, иллокутивная цель обещания была реализована в предшествующем контексте, т. е. настоящее время оказывается чисто формальным. Во-вторых, предложение *He promises to help you* вовсе не означает, что субъект действия произнес фразу *I promise*, — иллокутивная цель могла быть выражена как угодно, в том числе и невербальными средствами.

В то же время для потенциально констатирующих глаголов и выражений социальный контекст может создавать условия перформативной актуализации. Так, собрание официального

характера может начаться только тогда, когда председатель объявил: *Собрание открыто*. Присутствующим известно, что председатель облечен официальными полномочиями, и это избавляет его от необходимости говорить *Объявляю заседание открытым* (см. об этом (Бенвенист 1974: 307)). Такие случаи скорее всего будут отнесены к периферии категории перформативности.

Считая перформативный глагол главным показателем перформативности, исследователи не раз обращались к вопросу о том, в какой форме и в каком типе предложения должен быть употреблен перформативный глагол, чтобы приобрести способность актуализироваться в собственно перформативном высказывании. Перечень этих грамматических показателей приводится лингвистами с различной степенью детализации. Незменно присутствуют по меньшей мере три обязательных категории: 1-е лицо, единственное число, настоящее время (Present Indefinite) (Бурлакова 1984; Богданов 1990). К этому перечню добавляются активный залог и изъявительное наклонение (Апресян 1986). В синтагматическом плане отмечается объектная сочетаемость с местоимением *you* и факультативная сочетаемость с наречием *способа hegehy* (Leech 1983). Было также высказано мнение, что перформативное высказывание не может содержать в себе отрицания или модальных слов (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 275).

Даже поверхностный взгляд на перечисленные параметры перформативного глагола позволяет понять, что включающие его предложения должны отличаться, если можно так выразиться, высокой степенью концентрации дейктических элементов. Иначе и быть не может: ведь основным условием существования перформативного высказывания является его эгоцентричность, безусловная ориентированность на конкретную ситуацию. В ходе дальнейшего изложения мы попытаемся проследить, как достигается сохранение дейктических показателей в различных структурных типах перформативных предложений.

Итак, в литературе перечисляется ряд грамматических особенностей перформативного глагола. Однако, как это ни парадоксально, ни один из этих пунктов не носит абсолютного характера, если речь идет о поверхностной структуре перформативных предложений. Сами авторы почти всегда сопровождают эти рассуждения более или менее многочисленными оговорками.

4.3. ФОРМЫ ПОДЛЕЖАЩЕГО В ПЕРФОРМАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. НОМИНАТИВНЫЕ ПЕРФОРМАТИВЫ

Начнем с того, что позицию подлежащего при перформативном глаголе занимает в основном самоименование автора речи.

Здесь важно уточнить, что при рассмотрении языкового материала следует учитывать, с одной стороны, функциональные и жанрово-стилистические особенности текстов, а с другой — специфику канала сообщения: устного или письменного. Существенную роль играет и противопоставление межличностной и массовой коммуникации. Так, в научном стиле широко распространено употребление авторского *we*, а также акциональных самопоминаций типа *the author, the present writer*. В деловой речи, наряду с коллективно-собрательным *we*, принято отождествлять автора с представляемой им организацией или одним из ее подразделений: *The directors of N invite you to...* При этом не просто происходит переход от первого лица к третьему, но утрачивается один из эксплицитных дейктических параметров предложения. Можно предположить, что в актуальном высказывании его роль берет на себя материальная составляющая коммуникативной ситуации, а именно данный, этот, конкретный документ, в котором воплощено перформативное сообщение.

Клишированные перформативные высказывания (в терминологии Т. П. Третьяковой — речевые стереотипы (Третьякова 1995)) могут иметь форму эллиптических предложений: *Thank you, Beg pardon* (ср.: *We thank you for...*). Как правило, это этикетные формулы, используемые в межличностной коммуникации и тяготеющие к устной речи.

Позицию подлежащего иногда занимает обозначение материального результата речевого произведения (*the present diploma / certificate*), субстантивированное дейктическое прилагательное (*The present serves to introduce to you N*) или дейктическое местоимение *this*, обладающее свойством автореферентности, например: *This is to confirm our telephone call...* (С.Е.,86), *This is to certify that...* Характерно, что в таких случаях сказуемое, включающее перформативный глагол, приобретает специфическую форму «*to be + Inf. (perf.)*», к которой мы вернемся ниже, при обсуждении формы сказуемого в перформативном предложении. Однако уже здесь можно предположить, что в перформативном предложении морфологическое оформление подлежащего каким-то образом коррелирует с формой сказуемого.

В большом количестве работ, посвященных проблемам перформальности, цитируется ставший уже хрестоматийным пример из Дж. Остина: *Passengers are requested to cross the line by the footbridge only*; рус. *Пассажиры предупреждаются о необходимости переходить пути только по мосту* (Остин 1986: 60.) Аналогичным образом используются и другие акциональные существительные — *visitors, clients, customers* и тому подобные: *Visitors are requested to submit their bags for inspection* (объявление при входе в музей). Такая форма более всего характерна для социально-регулятивных текстов: объявлений

(как устных, так и письменных), инструкций и вывесок. В связи с этим необходимо отметить, что в лингвистике было высказано мнение (пока не получившее широкого распространения) о том, что существительные типа *passenger*, *passer-by*, *onlooker*, несмотря на отсутствие в их семантике значения непосредственного указания, относятся к периферии дейктических средств языка, поскольку использование таких номинаций применительно к лицу обусловлено пространственными и временными факторами (Бурлакова 1984; Спорные вопросы английской грамматики 1988: 74—88). Если принять эту точку зрения, она послужит дополнительным аргументом в пользу того, что позиция подлежащего при перформативном глаголе-сказуемом благоприятна для дейктических единиц.

Для актуализации подобных структур в перформативных высказываниях (это могут быть сообщения, запреты, предупреждения, просьбы) необходимо, чтобы потенциальный адресат идентифицировал свою роль в момент восприятия высказывания как совпадающую с номинацией-подлежащим: *I am a passenger*. Только тогда коммуникация окажется успешной при отсутствии прямого, непосредственного обращения к адресату. Иными словами, адресат должен проецировать эту номинацию на собственное «я».

В свете сказанного могут показаться парадоксальными высказывания типа *No dogs allowed*. Но фактически это лишь означает, что дейктический компонент подлежащего вместе с обозначением реального адресата вышел за пределы своей периферии и остался в импликации, не получив представления в поверхностной структуре. Реальный адресат, воспринимающий такое высказывание, проделывает две речемыслительные операции: идентифицирует номинацию-подлежащее как некий признак (в данном случае посессивный: *visitors who have dogs with them*), а затем проецирует эту номинацию на себя. Аналогичную интерпретацию допускают и другие перформативные предложения с неличным подлежащим. Так, *Smoking is not permitted here* интерпретируется через акциональный признак: *visitors / students / employees etc. who smoke*. Более очевидный случай — функционирование в позиции подлежащего имен собственных институциональных: *The Bankers are hereby cautioned against negotiating drafts thereunder...* (С. Е., 348).

Возможна и актуализация подлежащего, выраженного предикативной единицей и введенного в предложение при помощи формального *it*: *It is requested that...* (Ibid., 351). В таких случаях дейктический компонент (если таковой эксплицирован) перемещается в придаточное-подлежащее, выражающее пропозицию.

Было бы правомерно выделить наряду с глагольными и безглагольными (номинативными) эксплицитно-перформативные высказывания, которые образованы одночленным предложением

с ядром-существительным. Правда, они сравнительно малочисленны и ограничиваются устойчивыми выражениями. Некоторые из них допускают синтаксическое развертывание: *Thanks — Many thanks; Congratulations! — My congratulations on your promotion; Season's greetings; A thousand apologies.* Характерно, что существительные, номинирующие иллокутивную силу, выступают в форме мн. числа, т. е. имеют, как и перформативные глаголы, особое морфологическое оформление. К ним примыкают одночленные высказывания типа *Correction; Objection*, предваряющие пропозицию. Они сопоставимы с высказываниями, следующими за пропозицией, на которые указывал П. Стронсон. Это двусоставные предложения с «перформативным» существительным типа *It's just a suggestion; It's a promise*, где местоимение-подлежащее анафорически отсылает к предшествующей пропозиции. Они отстоят еще дальше от ядра данной категории и обладают ослабленным перформативным значением, как и собственно перформативные высказывания, следующие за пропозицией: (p) *I promise.*

4.4. ФОРМЫ СКАЗУЕМОГО В ПЕРФОРМАТИВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

Переходя к рассмотрению грамматических форм сказуемого, мы должны признать два момента, касающиеся сказуемого в перформативном предложении: оно может а) принимать форму пассивного залога и б) в отдельных случаях иметь при себе отрицание. Относительно первого обстоятельства заметим, что при актуализации модели с пассивом (преимущественно в условиях опосредованной массовой коммуникации) подлежащее обнаруживает тенденцию к ослаблению или отсутствию действенности. В отношении второго обстоятельства справедливо замечание Дж. Лайонза о том, что отрицание при перформативном глаголе по сути дела лексикализуется (Lyons 1979: 770), т. е. *Sth is not allowed = Sth is forbidden / prohibited*. Интересно и наблюдение Ю. Д. Апресяна о смещении некоторых глаголов-констативов в сторону перформативности под влиянием отрицания, например: *А я и не перечу* (Апресян 1986: 215).

Канонические перформативные глаголы, т. е. те, которые образуют ядро категории перформативности, актуализуются в форме Present Indefinite. Как известно, эта видо-временная форма способна передавать самый широкий спектр временной отнесенности: от прошедшего (так называемого Present Historic, или Historic Present, позволяющего, к примеру, придать, большую динамичность изложению прошедших событий) до будущего, лексически обусловленного в простом предложении и грамматически обусловленного в придаточных времени, при-

тины, уступки. Вместе с тем было замечено, что сказуемое перформативных предложений характеризуется временной отнесенностью особого рода: действие происходит в момент речи и занимает столько же времени, сколько и само произнесение перформативного высказывания. После этого — и вследствие этого — наступает новая ситуация, на которую накладывается результат высказывания-действия. По мнению Ю. Д. Апресяна, перформативный глагол совмещает в себе и точечное, т. е. моментальное, значение, и процессуальное; такая двойственность накладывает ограничения на сочетаемость: точечное значение не согласуется с процессуальными обстоятельствами, а процессуальное — с точечными (Апресян 1986: 221—222).

Формы прошедшего времени, как и формы перфекта, разрушают перформативность и превращают высказывание в констатирующее. Форма простого будущего времени (Future Indefinite) в отдельных случаях оказывается возможной, но приводит к транспонированию иллокутивной цели высказывания: I'll thank you to leave me alone — это не благодарность, а просьба, высказанная в достаточно резкой форме (Close 1979: 206). Аналогичный пример: I'll appreciate it — для выражения просьбы, но уже вполне вежливой. Ср. рус.: *Буду Вам очень благодарен, если Вы...*, где происходит такое же транспонирование, причем вежливость не ослабевает, а усиливается.

Форма настоящего продолженного времени (Present Continuous) в силу своего грамматического значения наиболее близка к сущности перформативного глагола. Однако упомянутое выше значение точечности, или моментальности, препятствует актуализации глагола в этой форме. Если высказывание содержит потенциально перформативный глагол в форме Present Continuous, это скорее всего свидетельствует о совмещении перформативных и констативных признаков: I'm proposing to you. What do you want, a ring? (S., Odd, 37). Однако в исследованном корпусе примеров встретилось и такое употребление Present Continuous, которое, судя по всему, не препятствует актуализации перформативности: We are, therefore, informing you that... we are placing the matter before our solicitor (C.E., 289). Очевидно, такое явление можно объяснить следующим образом. Подобно тому как другое время из группы продолженных времен, Future Continuous, актуализируясь в вопросительных высказываниях, служит для более вежливого осведомления о планах и намерениях собеседника (например, How long will you be staying here?), так и данное сообщение, содержащее неприятную для адресата информацию, представлено в более вежливом, смягченном виде.

Если рассмотренный выше пример иллюстрирует весьма редкое явление, то актуализация перформативного глагола в форме пассивного залога, как уже было показано, распространена достаточно широко, хотя явно маркирована в функционально-

стилистическом отношении. Г. Г. Почепцов приводит следующие основания для отнесения включающих высказываний к перформативным: 1) они отнесены к плану настоящего, к «моменту речи», что вообще характерно для перформативных высказываний; 2) они трансформационно соотносены с типовыми перформативными высказываниями; 3) подлежащее в таких структурах неагентивно; 4) перформативный глагол представлен в поверхностной структуре (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 276).

Поскольку сказуемое в страдательном залоге позволяет избежать эксплицитного упоминания автора речи, эта форма нередко считается предпочтительной в сфере массовой коммуникации, и в первую очередь в социально-регулятивных текстах, где она, с одной стороны, создает впечатление беспристрастности и объективности, а с другой — позволяет перенести номинацию адресата в начало предложения, так что она оказывается в фокусе внимания тех, кто воспринимает сообщение.

Следующим шагом в направлении «объективизации» будет такое транспонирование перформативной формулы, которое не требует обозначения ни автора речи, ни адресата: *Notice is hereby given that...* (С.Е., 126). Использование наречия *hereby* компенсирует отсутствие дейктичности в компонентах перформативной формулы.

Вопрос о залоге перформативных глаголов связан, в свою очередь, с вопросом наклоения, поскольку форма страдательного залога способна реализовываться в императиве: *Please be informed that...* (Ibid., 125); *Please he advised that...* Эти формы уникальны в своем роде, поскольку в английской грамматике пассивные формы императива с глаголом *to be* встречаются крайне редко. Такое ограничение связано с очевидной несогласованностью между выражением повелительности и неагентивностью глагола (Quirk et al. 1982: 185). Тем не менее в канцелярско-деловом стиле такие структуры достаточно употребительны, хотя и с определенным семантическим ограничением.

Форму повелительного наклоения получают и некоторые перформативные формулы: *Kindly accept our apologies for the delay...* (С.Е., 128). В лингвистике уже отмечалось логико-грамматическое и прагматическое сходство перформативов и императивов. Так, В. Б. Касевич указывал на особое отношение обеих этих категорий к категории отрицания (Касевич 1988: 206).

Наречие *kindly* широко используется в официальной коммуникации. Словарь определяет его значение как эквивалентное *please* и поясняет, что оно, в частности, придает высказыванию официальный характер. Этот прагматический аспект значения, видимо, и обусловил широкую распространенность наречия *kindly* в официальных текстах. Однако по своей дистрибуции

оно существенно отличается от наречия *please*, которое комбинируется исключительно с императивной формой глагола, тогда как *kindly* включается и в неимперативные предложения с глаголом либо в активном, либо в пассивном залоге и актуализируется главным образом в информирующих высказываниях и просьбах: *We kindly advise you. . . , Authors are kindly requested to note that. . .* Высказывания, построенные по такой модели, т. е. включающие страдательный залог перформативного глагола плюс наречие *kindly*, вызывают резкие возражения со стороны поборников нормативности в грамматике (Fowler 1965: 320), однако продолжают использоваться в официальном общении. Можно предположить, что включение компонента, выступающего одновременно и как маркер регистра, и как маркер вежливости, оказалось настолько удобным и компактным, что перевесило определенную смысловую нелогичность.

Еще большим своеобразием отличается функционирование перформативных глаголов в сослагательном наклонении. Речь пойдет, естественно, о той разновидности сослагательного наклонения, которая ориентирована на настоящее, а не на прошедшее время и поэтому не затрагивает основного условия перформативного употребления глагола. Такое употребление обнаруживает только одна из возможных разновидностей сослагательного наклонения, а именно форма со вспомогательным глаголом *would* (или *should/would*) и простым инфинитивом. Категориальное значение такой формы определяется как значение нереальности или маловероятности действия. Однако в тех случаях, когда эту форму приобретает перформативный глагол, картина становится совершенно иной. Действительно, если *I work hard* \neq *I'd work hard*, то *I advise you to see a doctor* = *I'd advise you to see a doctor*. Различие между двумя последними перформативными предложениями заключается не в противопоставлении реального и нереального, а лишь в степени вежливости, тактичности (Leech, Svartvik 1983: 131). Перформативный глагол в сослагательном наклонении коррелирует главным образом с наиболее типичным для перформативного предложения подлежащим — с личным местоимением *I* или *we*. Глаголы, употребляемые в сослагательном наклонении, передают значение сообщения, утверждения, просьбы, совета, предупреждения (ср. *I would ask you. . .*, но **I would announce. . .*). При актуализации таких структур автор речи преимущественно выступает как более информированный, более авторитетный участник коммуникации. «Вежливая» форма с сослагательным наклонением позволяет нейтрализовать категоричность, которая вообще присуща большому числу перформативных высказываний.

Однако возможны случаи, когда употребление сослагательного наклонения рассматриваемого типа структурно обусловлено; т. е. возникает под влиянием чисто грамматических, а не

коммуникативных факторов, например: *I would be much obliged to you if you could send me...*, *I would appreciate it if you would...* По синтаксической структуре это предложения нереального условия, относящиеся к будущему времени, а по иллокутивной цели — выражения просьбы, ориентированной на более или менее отдаленное будущее. Ср.: *I am much obliged to you, I appreciate it*; здесь те же самые перформативные формулы используются для выражения благодарности. Иными словами, при актуализации условного предложения, содержащего фразу со значением благодарности, происходит транспонирование иллокутивной силы высказывания. Отметим, что сходное явление мы наблюдали и при рассмотрении актуализации форм будущего времени перформативных глаголов и формул.

Таким образом, парадигматические свойства перформативных глаголов отличаются от соответствующих свойств всех остальных, констатирующих глаголов.

4.5. ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

До сих пор мы рассматривали функционирование перформативных глаголов в личной форме. В лингвистике высказывалось мнение, что перформативный глагол вообще не может иметь перформативного употребления, не будучи сказуемым в главном предложении. Впоследствии такая точка зрения была опровергнута (Падучева 1985: 22). Действительно, перформативное предложение может строиться и с перформативным глаголом в неличной форме — в инфинитиве, причастии или герундии. Самый очевидный случай — это использование инфинитива без частицы *to* после модальных глаголов. Известно, что модальные глаголы, наряду с сослагательным наклонением, служат для выражения отношения сообщаемого к действительности в плане реальности/нереальности действия: *I must do it ≠ I do it*; *You may go ≠ You go*. Но перформативные глаголы и здесь обнаруживают свою специфику: их автореферентная соотносительность не меняется при сочетании с модальным глаголом, и поэтому, например, *I can recommend the Lobster Newburg = I recommend the Lobster Newburg* (Leech, Svartvik 1983: 132). Естественно, речь идет лишь о неперфектной и непродолженной форме инфинитива. Речевой акт приглашения, выраженный вопросительным предложением с модальным глаголом, свидетельствует о смещении регистра в сторону официальности и вежливости: *May I invite you to dinner next Saturday?* (Ibid.: 131). То же относится и к речевым актам запроса: *Might I inquire who found the body?* (M., Al., 22). Глагол *may/might* в сочетании с вопросительной структурой перформативного предложения можно, по-видимому, считать лексикализированным средством выражения сообщений, предложений (suggestions), приглашений, запросов. Это подтверждается и

частым отсутствием вопросительного знака, особенно в более развернутых структурах: *May I suggest that...* (С.Е., 261), *May we draw your attention to...* (Ibid., 128). Отмечено также употребление инфинитива перформативных глаголов и с другими модальными глаголами, например: *I must congratulate you* (М., Rain, 323).

Вопрос о сочетании модального глагола с перформативным рассматривался в лингвистике в связи с проблемой интенсивности иллокутивной силы (Fraser 1975) и в связи с теорией косвенных речевых актов (Спорные вопросы английской грамматики 1988: 141—153). Было показано, что актуализация такого сочетания в высказывании служит средством смягчения или усиления коммуникативного намерения и в конечном счете усиливает воздействие на адресата. Попутно заметим, что некоторым модальным глаголам (в первую очередь *shall* и *will*) приписывают перформативное значение: *You shall have it tomorrow* — передает значение обещания (Palmer 1982: 88).

Инфинитив перформативных глаголов с частицей *to* нередко оказывается синтаксически подчиненным констативному глаголу с модальным значением волеизъявления или внутреннего состояния. Е. В. Падучева объясняет возможность данного употребления тем, что глубинная структура таких предложений не соответствует их поверхностному синтаксису: в глубинной структуре перформативный глагол занимает более независимое положение: *Рад сообщить ~ Сообщаю с радостью* (Падучева 1985: 22).

Рассматривая подчинение инфинитива перформативных глаголов другим глагольным единицам, мы затрагиваем один из частных вопросов глагольной сочетаемости, а именно проблему автокомбинаторики глагола. Термин «автокомбинаторика» был введен в научный обиход В. В. Бурлаковой для обозначения словосочетаний, образованных словами одной части речи (Бурлакова 1984: 15—18). Предложенный подход был использован, в частности, для исследования комбинаторных возможностей имени собственного (Петрова 1985). Что касается цепочек глагольных форм, для них лингвисты отмечают больше ограничений, чем для существительных: во-первых, не все глаголы обладают способностью комбинироваться друг с другом, а, во-вторых, отношения, возникающие при образовании чисто глагольных структур, могут быть только двух видов — объектные и обстоятельственные. Полнозначительные глаголы, способные образовывать группы, основанные на объектных отношениях, получили название катенативов (Бурлакова 1984: 16).

Нам представляется, что возможна и более широкая трактовка глагольной автокомбинаторики, в рамках которой, например, сочетание вспомогательного или модального глагола с полнозначительным тоже будет рассматриваться как автокомбинаторное, хотя совершенно очевидно, что синтаксические

отношения внутри него будут ближе к аккумулятивным, нежели к объектным. Применительно к инфинитиву перформативных глаголов можно привести два следующих примера: *The present serves to introduce to you N. . .* и *This is to confirm our telephone call of. . .* (С.Е., 86). Структурная, смысловая и функциональная близость данных глагольных сочетаний показывает, что непроходимой границы между полнозначным и неполнозначным глаголом может и не быть. Итак, если принять более широкое толкование глагольной автокомбинаторики, то максимальные катенативные цепочки, включающие перформативный глагол и обеспечивающие предложению возможность перформативной актуализации, будут, очевидно, состоять из трех глагольных единиц: *We are sorry to have to inform you. . .*; *We are compelled, reluctantly though, to ask you to close our account* (Ibid., 369). Однако подавляющее большинство употреблений составят двухкомпонентные цепочки: *We hasten to communicate that. . .* (Ibid., 127); *We beg to introduce to you. . .* (Ibid., 334), где *beg* = *take the liberty of*; *We wish to draw your attention to. . .* (Ibid., 86); *We regret to inform you. . .* и тому подобные. Если же в позицию перед перформативным глаголом в инфинитиве попадает глагол иного семантического класса, перформативность актуализованного высказывания будет ослабленной, а в каких-то случаях, по-видимому, нейтрализованной: *We are writing to advise you that. . .* (Ibid., 366), где *advise* = *inform*.

Герундий перформативных глаголов в перформативных высказываниях грамматически подчиняется, как и инфинитив, выражениям со значением волеизъявления или внутреннего состояния. По-видимому, их набор ограничен, и по частотности употребления герундий уступает инфинитиву. Герундий тяготеет к сфере официальной коммуникации, но скорее всего по той причине, что таково свойство подчиняющих формул: *We have the pleasure of* (или *We take pleasure in*) *informing you that. . .* (Ibid., 137); *We take the liberty of advising you that. . .* (Ibid.); *We take this opportunity of thanking you. . .* (Ibid.).

Приведенные примеры показывают, что использование перформативных формул с неличными формами перформативных глаголов обусловлено не собственно языковыми причинами: оно служит проявлением категории вежливости. Высказывания от 1-го лица, включающие перформативный глагол в личной форме и дополнение *you*, могут звучать весьма категорично, акцентируя более высокий статус или более широкую осведомленность говорящего по сравнению с адресатом. Сослагательное наклонение, модальные и интенциональные глаголы, перформативные формулы позволяют избежать излишней категоричности и успешно осуществить коммуникативное намерение, добившись расположения адресата. Правила вежливости, сформулированные Р. Лакэфф, требуют избегать навязчивости, предоставлять собеседнику возможность выбора, а также прояв-

лять к нему дружелюбие (Lakoff R. 1973: 298). На этих правилах строятся, в частности, конвенции делового общения.

Употребление перформативных глаголов в форме причастия I также обладает определенной спецификой. Наблюдения показывают, что причастие I (Participle I Indefinite Active) с зависимыми словами тяготеет главным образом к начальной и конечной позиции в пределах текста. В обоих случаях причастие реализует адвербиальный, а не адъективный компонент своего грамматического значения.

4.6. КОМБИНАТОРИКА ИЛЛОКУТИВНЫХ СИЛ В ПЕРФОРМАТИВНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Начальная и конечная позиции в официальном письменном тексте создают условия для актуализации более чем одной иллокутивной силы в пределах одной синтаксической структуры, например: *Acknowledging receipt of your letter dated 15 th Oct., we wish to inform you...* (C.E., 231); *Acknowledging with thanks the receipt of your letter of..., we advise you...*; *Thanking you for your order... and referring to our offer of October 15, we are pleased to inform you...* (Ibid., 207—208); *While thanking you for both wery much indeed, we take the liberty of advising you that...* (Ibid., 134). Эти условия формируются не под влиянием собственно языковых факторов, а в силу социальных конвенций, выработанных для данного функционального стиля. Проблема возможных комбинаций иллокутивных сил непосредственно связана со способами их выражения — как лексическими, так и грамматическими; решение ее будет зависеть от общего подхода к категории перформативности, а не только от свойств канонических перформативных глаголов.

Нельзя не отметить и обратную ситуацию — выражение одной иллокутивной силы при помощи двух перформативных глаголов, выступающих в качестве однородных членов предложения. В письменной официальной коммуникации такие сочинительные группы представляют собой устойчивые словосочетания; их употребление обусловлено конвенциями функционального стиля: *We hereby cancel and renounce all claims whatsoever...* (Ibid., 289); *I give and bequeath my watch to my brother* (Palmer 1982: 88). В устной коммуникации цепочки из двух перформативных глаголов, выражающих одну и ту же иллокутивную силу, служат для усиления коммуникативного намерения: *I wish to avow, to declare before the world that...* (P., Trel., 36).

Перформативные глаголы могут актуализироваться не только в монопредикативном, но и полипредикативном предложении, как сложносочиненном, так и сложноподчиненном (Падучева 1985: 22). В рамках теории высказывания было убедительно показано, что простым коммуникативным структурам (т. е. вы-

сказываниям) можно противопоставить сложные (Спорные вопросы английской грамматики 1988: 139—140). Предварительные наблюдения показывают, что для таких структур, где в обеих частях эксплицитно представлен перформативный глагол, более всего характерны отношения конъюнкции и противопоставления: *While we have hereby to draw your attention to... , we request you to...* (С.Е., 193). В сложноподчиненных предложениях, лежащих в основе перформативных высказываний, предикативная единица, содержащая перформативный глагол, может занимать начальную позицию, выступая в качестве главного предложения, но в устной речи может перемещаться в конец предложения, приобретая характер вводной предикативной единицы: *Resume your seats, I beg* (Р., Trel., 25). При этом иллокутивная сила высказывания, несмотря на эксплицитное выражение, оказывается ослабленной (Гак 1986: 192). Проблема градуирования иллокутивной силы рассматривается В. В. Богдановым (1983).

Перформативные предложения с эмфатическим придаточным, построенные по модели *it is ... that*, получают, как правило, стереотипное лексическое наполнение первой части: *It is with the deepest regret*, а во второй, собственно перформативной части, включают сообщение, содержание которого неприятно для адресата, или извинение: *It is with the deepest regret that we present our apologies for...* (С.Е., 298).

4.7. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГЛОВ

Обратимся теперь к синтагматическим свойствам перформативных глаголов, обуславливающим их функционирование в качестве ядра глагольных сочетаний. Поскольку данный подкласс глаголов был выделен на основе коммуникативно-семантического критерия, можно априорно предположить, что здесь объединены глаголы с различными синтагматическими возможностями. Кроме того, поскольку видо-временная парадигма в обычном понимании этого термина у перформативных глаголов практически отсутствует, можно также предположить, что возможности их семантико-синтаксической сочетаемости (прежде всего адвербиальной) будут весьма ограничены. В литературе были рассмотрены семантико-синтаксические ограничения на сочетаемость перформативных глаголов: отмечалось отсутствие сочетаемости с обстоятельствами длительности, градуальности, одновременности, точности, а также с инклюзивными обстоятельствами времени; указывалось, что включение дейктических наречий места и времени придает предложению возможность не только перформативного, но и дескриптивного прочтения. Сочетаемость с обстоятельствами образа действия избирательна: перформативные глаголы не сочетаются с наречиями типа

весело, тщательно, но могут сочетаться с конвенционализированными (официальными, ритуальными, этикетными) наречиями и предложными группами. Отсутствует сочетаемость с оценочными обстоятельствами (Апресян 1986: 212—215).

Объектная сочетаемость зависит от индивидуальных возможностей собственно перформативных глаголов и других глаголов в перформативном употреблении. Представлены практически все модели объектной сочетаемости, а также безобъектные модели (I give up) и модели с факультативным дополнением (Then I accept!) (M., Al., 28). Широко распространены модели с двумя дополнениями, одно из которых выражено дейктическим местоимением you, а второе — придаточным изъяснительным или инфинитивной группой, выражающей пропозицию: We beg to inform you that (p)... (С.Е., 124); We ask you to kindly introduce the following amendments... (Ibid., 136). В непосредственной межличностной коммуникации указание на адресата, выраженное местоимением you, нередко подкрепляется обращением: I swear to you, Sheppard, it never entered my head what she meant to do (M., Al., 15). Актуализация множественности осуществляется включением кванторных слов: I appeal to you all... (Ibid., 53).

Таким образом, к перформативным предложениям мы относим такие предложения, которые составляют структурную основу перформативных высказываний и содержат эксплицитный показатель перформативности — перформативный глагол, перформативное существительное или перформативную формулу.

4.8. ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Перформативное предложение как единица языка лишено предложенческой парадигмы в традиционном понимании этого слова. Произвольный сдвиг морфологических категорий главных членов нарушает статус предложения как перформативного: оно утрачивает автореферентность и способность «быть дейстviем». Глагол-сказуемое в перформативном предложении перестает быть шифтерной категорией. Для того чтобы предложение не утратило способность соотноситься с конкретной речевой ситуацией, оно должно сохранять определенный дейктический потенциал. Дейксис места и времени обеспечивается главным образом актуализацией такого предложения в речи за счет автореферентности каждого перформативного высказывания. Носителями личного дейксиса становятся именные члены перформативного предложения — подлежащее и дополнение. Степень их дейктичности может быть различной — от эксплицитно выраженной в случае личного местоимения до имплицитной тогда, когда именные члены предложения при актуализации в речи будут идентифицированы адресатом как са-

мономинация автора речи или совпадут с самономинацией адресата (прямой или опосредованной через посессивный, акциональный или иной признак). Если в качестве подлежащего выступает эксплицитное обозначение потенциального адресата, то сказуемое скорее всего будет иметь форму страдательного залога.

Мы отметили еще одну особенность корреляции между подлежащим и сказуемым перформативного предложения. Если подлежащее выражено дейктическим указательным местоимением (*this*) или прилагательным (*the present*) или их сочетанием с существительным, обозначающим материальное выражение перформатива, т. е. официальный письменный документ, то сказуемое не выражается личной формой перформативного глагола в действительном залоге, тогда как в констативных, т. е. неперформативных, предложениях может наблюдаться персонафикация неодушевленного подлежащего: *The notice says...*, *The document proclaims...*, *This certifies that...* По-видимому, здесь мы имеем дело с проявлением более общего свойства перформативных предложений: неагентивное подлежащее не сочетается с личной формой перформативного глагола в действительном залоге. Когда локутивный компонент значения перформативного глагола не получает согласования с имплицитной семой способности к локуции в подлежащем, то категория перформативности нейтрализуется.

Если в перформативном предложении наблюдается парадигматический сдвиг по признаку наклонения глагола-сказуемого, он не может быть описан с позиций реальности / нереальности действия. Появление сослагательного наклонения обусловлено не языковыми причинами или явлениями объективной внеязыковой реальности, а только субъективным коммуникативным намерением говорящего с учетом социальных конвенций. Однако, как было отмечено, не все семантические подклассы перформативных глаголов оказываются «нечувствительными» к сдвигу наклонения.

Точно так же уникальность перформативных глаголов отражается и в сочетаниях их неличной формы с интенциональными и модальными глаголами и выражениями. Это свидетельствует о том, что категория перформативности может быть более или менее устойчивой в зависимости от того, какая иллокутивная сила называется данным глаголом и каковы возможности ее транспонирования.

Перформативные глаголы могут комбинироваться друг с другом в сочинительных группах. Ограниченное число таких групп составляют устойчивые конвенциональные сочетания, в которых перформативные глаголы обозначают одну и ту же иллокутивную силу и подчиняют одни и те же дополнения.

Адвербиальная сочетаемость перформативных глаголов ограничена именно в силу их категориальной принадлежности; од-

нако существует дейктическое наречие *hereby*, самой своей природой предназначенное для функционирования в перформативном предложении. Зато возможности объективной сочетаемости реализуются в полном объеме.

Иными словами, для перформативных глаголов характерна способность образовывать модели предложения, включающие объект: SVO, SVOC, SVOO. Минимальная структура с перформативным глаголом может быть представлена как SV, где перформативный глагол либо является непереходным (*I give up*), либо реализует только одну из нескольких возможных валентностей (ср.: *I promise — I promise you a rise*).

Все функционально-семантические характеристики, присущие перформативному высказыванию (кроме наличия собственно перформативного глагола), обнаруживаются и у некоторых номинативных высказываний. Их структурную основу составляет ядро-существительное N, называющее иллокутивную силу.

Поскольку перформативные глаголы были выделены в лингвистике на основании функционального критерия, в этой категории объединились глаголы с различными структурно-семантическими свойствами. По этой причине трудно говорить о конкретных грамматических особенностях, присущих перформативным глаголам в целом. При том, что многие утверждения, сделанные лингвистами по поводу этих особенностей, не носят абсолютного характера и нуждаются в оговорках, они ценны уже тем, что дают импульс к дальнейшим исследованиям и приближают нас к более точному пониманию природы перформативности как языковой категории.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ВАРИАНТЫ МОДЕЛЕЙ

Глава I

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С «THERE+BE»

1.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Бытийные предложения представлены в разных индоевропейских языках и сходны по логико-семантической структуре — они всегда передают значение бытия (идею наличия, существования некоторого бытующего объекта) и в этом смысле универсальны. В данной главе мы рассмотрим модели бытийного предложения с «there + be» с точки зрения ее структурно-семантической вариативности. Обычно эту модель не относят к базовым моделям английского языка в силу специфики критериев выделения ядерных предложений, но она, бесспорно, занимает значительное место в английском языке, включается во все описания грамматического строя и, естественно, привлекает к себе внимание лингвистов.

Бытийные предложения рассматриваются и описываются лингвистами с разных точек зрения. Можно указать такие аспекты изучения бытийных предложений с *there*, как формально-структурный аспект организации конструкций в целом и отдельно структурно-семантической характеристики компонентов конструкций, их синтаксических функций (*there*, *be*, имени бытующего объекта, локативного и других возможных компонентов); семантической и тема-рематической характеристики всей конструкции и отдельных ее составляющих; соотношения с другими семантическими типами предложений, в частности, локативным и посессивным; коммуникативной функции конструкции в дискурсе.

К числу ключевых вопросов, затрагиваемых исследователями, относится вопрос о соотношении двух значений бытийной конструкции — значений наличия и существования предмета в мире, и вопрос о том, можно ли считать бытийное предложение самостоятельным структурным типом предложения. На эти вопросы можно дать утвердительный ответ в том смысле, что оба значения (наличия и существования) присущи предложению с *there* как особому структурному типу.

На русском материале достаточно детальное описание и классификация, а также общие принципы логического анализа бытийного предложения даны Н. Д. Арутюновой (1976). В грамматиках английского языка предложения с конструкцией «there + be» традиционно определяются как экзистенциональные / бытийные вслед за О. Есперсеном, который отметил, что в предложениях, построенных по модели «there is Y», а также в соответствующих им предложениях других языков, утверждается или отрицается существование чего-либо (Есперсен 1958: 155). Однако следует отметить существование различных интерпретаций значения бытия. Лингвисты выделяют подвиды общего значения бытия и говорят обычно о значениях наличия, существования и пребывания объекта в области бытования. О. Н. Селиверстова, рассматривая категорию бытия и бытийные предложения на материале английского языка, определяет два признака существования: информацию о свойстве «быть в действительности», «быть действительным» и информацию о нахождении объекта в пространстве, причем пространство понимается гораздо шире, чем просто физическое (геометрическое) пространство (Селиверстова 1977). На абстрактном уровне пространство подразделяется на мир вымысла и мир действительности, включающий и мир человека, которые распадаются на меньшие пространства разнообразных классов и множеств, с дальнейшим их дроблением на индивидуальные пространства. Бесспорно, значения наличия и существования взаимосвязаны, выражаются и часто воспринимаются как один категориальный смысл. Различия между ними, по мнению О. Селиверстовой, обусловлены различиями между лексикограмматическими подклассами слов, занимающих синтаксические позиции в модели (там же: 259 и далее). Цель бытийного предложения состоит в передаче информации о наличии или существовании объекта с указанием пространственных и временных границ факта бытия.

Считается, что семантическая структура бытийного предложения может состоять из двух компонентов — показателя бытия и бытующего объекта, или трех компонентов — показателя бытия, объекта и конечного элемента (*final phrase*), т. е. пространства (области бытия), причем, как указывалось выше, под пространством понимается широкий спектр миров, классов и множеств. Локативный элемент может обозначать и вселенную, и микромир человека, иметь материальный и «идеальный» характер. «Бытующий объект», в свою очередь, также может быть любым и обозначать как предмет, вещь, так и событие или признак. Такая семантическая структура воплощается в соответствующей синтаксической структуре, которая включает компоненты, имеющие обязательные позиции: *There PS*, где *there* — вводное, отличное от местоименного наречия *there* и выделяющее данный тип предложения среди других типов, *P* —

сказуемое, S — подлежащее. Формально можно говорить о варианте этой основной модели со структурно необязательным конечным элементом (final phrase): There PS [L] (где L — любое пространство — см. подробнос 1.2). Хотя такая интерпретация синтаксической структуры принимается не всеми лингвистами, специфика данной структуры позволяет говорить о том, что бытийное предложение представляет собой особую функционально-позиционную модель предложения или самостоятельный структурный тип предложения, а не коммуникативный вариант предложений с иными структурными значениями. Сведение значения бытийного предложения с «there + be» к значению более простой структуры как коммуникативного варианта локативных или связочных конструкций основано на мнении о полной семантической опустошенности глагола в составе бытийного предложения. Конечно, конструкция «there + be» структурно может быть названа связочной, однако в толковых словарях отдельно выделяется экзистенциальное значение «существовать» глагола to be, отличное от локативного «находиться», идентифицирующего и «атрибутивного» «быть кем/чем/каким», которое описывается в общем как «иметь место в объективном мире, в мире факта».

Некоторые лингвисты стараются четко разграничить экзистенциальную (бытийную) функцию глагола to be и его различные предикативные, или связочные, функции (быть кем/каким), поскольку существование (existence) не может приписываться (be predicated) объектам в том же смысле, в каком им приписываются разнообразные атрибуты или свойства (о функциях глагола *быть* см. (Бенвенист 1974)). Между бытийными, локативными, а также связочными конструкциями существует принципиальная разница: в локативных/связочных конструкциях исходным пунктом сообщения является имя предмета, а сообщаемое состоит в указании на местонахождение объекта (локативные конструкции = *быть, находиться где-то*), на его свойство, или в передаче информации о включении объекта в класс, либо о тождестве данного объекта некоторому другому объекту (связочные конструкции). Такие виды сообщений предполагают то, что объект уже известен адресату. Бытийное предложение, напротив, служит для того, чтобы сообщить о наличии некоторого, чаще всего нового, объекта в определенном месте или в мире в целом.

Описание синтаксической структуры бытийного предложения проводится либо в терминах подлежащно-сказуемого анализа, либо в терминах частей речи с опорой на семантические составляющие. Наиболее последовательным кажется такое представление синтаксической структуры бытийного предложения, в котором имя бытующего предмета рассматривается как подлежащее, а there как структурный элемент, как универсальное грамматическое средство создания ситуации данно-

го. В то же самое время *there* исследуется как дейктическое наречие, имеющее двойственную сущность, объединяющую в плане семантики и функционирования признаки знаменательного и служебного слова. Дж. Лайонз считает его «вставным» («фиктивным») наречием, которое играет роль синтаксического средства «предвосхищения» реализации локативного сочетания в поверхностной структуре. Примечательно, что в локативных предложениях с определенным субъектом «вставное» *there* обычно отсутствует, зато присутствует в экзистенциальных предложениях (Лайонз 1978: 411).

Существует также точка зрения, согласно которой в контексте бытийного предложения происходит десемантизация *there* и его переход в формализованную частицу, которая выполняет формально-строювую функцию завершения экзистенциальной конструкции. Однако следует помнить, что под десемантизацией имеется в виду не полная утрата всякого содержания, а лишь отсутствие значения указательного местоимения *there*. Можно допустить, что поскольку *there* лексически десемантизировано, то предикативные отношения, обозначенные им и финитной формой глагола (добавим, как и в структуре с вводным *it*), оказываются сугубо грамматическим, или формальным, средством организации синтаксической структуры и ее маркером. И в таком случае можно говорить об аналитической форме предложения. Бытийное предложение, вероятно, играло в становлении синтаксического строя современного английского языка не менее важную роль, чем в русском. Н. Д. Арутюнова, в частности, отмечает, что «бытийная модель, по-видимому, оказалась очень существенной для формирования синтаксического строя русского языка» (Арутюнова 1976: 282).

Поскольку предикативные отношения — явление чисто языковое, или речемыслительное (ведь в природе нет наблюдаемых предикативных отношений), то такое сугубо формальное положение модели «*there + be*» в языке является вполне естественным, а для английского языка типологически значимым. Можно допустить также, что такие формальные конструкции с *there* и *it* служат для говорящего в качестве «стартовой» локуционной опоры, позволяющей ему сконцентрировать свое внимание и локуционную энергию на свершении содержательного локуционного акта. Знаменательно, что историческое становление структур с формальными элементами шло одновременно и параллельно с окончательным укреплением аналитизма в строе английского языка (см., например (Иванова, Чахоян 1976)). Исходя из всего вышеизложенного, вполне правомерно считать конструкцию «*there + be*» аналитической формой предложения, которая идентифицируется как цельная структура и в которой идея бытия передается всем комплексом обязательных элементов.

1.2. ВАРИАНТЫ БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как уже отмечалось выше, основной идеей, передаваемой бытийным предложением, является идея существования. Но поскольку она еще и пресуппозитивна, т. е. вытекает из факта называния или отождествления объектов (Лайонз 1978: 412), то, исходя из широкого понимания референции как отнесения имени к обозначаемому, можно говорить об определенных референциальных областях, областях существования, строящихся по трем основным осям: 1) дейктическая референциальная ось: я — здесь — сейчас; 2) он — там — тогда; 3) кто-то/что-то — где-то — когда-то. Задаваемые данными осями референциальные области часто пересекаются, образуя промежуточные области и подоси. В соответствии с этими осями референции бытийные предложения с «there + be» можно разделить на два основных типа: дейктические и собственно экзистенциальные с промежуточными вариантами.

Дейктические бытийные предложения подробно рассматриваются в работах Дж. Лакоффа (Lakoff 1987) и В. В. Бурлаковой (Актуализация предложения. Т. 1. 1996). Отметим лишь, что Дж. Лакофф, в частности, считает дейктические бытийные конструкции центром грамматической/структурной категории (constructional category) и в качестве наиболее показательных примеров приводит следующие предложения: *There's Sally in front of the house. There's Harry carrying a huge herring.* Дейктические предложения, как правило, соотносятся с осью «я — здесь — сейчас», содержат указание на наличие объекта в поле перцепции говорящего и употребляются в условиях конкретного речевого акта, различаясь по ряду критериев, например, возможностью употребления других глаголов и глагола *to be* в разных видо-временных формах. Число семантических вариантов как дейктического, так и экзистенциального предложения велико, и часто трудно провести резкую грань между ними.

Экзистенциальные бытийные предложения с «there + be» соотносимы с предложениями всех основных моделей. Авторы грамматики Р. Кверк и др. (Quirk et al. 1982: 364—365) предложили семь типов соответствий, которые охватывают в целом всю подсистему бытийного предложения:

subject + (auxiliaries) + be + predication → there + (auxiliaries) + be + subject + predication.

(1) SVC: Something must be wrong. → There must be something wrong.

(2) SV \bar{A} : Was anyone around? → Was there anyone around?

(3) SV: No one was waiting. → There was no one waiting.

(4) SVO: Plenty of people are getting promotion. → There are plenty of people getting promotion.

(5) SVOC: Two bulldozers have been knocking the place flat. → There have been two bulldozers knocking the place flat.

(6) SVOA: A girl is putting the kettle on. → There's a girl putting the kettle on.

(7) SVOO: Something is causing her distress. → There's something causing her distress.

Мы видим, «бытийная модель» с десемантизированным *there* отличается огромными возможностями в своем наполнении, это придает ей способность передавать сообщения о действиях, процессах, свойствах и т. д. Цельность номинации, называющей некоторое положение дел, отличает предложения с *there* от соотносящихся с ними предложений, построенных по модели с полнозначными глаголами. В предложениях с полнозначными глаголами-сказуемыми предикативные отношения «разрывают» предмет и его признак, разделяя содержание предложения на то, что говорится, и на то, о чем говорится. В бытийных предложениях предикативные отношения как бы вынесены за пределы пропозиционального (сужденческого) содержания, благодаря чему и обеспечивается цельность сложной номинации (см. выше об аналитическом характере конструкции с *there*). Приведенные семь типов (вариантов), подтверждают мнение О. Н. Селиверстовой о том, что конструкция «*there + be*» может быть отнесена к поливариативной, поскольку различающиеся компоненты в значении глагола связаны с разными контекстными вариантами признака «нахождения в пространстве», что и приводит к обособлению вариантов и делает семантическую структуру глагола *be* расщепленной (Селиверстова 1977: 66). Дж. Лайонз выделяет четыре функции глагола *to be* — экзистенциальную, идентифицирующую (или эквативную), атрибутивную и локативную (Лайонз 1978: 413), которые дают возможность говорить о разных вариантах модели, а также сопоставить экзистенциальные, локативные и посессивные предложения, о чем речь пойдет ниже.

В литературе предлагается несколько подходов к распределению бытийных предложений по подтипам: семантически, на основе значения, привносимого в модель лексикой; на основе подчинения лексических значений обобщенной семантике компонентов (Арутюнова 1976; Селиверстова 1977). Допускается, что компоненты могут варьироваться в очень широком диапазоне, о чем уже упоминалось выше. Используя теорию У. Лабова, бытийное предложение можно определить как переменную — набор сосуществующих форм для выражения одной и той же идеи — «одного и того же положения дел», по выражению самого У. Лабова (Labov 1969: 720). Переменная имеет инвариант, в качестве которого выступает референциальное, или денотативное, значение. Варианты, в совокупности и составляющие переменную, являются сосуществующими способами выражения одного и того же референциального значения. Варьирует форма, а значение инвариантно. Однако такой подход безоговорочно применим лишь к единицам одностороннего — фо-

нологического уровня (Спорные вопросы английской грамматики 1988: 178). При рассмотрении и описании структурно-семантического варьирования основных моделей инвариантом будет структурная схема — ядерное предложение. Вариантами будут реализации схемы, варианты ее структурного значения, выявляющиеся через ряд грамматических категориальных или субкатегориальных значений, составляющих синтаксическую форму (схему). Для конструкции «there + be» грамматико-семантическим значением будет наличие/существование бытующего предмета. Следует заметить, что варьирование модели бытийного предложения идет не только по шкале, обусловленной семантической комплексностью глагола и лексическим аспектом модели, но и по структурной шкале, определяемой грамматическим типом имени бытующего предмета и следующего за ним локативного (или иного) признака. Следовательно, если представить модель в виде формулы: There + be + N (имя бытующего предмета) + вариативный компонент (локатив или другой заменяющий его элемент), то можно говорить о следующих основных, как нам кажется, структурно-семантических вариантах модели бытийного предложения: 1) чисто экзистенциальный (бытийно-бытийный) вариант существования; 2) экзистенциально-локативный; 3) экзистенциально-квалификативный.

1.2.1. Чисто экзистенциальный вариант модели бытийного предложения

В английском языке экзистенциальный глагол to be редко встречается без локативного или темпорального дополнения. Сравнивая два предложения There are lions in Africa и There is a book on the table, Дж. Лайонз назвал первое экзистенциальным, а второе локативным на том основании, что первое может быть перефразировано с помощью глагола exist: Lions exist in Africa 'В Африке существуют львы'. Между обоими предложениями имеется очевидное структурное сходство, и с точки зрения семантического анализа, экзистенциальное предложение можно было бы охарактеризовать как имплицитно-локативное (темпоральное). Во многих языках, как и в английском, между локативным и экзистенциальными предложениями существует сходство. Предложения типа: Coffee will be here in a moment 'Кофе будет здесь через минуту' и There will be coffee here in a moment 'Через минуту здесь будет кофе' мало отличаются или вообще не отличаются друг от друга и на уровне семантической структуры (Лайонз 1978: 411). Мы полагаем, что бытие/наличие есть не просто идея, но грамматическое значение, формирующее грамматическую (синтаксическую) структуру — бытийное предложение — как особую сентенциальную (предложенческую) форму. В отличие от других синтаксических значе-

зий, таких, как причина, следствие, предшествование и др., которые формируют структуру сложноподчиненного предложения и включаются при этом в подчинительную связь, значение бытия/наличия включается в предикативное отношение. (Эти факторы и позволяют расценивать бытийную конструкцию как особую структурную модель.) Грамматическое значение бытия/наличия сохраняется во всех вариантах бытийного предложения. Экзистенциальные предложения имеют неопределенный субъект, и из этого факта следует возможность их трактовки как неопределенных локативных предложений в широком смысле (включая идею темпоральности). Кроме того, сходство между экзистенциальными и локативными конструкциями подтверждается употреблением исконно локативного дейктического наречия *there*. Однако Кверк и др. приводят вариант «чисто экзистенциального» предложения, констатирующего существование чего-либо, со структурой «*there + be +* неопределенная именная фраза»: *Undoubtedly, there is justice* (Quirk et al. 1982: 365). Представляется, что отсутствие локативного или темпорального элемента в таких случаях связано с типом бытующего предмета. Это — абстрактное понятие, выраженное именем, относящимся к грамматической категории абстрактных существительных с пропозициональным значением. Констатируется существование такого понятия, которое человек вряд ли может поместить в какое-либо физическое «пространство», но, исходя из широкого понимания пространства (см. 1.1), можно и в данном случае говорить о некотором социальном, общественном пространстве пребывания человека. В высказываниях с другим типом бытующего имени и с отсутствующим локализатором информация о локализации восполняется благодаря опоре на ситуацию акта речи. Вероятно, чисто экзистенциальный вариант является не очень распространенным, хотя бы уже и потому, что идея чистого существования без пространства, по словам Ш. Балли, «противна человеческому сознанию» (Балли 1955: 90). Вероятно, к экзистенциальному типу можно отнести вариант без локативного элемента, содержащий идею существования некоторого подкласса предметов или одного предмета: 1. *There were some things that he could do* (Ср. Н.С., 351); 2. *Is there a third condition favourable?* (G., Е.С., 6). Отметим, что предложения с глаголом *exist* в структурном плане не являются ни локативными, ни бытийными. В них «бытие» выражается лексически (ср.: *Он покраснел* не есть «красное» или «цветное» предложение). Предложение построено по ядерной модели NV типа *The man laughed*. Пример Дж. Лайонза: *There are lions in Africa* в строгом смысле нельзя считать чисто экзистенциальным, поскольку за именем бытующего предмета следует локализатор. Такое предложение мы относим ко второму варианту модели — бытийно-локативному.

1.2.2. Экзистенциально-локативный вариант бытийного предложения

Центральное место в категории бытийного предложения занимают предложения с локативным членом, представляющие собой структурно-семантический вариант бытийного предложения в наиболее строгом понимании, так как локативный элемент обладает конструктивной значимостью. Из этого следует, что без локатива имеет место иной структурный вариант (варианты I или III) и что именно локатив, а не элемент какой-либо другой семантики нужен для существования данного варианта.

Конструктивная значимость локативного элемента признается исследователями бытийных предложений или явной констатацией данного положения, или неявным признанием существования такого типа предложений, выбираемых как особый объект исследования. Отношения между локативом и остальной частью бытийного предложения отличаются от комплементарного при директивных глаголах. С одной стороны, локативный элемент — конструктивно обязателен, а с другой — его наличие не детерминируется семантикой какого-либо элемента в предложении. Его обязательность определяется самой синтаксической формой предложения (без него был бы иной вариант модели). При анализе бытийно-локативного варианта ощущается его двучленность. Отношение локатива к части *there is N* можно представить в следующем виде: локатив по своей природе является определяющим (атрибутом), обладающим значительной понятийной (логической), семантической и структурной автономностью. В этом плане он сходен с сирконстантом, но в отличие от него ему нельзя приписать свойство синтаксической зависимости. Обе части бытийного предложения равноправны: их наличие определяется требованием самой структуры.

Одной из семантических особенностей бытийных предложений по сравнению с некоторыми другими структурами является отношение имени бытующего предмета с пресуппозицией существования класса подобных предметов. Любое существительное с неопределенным артиклем предполагает возможное наличие подобных предметов, именуемых этим существительным, хотя бы в силу того, что каждое имя есть общее и обозначает не один предмет. Пресуппозиция о существовании класса, естественно, не элементарна: она содержит два элемента — идею «класс» и идею «существования». В бытийно-локативных предложениях в силу их семантики предмет характеризуется, как и весь класс, тем, что он существует. Предмет наблюдаем, он наличествует явно, и он именуется говорящим конкретным или родовым именем (если есть предмет, то у него есть и имя, а если есть имя, то оно именуется не один наблюдаемый предмет, а целый класс). Для человека «чистое бытие» немыслимо без

предмета, а предмет — без имени. Благодаря наличию этого свойства бытующий предмет может быть отнесен к классу, а не только вычленяем из него, как в случае с неопределенным предметом в других типах предложений, например: *A roog woipaп same in ...*, где предикативный признак свидетельствует о том, что предмет — «нищенка» — вычленяется из класса подобных. Идея существования единичного объекта в этом случае относится лишь к пресуппозиции (пресуппозиция именованья), если нечто названо, то оно существует. Все бытийные предложения с локативным элементом, за некоторым, может быть, исключением, имеют пресуппозицию существования класса предметов, к которому относится бытующий предмет.

1.2.3. Экзистенциально-квалификативный вариант бытийного предложения

Экзистенциально-квалификативный вариант модели имеет четыре подтипа, или субварианта: 3. *There is something strange about her*; 4. *There is a girl putting the kettle on*; 5. *There's some people (that) I'd like you to meet*; 6. *There's a book (for you) to read*.

В первом подтипе (пример 3) дается широкая, общая номинация (*something*), задающая общую атмосферу, положение дел, с «нечеткой» локализацией пространства (*about her*). Объектом характеристики — носителем признака в отличие от локативного варианта здесь является само «пространство», в данном случае — женщина, лицо, именуемое локативной фразой. Во втором подтипе (пример 4) классифицирующая номинация (*a girl*) с характеризующим определением (*putting the kettle on*) дает цельную номинацию в ситуативно-обусловленном пространстве. Третий подтип (пример 5) — определительным придаточным предложением, вводимым *that*, *who* и т. п., можно назвать характеризующе-ограничительным, поскольку за счет придаточного осуществляется характеристика и одновременно отнесение бытующего предмета к ограниченному определенному классу. Это промежуточный вариант между чисто экзистенциальным и бытийно-характеризующим. В примере 6 в качестве бытующего объекта дан не только сам предмет, но и действие, по отношению к которому имя может быть объектом.

Использование инфинитива в атрибутивной функции приводит к возникновению модальных отношений между объектом и действием, которые варьируются в зависимости от семантической согласованности объекта и действия. Сравните, например, предложения: а) *There's a book (for you) to read (on the train)* → *You can read it* 'Вам предлагается книга, которую Вы можете почитать' (модальность возможности) и б) *There's a book (for you) to edit* → *You must edit it* 'Вам поручено отре-

дактировать книгу' (модальность долженствования). Поскольку в предложениях данного типа можно говорить о пространствах, задаваемых признаком, в нашем примере пространство действия ограничивается значением модальности, бытующий предмет (a book) является носителем в первую очередь модального признака (действия, хотя бы и выполняемого другим).

По экзистенциально-характеризующему признаку бытийные предложения могут быть сопоставлены с предложениями с посессивно-локативной семантикой, организуемыми глаголом to have с плеонастическим субъектом. Они часто оказываются синонимичными и легко подвергаются трансформации: (а) The floor has a carpet on it → There is a carpet on the floor. Можно отметить, что конструкции «have + локативный член» возможны лишь тогда, когда между объектами, обозначенными первым и вторым существительным, есть отношение части-целого или когда второе существительное выражает неотъемлемый атрибут первого. Однако встречаются предложения, построенные по данной модели, но с другими семантическими отношениями. В предложениях с лицом-«посессором» бывает выражено дополнительно отношение принадлежности, но не между лицом-подлежащим и объектом-дополнением, как в истинно посессивных предложениях, а между подлежащим и локативом: (б) He has a large picture in his room. (В предложениях такого типа нет полного субъектного плеоназма, хотя есть соотнесенность с субъектом he — his.) В случаях же с неодушевленным субъектом об отношении принадлежности говорить, вероятно, не приходится. Такие предложения передают смысл характеристики объекта, выраженного подлежащим: 7. One hand had a smooth black gauntlet on it and the other was bare (С., F.M.L., 43). Предикативная единица после союза and подтверждает правомерность такой трактовки.

При локативном построении рассматриваемых предложений в их семантике совмещаются локативное значение, значения принадлежности и части-целого. Информационный смысл (особенно в предложениях второго типа) определяется намерениями говорящего. В предложении He has a large picture in his room может характеризовать лицо через обладание предметом, предмет обладания (большая картина) и предмет, обозначенный локативной фразой (комната); в то же время основной информацией может быть сообщение об обладании предметом (картиной).

Варианты модели могут быть представлены подвариантами, грамматическая релевантность которых уменьшается или увеличивается в зависимости от глубины уровня вариативности. Наряду со структурно-семантическим уровнем вариативности модели «there + be», можно выделить уровень коммуникативной вариативности, обуславливаемой теми функциями, которые предложения выполняют в речи (текстоформирующие, или ди-

скурсивные). На этом уровне можно выделить коммуникативные варианты: 1) интродукции, 2) утверждения наличия/существования, 3) характеристики.

Интродуктивную функцию бытийных предложений, о которой писала И. Д. Арутюнова (1976), можно проиллюстрировать примерами: 8. *Once upon a time there was a big feast in the animal world! (Asp., 75)*; 9. *One day there was an argument among the beasts about who could boast of the largest family (Ibid., 72)*.

Коммуникативный вариант утверждения наличия направлен на сообщение о существовании бытующего объекта: 10. *There was a dog who was fond of eating eggs (Ibid., 45)*.

Вариант характеристики определяется коммуникативно-прагматической интенцией говорящего или назначением текста. Так, наличие объекта в пространстве выступает средством характеристики этого пространства: 11. *The rooms I occupied were on the ground floor. The parlour was papered with old marble paper and on the walls were water colours of romantic scenes... there were large ferns in pots (M., C.A., 51)*. Часто бытийное предложение выполняет функцию характеристики не просто места, пространства, а более широкой/крупной ситуации, как в третьем типе соответствий в грамматике Р. Кверка с соавторами, — *There was no one waiting*, где дается характеристика ситуации, местонахождения говорящего и его отношения к положению дел (досада, разочарование).

В романе Э. Хемингуэя «Прощай, оружие» модель бытийного предложения широко используется в описаниях положения дел на фронте: 12. *There was fighting in the mountains and at night we could see the flashes from the artillery. In the dark it was like summer lightning, but the nights were cool and there was not the feeling of a storm coming... There was much traffic at night and many mules on the roads with boxes of ammunition... There were big guns too that passed in day drawn by tractors... (H., F.A., 31)*.

Исследование вариантов модели бытийного предложения: модель с глаголом *be* — *there is/are*, выражающего одну из фундаментальных категорий диалектики — категорию бытия, с точки зрения теории вариативности, позволяет выделить чисто экзистенциальный, экзистенциально-локативный и экзистенциально-кваликативный вариант на структурно-семантическом уровне; вариант интродукции, утверждения наличия и характеристики на коммуникативном уровне, что позволяет раскрыть особенности предикатно-аргументной структуры бытийного предложения и его функционирования в речи, приводящие к осложнению смысла.

СВЯЗОЧНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РЕЛЯТИВНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ И ЕЕ ВАРИАНТЫ

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЛЯТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Релятивные (реляционные, относительные) существительные составляют весьма многочисленный класс конструктивно, или синтаксически, значимых имен. Изучению этого класса имен немало внимания уделяется в лингвистике и философии, логике. Но ни в лингвистике, ни в логике нет строгого определения понятия «релятивные существительные» и не заданы границы, которые могли бы очертить данный класс имен. В лингвистике и логико-философской литературе как реляционные или относительные рассматриваются разные имена. Дж. Милль в качестве примера относительных имен рассматривает имена *отец* и *сын*. Он писал, что в отличие от имен абсолютных, или безотносительных, относительные — это такие, которые, кроме означаемого ими предмета, указывают на существование еще другого, «происхождение которого связано с тем же фактом, что и происхождение первого». Или: «... имя будет относительным, если нельзя придать ему в речи значения, не говоря или не подразумевая другого предмета, помимо того, которому оно служит названием» (Милль 1900: 30—31). В современной лингвистике понятие реляционного существительного трактуется несколько шире. Релятивными считаются не только имена, обозначающие отношение одного предмета к другому предмету (лицу), но и отношение предмета или лица и его свойства. Исходя из такого понимания релятивных имен, можно сказать, что основанием для их выделения в особый подкласс или разряд служат как раз их денотативные и номинативные свойства, как особенности того, что они называют, так и характерные черты их поведения в реальных высказываниях, их синтаксические свойства. Несмотря на то что релятивные имена выделяются на основе тех же критериев, что и другие разряды существительного, а именно на основе семантического денотативно-отражательного признака (как и имена предметные, вещественные, имена одушевленные и др.), и грамматического признака (как и имена исчисляемые/неисчисляемые, выделяемые по зависимому грамматическому значению, соотносимому с категорией числа), релятивные существительные не укладываются в традиционные схемы субкатегоризации этой части речи. Релятивные существительные можно встретить практически в любом традиционно выделяемом разряде имен. Качественная (содержательная) и количественная «размытость» разряда реля-

тивных существительных объясняется и характером их денота-та (отношение считается самой абстрактной, всеобъемлющей и неопределенной категорией), и тем, что оно входит как компонент содержания, или полностью составляет содержание слов других частей речи. Например, отношение различия может быть выражено существительным *difference*, глаголом *differ* и прилагательным *different*. В зависимости от того, какие отношения обозначаются релятивными именами, последние различаются по своей семантике и по структурным функциям. Среди релятивных имен есть имена, которые относят или называют строевыми. О строевых словах говорил Л. В. Щерба (1974); к строевым относил слова *тип*, *марка* и др. С. Д. Кацнельсон (1972).

Ф. И. Карташкова (1979) называет подобные существительные словами неполной номинации, исходя из того, что такие существительные особым образом выполняют свою номинативную функцию: они называют целостный объект действительности только в сочетании с другими словами, образуя таким образом «номинативный блок» (термин Е. С. Кубряковой (1986)). Однако, если учитывать то, что ряд релятивных существительных называют прежде всего отношение одного объекта к другому и что отношение можно рассматривать как самостоятельный объект номинации, то данные существительные, так же как и слова других частей речи, можно относить к числу автономных номинативных единиц, учитывая то, что они обладают специфическими синтаксическими свойствами.

Следует сразу же отметить, что особое свойство, характеризующее, вероятно, большинство или все релятивные существительные, — это их связь с так называемым аппозитивным элементом: предметным, призначным, пропозитивным. Обычно в лингвистике рассматривают два типа аппозитива (приложения), ограничительный и неограничительный (Quirk et al. 1982). Неограничительная аппозиция свойственна любому разряду существительных и поэтому здесь не рассматривается.

Существительные релятивные, валентные к аппозитиву, подразделяются на существительные валентные а) к предметному аппозитиву, б) к признаковому и в) к пропозициональному (сентенциальному) аппозитиву. Релятивные существительные характеризуются широкой понятийной основой, а функция аппозитива сводится к уточнению или конкретизации их содержания.

Наиболее ярко структурные (структурообразующие) свойства проявляются у существительных, называющих некоторые универсальные логические отношения; абстрактных существительных, обозначающих некоторые категориальные свойства (количество, качество): абстрактных существительных, называющих результаты умственной деятельности, эмоционального состояния человека. Релятивные существительные двухвалентны. Поскольку они называют или отношение или признак, кото-

рые не существуют отдельно от того, с чем они соотносятся, то, естественно, что такие существительные сочетаются с именами тех объектов, признак или отношение которых они обозначают. Это первая валентность данных слов. Вторая валентность представлена конкретным признаком или отношением и в силу характера связи может быть названа аппозитивной валентностью. Как и любые другие существительные, релятивы могут занимать в предложении все возможные синтаксические позиции. Ниже будут рассмотрены только предложения с релятивными существительными в позиции предикативного члена и подлежащего, т. е. в тех позициях, которые задают предикативную основу предложения и в которых наиболее ярко проявляется структурная особенность данных имен.

При этом очевидно, что предложение относится к связочному типу. Можно выделить несколько подклассов релятивных имен на основе их обобщенного денотативно-отражательного содержания: А. Подкласс имен универсальных логических отношений (причины, следствия, результата, цели, времени, места, сходства, различия и др.); Б. Существительные, обозначающие результат умственной деятельности (идея, метод, мысль, способ, решение, вывод);¹ В. Имена с общим значением свойства, признака, качества, количества, а также параметрические существительные с более конкретным значением качеств и количеств «запах», «цвет», «размер» (*ширина, высота*) и др. Г. Существительные-классификаторы (*тип, сорт* и др.); Д. Имена с общим значением «событие» (*случай, событие*).

Релятивные имена выполняют в предложении связующую, назывную и классифицирующую функции. Кроме отношения, они называют один из членов отношения, а именно член, связанный с релятивом аппозитивной связью и, таким образом, относят соответствующий именуемый ими объект (предмет, событие) к некоторому классу (причин, желаний, свойств, идей и др.), именем которого они являются и который они как бы задают в силу особого характера их способности к обобщению.

Классифицирующая функция некоторых существительных актуализируется за пределами предложения, что позволяет им выполнять метаязыковую текстообразующую функцию. Однако анализ текстовых связей не входит в задачу предлагаемого описания.

Другая метаязыковая функция релятивных имен реализуется через их номинализующую способность. Так, употребляясь с аппозитивом, выраженным инфинитивом или предикативной

¹ К рассматриваемым группам существительных относится большое число отглагольных существительных, аппозитивная связь которых и, следовательно, классифицирующая функция требуют специального анализа. С глаголом соотносятся также существительные, выражающие чувства. Существительные со значением «событие», группа (Д), недостаточно показательны в интересующем нас аспекте и здесь также не рассматриваются.

единицей, релятив придает аппозитиву именной, субстантивный характер, формируя цельный «поминативный блок».

2.2. ВАРИАНТЫ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С РЕЛЯТИВНЫМИ ИМЕНАМИ

2.2.1. Варианты с именами универсальных смысловых отношений причины, цели и др. (группа А — reason, consequence, difference и др.)

В предложении имена отношений реализуют все функции, но обладают разными сочетательными свойствами. Выражения (словосочетание и предложение) с именами отношений строятся по схеме (или в соответствии с когнитивной структурой — фреймом): «причина/цель чего», «что с чем сходно/различно в чем») и др. Очевидно, что данные существительные — минимум двухвалентны. Одна из двух валентностей, неаппозитивная, реализуется как атрибутивное восполнение — определение к релятивному имени.

Аппозитивная валентность имен отношений группы А связочной модели предложения реализуется или как подлежащее, или как предикативный член. И в этом и в другом случае релятивное имя связывает семантически аппозитив с самим релятивным именем. Именно эта черта синтагматической связи в предложениях с именами отношений (дополнительно к самой аппозитивной связи) позволяет говорить об особом структурно-семантическом варианте связочной модели. В силу специфики семантики существительных, а также установившихся в языке норм, каждое релятивное имя характеризуется особой сочетаемостью, поэтому ниже мы останавливаемся лишь на более общих вариантах. Отметим лишь, что при существительном reason аппозитив и определение могут быть выражены более разнообразно, чем при других релятивах, передающих каузальные отношения. При существительном goal (цель) аппозитив, как правило, выражается инфинитивом, при релятивах place, time аппозитивы имеют соответственно предметное и темпоральное значение и могут быть выражены существительным с соответствующей семантикой. Возьмем каузальные отношения (причинные, следственные, цели и результата). Аппозитив — подлежащее предложения, релятивное имя — предикативный член:

1. Long discussion was the reason that the new plan of western expansion was adopted.
2. This conclusion is the result of long debates in the Parliament.
3. I did this today: and the book of today is the consequence of the books before.
4. The reason for your writing is to make a living, isn't it?
5. The reason (why) he wanted her to leave was that her husband would have returned last.
6. The cause of war will be the slavery issue, not the formation of the new party.

В грамматической системе английского языка все каузальные значения действуют как самостоятельные грамматические значения, имеющие свои средства формально-грамматического выражения: союзы, предлоги и др. В языке есть грамматическое значение причины, грамматическое значение следствия, грамматическое значение результата, хотя в логико-семантическом плане и в плане выражения членов отношения (оба члена отношения должны быть представлены, иначе будет нарушен принцип необходимой достаточности коммуникации) они рассматриваются как диадические, обязательно двухчленные: 7. The goal of this semantic theory is to account for certain aspects of human competence with respect to a language (W., E.S., 16).

Существительное reason может употребляться коррелятивно с союзами: 8. The reason why he is late is that/because there was a breakdown on the railway (H. Dic.). 9. And just because your blood is cold, well-ordered, and well-disciplined is no reason that you should frown upon everybody.

Предложения 1—9 построены по схемам, которые практически реализуются говорящим при выражении соответствующих смысловых отношений в подсистеме связочной модели. Как указывалось выше, релятивные имена называют синкретично само отношение и один из членов отношения: действие, событие, факт, которые выступают как причина, цель, результат, следствие и др. Именно выражения, называющие эти действия, события, факты — конкретные причины, цели, результаты, раскрывают и ограничивают содержание релятива-антецедента, т. е. находятся с ним в аппозитивной связи. Однако антецедент и аппозитив в приведенных примерах оказываются разведенными предикативной связью, а приименную позицию занимает выражение, именуемое второй член отношения, не имеющий аппозитивной связи с релятивным именем.² Таким образом, оказывается нарушенным синтаксический позиционный критерий выделения аппозитива. Тем не менее мы считаем возможным рассматривать эту связь релятива как аппозитивную (или «несобственно аппозитивную»), поскольку семантически она абсолютно тождественна аппозитивной (собственно аппозитивной) связи имен других групп.

Возвращаясь к метафункциям релятивных имен, следует отметить еще одно, возможно, основополагающее метасвойство,

² Приименную позицию при рассматриваемых существительных аппозитив занимает в предложных фразах, которым более свойственна служебная функция — предложная или союзная: by reason of, with/for purpose, or, on purpose to do sth. В случае с существительным как аппозитивную часто рассматривают его связь с придаточным, выражающим следствие. Неразрывность связи между самими членами отношения (причины и следствия) в какой-то степени оправдывает такую трактовку, но следует помнить, что существительное не называет следствие и не служит для него классификатором.

заложенное в их природе, в содержании и поведении. В структуре их значения, содержащей класс-сему и релятивную сему (одну или несколько) (Коваль 1990), находит отражение факт наличия двух координат (осей), в которых существуют языковые единицы, — парадигматической (класс-семы) и синтагматической (синтаксические семы), или соответственно пространственной и временной (пространственно-временной) оси координат.³ Релятивные имена действительно можно назвать метаименами еще и по этому их признаку. В указанных выше именах парадигматически и синтагматически ориентированные семы представлены по-разному, что и находит отражение в актуализации аппозитивного элемента.

Имена универсальных смысловых отношений, причины, цели, а также ряд других существительных, и в частности параметрических, наиболее полно реализуют свои реляционные свойства, актуализируя свою классифицирующую и связующие функции. Классифицирующее свойство — это тоже реляционное свойство — отношение элемента к классу, — поэтому имена, которые не столь ярко реализуют свои синтаксические потенции, актуализируя главным образом классифицирующую функцию (в рассматриваемом здесь аспекте), можно считать релятивным.⁴

Приведем примеры связочной структуры с существительным *time* и *place*, в которых реализуются их связочная и классифицирующая функции: 10. *And the season of dog days is like this: it is the time at the end of the summer when as a rule nothing can happen* (McC., M.W., 39). 11. *Your kind of highbrow world was a place I could never climb up to, much less find my way in* (H., Isl., 37). 12. *Is this (the High Altitude Station) the place we are bound for?* (Ibid., 163). Во всех трех примерах выражение, раскрывающее содержание релятивных имен, занимает позицию подлежащего; придаточные определительные дают его характеристику через события, связанные соответственно временным (предложение 10) и пространственным отношением (предложения 11, 12), с некоторым периодом времени (мертвым сезоном — предложение 10) и некоторыми местами (мир снобов и высотная станция — предложения 11, 12). Очевидно,

³ Языковую структуру (предложение, текст) мы расцениваем как пространственно-временную, т. е. как пространство, в пределах которого совершаются языковые (речемыслительные) субпроцессы, акты или операции, закрепляющиеся в синтаксических и текстовых отношениях (связях) (Варшавская 1984).

⁴ В этом смысле релятивный характер имеют имена-гиперонимы: они выполняют классифицирующую метафункцию по отношению к именам-гипонимам и вместе с ними отражают классификационные (родовидовые) отношения, которые человек задает в своей познавательной деятельности для предметов окружающего мира. Строевая функция существительных-классификаторов реализуется регулярно в текстовой связи как при гипо-гиперонимической замене.

что во всех предложениях выражения в позиции подлежащего и предикативного члена могут легко менять свои позиции. Порядок их следования диктуется коммуникативными или стилистическими задачами. Приведем примеры с именами отношений сходства и различия в позиции подлежащего с «изъяснительным» предикативом. Высказывания строятся по схеме: «что сходно/различно с чем, по какому признаку + насколько»: 13. . . . though the only difference between the two sentences is the addition of two structure words (was, by). 14. A syntactic difference between purpose and result clauses is that whereas purpose clauses are adjuncts, result clauses are disjuncts. 15. A further point of resemblance between the Present Progressive and the «be going to» future is optionality of time adverbials. (Подробнее об именах отношений сходства/различия (Варшавская и др. 1991).) Еще раз напомним, что рассматриваемые структуры далеко не исчерпывают всех возможностей употребления релятивных имен, способных занимать любые именные позиции в любых типах предложения. В отличие от имен каузальных отношений и имен пространственных и темпоральных отношений, валентных к событию, факту или локативному и темпоральному элементу, имена сходства и различия валентны еще к признаковому элементу. Содержание признака и способ его выражения могут быть самыми различными (цвет, запах, размер, функция и др.).

К предметному члену, кроме локативных имен, валентны существительные, называющие отношение части к целому: «что есть часть чего» и целого к частям: 16. The handle is part of the door; A petal is part of the flower. 17. More precisely, the lexicon is a set of lexical entries.

2.2.2. Абстрактные существительные — имена «продукта» умственной деятельности и эмоциональных состояний (группа Б)

Большинство из существительных группы Б соотносятся с глаголами, обозначающими речемыслительные акты или эмоциональные состояния и сочетающимися с глаголами (предикатными актантами). Эта особенность находит отражение в содержании аппозитивного (изъяснительного) члена — он всегда пропозиционален, выражается глагольными сочетаниями или придаточным предложением. Существительные (*idea, thought, suggestion, conclusion, decision, information, question, fact, wish, impression* и др.) группы Б неоднородны по своей семантике, валентностным свойствам и по поведению. Для них не столь характерно употребление в связочной модели; образуемое ими сочетание может занимать любую именную позицию. Задать семантические классы, группы глаголов или прилагательных, с которыми могут сочетаться образуемые данными релятивами

номинативные блоки, строго нельзя, однако основные группы составляют элементы с оценочной и перцептивной семантикой, со значением наличия, бытия, умственных актов. Слова других классов, например, глаголы движения (*прийти к выводу, идея пришла*), скорее, имеют метафорический характер и употребляются достаточно избирательно по отношению к отдельным существительным.

Релятивы группы Б по-разному реализуют свою валентность к имени субъекта ментального действия или эмоционального состояния. При релятиве-подлежащем с полнозначительными глаголами имя субъекта может занимать вакантные именные позиции; при этом антецедент-релятив и его аппозитив могут оказаться разъединенными: 18. *The thought struck me that it was a crime. I was preoccupied with an idea of going into business.*

В связочной модели аппозитивный элемент может занимать позицию подлежащего вместе с релятивом: 19. *My suggestion that everybody (should) go there immediately was...* и предикативного члена раздельно с релятивом: 20. *My suggestion was that everybody (should) go there immediately.*

Валентное место субъекта ментального действия (и состояния) может занимать притяжательное местоимение, другой генитив или *of*-phrase. При употреблении аппозитива-инфинитива или *ing*-формы субъект ментального действия один и тот же (предложение 18), если имеются разные субъекты, аппозитив выражается придаточным (предложения 19, 20) или вторично-предикативной конструкцией.

Особое место в группе Б занимает существительное *fact* — оно не называет отношения. Фактически это десемантизированное служебное слово, выполняющее номинализующую функцию по отношению к пропозициям, выраженным предикативной единицей или полуноминализациями (*ing*-формой). Однако нельзя с вероятностью отрицать у образованного им блока определенной «фактивной» семантики. Выражения с *fact* имеют два оттенка значения: нейтральный (констатация наличия ситуации, описываемой аппозитивной предикативной единицей) и оценочной (утверждение истинности, неоспоримости факта, о котором идет речь, его абсолютной реальности, с точки зрения говорящего). Однако эти оттенки не всегда различимы. Выполняя номинализующую и, в определенной степени, классифицирующую функции по отношению к подчиненному аппозитиву, существительное *fact* (хотя оно и не называет отношения), как и другие рассматриваемые здесь имена, релятивизирует его.⁵ В этом имена-релятивы сходны с предлогами, союзами или со-

⁵ Независимо от того, считать ли «факт» чем-то реально существующим (Вендлер 1986), концептуализацией (Арутюнова 1988) или грамматическим значением, классифицирующей функции у существительного *fact* отрицать нельзя.

ответствующими грамматическими значениями, которые последние передают. Так же как и предложное или союзное словосочетание, выражение с релятивным существительным требует синтаксического восполнения, поскольку, как и первые, оно оказывается предикатным, валентным к чему-то еще, кроме аппозитива, конструктивно не завершенным даже если аппозитив представлен сентенциальной формой (предложением), которая без релятива могла быть автономной синтаксически. Подобные выражения задаются в конкретных коммуникативных ситуациях, речевых актах (устных или письменных) и предполагают реализацию связи с другим выражением или выражениями. В связочной модели существительное *fact* встречается совместно с аппозитивом: 21. *The fact that Con could possess a motor car was in itself a joke* (Сг., Н.С., 155). 22. *However, one of the most difficult matters in connection with Clyde and his incarceration here, ... was the fact that thus far not one single member of his own or his uncle's family had come forward to champion him* (Dr., Am., Tr., 137) или раздельно. 23. *The fact is, ... — that this was something I had better talk over with you ...* (Ibid., 20). В предложениях 21, 22 по закону семантического согласования в позиции сказуемого (предложение 21) и подлежащего (предложение 22) употребляются имена с пропозитивной семантикой часто оценочного содержания (*joke* — в предложении 21 и *difficult* — в предложении 22). В предложении 23 релятив и его аппозитив (изъяснение) разделены связкой. В предложениях с *fact* встречается и другие связи: 24. *The fact remains that he is a very good artist*. Эмфатическую интонацию утверждения истинности можно увидеть в предложениях с вводным *it*: 25. *And it is not also the fact that in the course of this consultation he pressed you to adopt a line of treatment which you thought to be unwise?* (Сг., Н.С., 407). Аппозитив, вводимый существительным *fact*, чаще всего бывает выражен придаточным предложением, как правило, сообщающим о том, что уже имело место, было известно, т. е. его содержание пресуппозитивно. Такое известное положение дел, взятое само по себе, может быть в процессе коммуникации по-разному концептуально обработано — осмыслено как факт, как причина, как желаемое событие или действие и т. д. Таким образом, не только аппозитив «изъясняет» управляющее им существительное, но и существительное «интерпретирует» содержание аппозитива. Изъяснение оказывается обоюдным, хотя характер его разный в зависимости от направления изъяснения: от смысла релятива к конкретному содержанию аппозитива, и наоборот. Определяется направленность изъяснения намерениями говорящего (см. предложение 19). Конкретное желание говорящего было: «Все ушли немедленно», это было желание, не цель, не причина чего-то, не факт и др. Сказанное относится ко всем группам релятивных существительных.

2.2.3. Существительные с общим значением качества, количества и меры — параметрические существительные (группа В)

Сами существительные *качество* и *количество*, обозначающие категориальные понятия, являются релятивными. Их значение может конкретизироваться аппозитивом как бы в две ступени. Так, *качество* (свойство) — это цвет, запах, способность функционировать и др. Общее значение «свойство» («качество», «количество») конкретизируется через количественный параметр — длина, ширина, высота, вес (*length, width, height, weight*). Родовые существительные (цвет, длина и др.), в свою очередь, уточняются через конкретный признак, конкретное качество или конкретный параметр. В общем виде структурная схема (предикатно-аргументная рамка), образуемая параметрическими существительными, может быть представлена так:

свойство, качество

запах | чего (имя некоторого объекта);

цвет

вкус | какой (имя качественного конкретного параметра)

Существительные реализуют две валентности. Связочная модель предложения с ними в наиболее простом варианте может быть проиллюстрирована так: 26. *His face once was a brick-red colour, ... His closely clipped hair is the colour which Pattle has learnt from her magazines to call strawberry blond* (Mur. F. D., 27). 27. *The face of the man was the colour of impure wax*. 28. *In colour the fox was sandy brown*. 29. *(A boy with) red colour hair*.

Второй достаточно обычный вариант модели с параметрическими существительными организуется семантическими глагольными связками со значением обладания, принадлежности, что представляется вполне естественным в силу того, что мы воспринимаем качественные параметры (признаки, свойства) как принадлежащие объекту. Наиболее употребительным является глагол *иметь* (*to have*).⁶ Поскольку категория обладания (принадлежности) в английском языке трактуется как грамматическая или, по меньшей мере, грамматизованная, то есть все основания рассматривать предложения с глаголом *to have* и параметрическими существительными как особый структурно-семантический вариант. Здесь следует, конечно, учитывать и то особое место, которое глагол *to have* 'иметь' занимает в английском, а также и в других языках (Бенвенист 1974). Например: 30. *Sugar has a sweet taste. Sugar tastes sweet. This medicine has no/very little/a very strong/a queer/taste*. Трансформационно связочная модель с релятивными существительными,

⁶ Формально модель с глаголом *to have* скорее можно отнести к субъектно-объектному типу, организуемому прямопереходными глаголами.

точнее, ее структурно-семантические варианты с *to be*, *to have*, оказывается для некоторых существительных соотносительной моделью, организуемой так называемыми полусвязочными глаголами — грамматическими омонимами существительных: *taste/to taste* — *to have a taste*, что лишний раз свидетельствует о связях между различными частями грамматической системы.

Как отмечалось выше, одним из механизмов, обеспечивающих структурно-семантическое варьирование, является сочетательная способность слова или способы реализации его семантической и синтаксической (грамматической) валентности. Для существительных рассматриваемой группы характерна сочетаемость с прилагательными, обозначающими в соответствии с законом семантического согласования, или по смыслу, конкретные цвета для существительного *цвет*, конкретные запахи для существительного *запах* и т. д. Сентенциальная связочная форма не позволяет выявить все возможные сочетания каждого существительного в отдельности, поэтому для полной характеристики поведения релятивных имен мы считали необходимым привести примеры с разными структурами словосочетания: *to be a (the) red-brick colour*; *be the colour of. . .*; *in colour, with red colour hair*. Напомним, что сочетательные свойства релятивов позволяют рассматривать их автономно и как опорные элементы в составе семантического блока (на уровне семантической структуры) или номинативного блока при описании их номинативных свойств.

В сочетании с некоторыми типами имен рассматриваемые существительные как бы совмещают валентность к имени объекта и имени признака объекта. Это легко показать на таком простом примере: *the smell (colour) of Indian tea* — запах (цвет) индийского чая — запах (цвет) чего и какой.⁷

Очевидно, что субстантивные сочетания с релятивами встречаются в структурах предложений любого типа, но важно еще раз подчеркнуть, что релятив не встречается без определений, восполняющих его семантически.

Следующую подгруппу параметрических существительных составляют слова, обозначающие количественный признак: а) родовые имена — *size, volume, length, width, height, weight* и др. и б) существительные конкретной меры, обозначающие соответствующие количественные характеристики объекта, величины измерения: метр, сантиметр, килограмм и т. д. (Последняя группа существительных ввиду очевидности их поведения здесь не рассматривается, тем более что они часто сопровождают родовые имена.)

⁷ Данная черта свойственна и другим существительным с другой семантикой — *this idea of linguistic analysis* — 1) идея провести лингвистический анализ или что есть лингвистический анализ, 2) идея о том, как провести лингвистический анализ.

type/kind. Вероятно, нет необходимости говорить подробно о том, что рассматриваемые существительные весьма широко употребляются в научных текстах, имеющих дело с описанием одной из главных фундаментальных познавательных процедур и ее результатов. Однако не менее широко они употребляются и в обычном разговорном и литературном языке, где они часто приобретают оцепочный оттенок (положительный или отрицательный — оценки, иронии, осуждения), который в части затемняет собственно классификационное отношение: 34. I felt I knew the sort of bridge player she was, quick, bold, and accurate (M., St., 189); 35. She was a nice, quiet, ladylike sort of woman (Pr., A.p., 238); 36. Mr Philbrick, senior, was a slightly eccentric sort of cove (W., Els., 10); 37. It was exactly the kind of house which she had always imagined (Ibid., 256); 38. I often think that the purest type of the artist is the humorist who laughs alone at his own jests (M., St., 117).

Следует отметить также еще одну особенность поведения существительных sort, kind: они употребляются для выражения приблизительной классификации или номинации объектов, когда говорящий не знает точного имени объекта или не может точно отнести его к классу объектов, имеющих то или иное имя, определенно причислить его к хорошо известному классу однозначно именуемых объектов. Элементы sort of, kind of могут в разговорном языке употребляться с прилагательными, глаголами и наречиями со значениями «как будто», «своего рода», «нечто вроде»: 39. It was a sort of olive branch. My love for him was always so — sort of nervy. You are sort of here and not here.

В отличие от параметрических существительных группы Б содержание К-существительных фактически раскрывается через две валентности: «что» и «какой». При этом в структурах, образуемых ими, наблюдается сильное семантическое согласование между валентностями «что» и «чего» (см. примеры 34—38: *Она — человек, женщина; дом — дом; художник — юморист (художник)* и др.). Возможно, еще более сильное семантическое согласование наблюдается между этими валентностями при существительных class, group. Слова (словосочетания), занимающие валентные места «что» и «чего», обозначают объекты одного класса (множества). Даже в самом общем значении К-существительные предполагают наличие классов, типов других объектов. Нельзя, вероятно, говорить, например, о классе животных, если он не противопоставлялся бы классу растений, людей. С особой же очевидностью такое «пресуппозитивное» отношение проявляется при субкатегоризации. Примером может служить даваемое здесь описание групп существительных. Предикат *быть группой* имеет валентность «что», реализуемую здесь существительными *sort, тип, класс*, т. е. релятивами; валентность «какой» соответствует признакам: строевые,

с широкой понятийной основой, «классификаторы»; валентность «чего» — классу существительные. (Нагляднее это можно представить в виде общей логической схемы валентности на с. 148.)

Рассмотренные четыре группы существительных далеко не исчерпывают всего числа релятивных существительных в английском языке. Каждая из групп может быть дополнена словами того же семантического поля, выражающими те же логические отношения или категории (причины, качества, количества) более абстрактного или, наоборот, более конкретного содержания. Вероятно, можно найти одиночные имена, выражающие содержание, не оформленное нашим сознанием и языком как категория или семантическое поле.

Проведенный анализ структур с релятивными существительными показывает, как практически реализуется основной принцип организации и функционирования системы языка: принцип взаимодействия лексики и грамматики, частеречных и семантических свойств слова и синтаксических структур. Связочная модель предложения с релятивными существительными — это особый вариант связочной модели. В структурном плане она принадлежит к подсистеме связочной модели с именным (субстантивным или адъективным) предикативом. В смысловом же плане она соотносится с моделями другого типа, в частности субъектно-объектной моделью, через трансформационные варианты модели, организуемые глаголами — семантическими связками. В системе структурно тождественные модели различаются в смысловом плане, и, наоборот, структурно разные модели характеризуются смысловым тождеством (синонимией). В любой подсистеме языка существуют переходные, промежуточные явления, которые обеспечивают взаимосвязь в системе и ее цельность. Анализ структурно-семантического варьирования моделей иллюстрирует также принцип функционирования системы, который можно сформулировать как принцип централизации — децентрализации (принцип, характерный для всех сложных систем): система основных моделей предложения и возможность ее задания путем редукции ряда семантических особенностей, входящих в модель слов, свидетельствует о принципе централизации, а структурно-семантическое варьирование (центробежная сила) — о принципе децентрализации. Поскольку структурно-семантические варианты моделей, как они здесь представлены и как они здесь понимаются, не выходят за рамки грамматических факторов, но отличаются друг от друга лексико-морфологически, то очевидным является взаимодействие слова и структуры, лексического и грамматического (синтаксического).

АНГЛИЙСКИЕ ИМЕНА ЛИЦА И ИХ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

3.1. ОБЩИЕ ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В данной главе будет рассмотрен вопрос взаимоотношения синтаксиса предложения и характера лексического значения и его вариативных свойств. Под вариативностью лексического значения мы будем понимать способность значения выступать в зависимости от коммуникативной установки говорящего с разным набором коммуникативно релевантных для данного речевого акта семантических компонентов. Этап оформления характера лексического значения совпадает с этапом формирования синтаксической репрезентации высказывания. И то и другое следуют за коммуникативной установкой и предшествуют этапу фонологической репрезентации высказывания. Для описания коммуникативной семантики слова необходимо выделение не всех компонентов лексического значения, составляющих его структуру, а лишь релевантных для данного речевого акта. Коммуникативно релевантными компонентами лексического значения в речевом акте могут быть как интенционал (в другой терминологии — лексическое ядро, предметно-логический, депотативный аспект или компонент), так и импликационал (периферия, лексический фон, ассоциативная, сигнификативная область значения, коннотация, информационный потенциал) в зависимости от установки говорящего.¹ Однако если интенционал представляет слово как номинативную единицу, как инвариант информации, то передача некоторой дополнительной информации, помимо логико-предметного содержания, связана с импликационалом (Брудный 1976; Никитин 1983, 1988; Стернин 1985). В значении слова более или менее обязательным структурным компонентом является интенционал, а импликационал — лишь вероятностным. Тем не менее, если интенционал воспринимается коммуникантом как уже известная языковая данность, то по сравнению с ним коммуникативная значимость импликационала с точки зрения своей «неизвестности» и «новизны» явно преобладает.

Коммуникативную лингвистику интересуют коммуникативно релевантные компоненты значения слова и то, как «несвербальные компоненты речевого общения влетают в текст речевого произведения, что в языковой коммуникации имплицитруется и что эксплицитруется» (Крюков 1988: 31).

¹ Понятия «интенционал» и «импликационал» как две части структуры лексического значения здесь используются в том виде, в котором они представлены в работах М. В. Никитина (1983: 23—27; 1988: 58—66).

Одним из первых, кто обратил внимание на необходимость различения коммуникативно релевантных и нерелевантных компонентов лексического значения, был Ч. Филлмор (Fillmore 1969). В известном примере со словом «холостяк» он показывает, что из четырех компонентов, образующих структуру значения этого слова, — человек, взрослый, мужской пол, не состоявший и не состоящий в браке — только последний обладает коммуникативной релевантностью.

Идеи Ч. Филлмора были успешно развиты в работах Н. Д. Арутюновой (1973а; 1973б) и С. Крипке (Kipke 1980). Эти лингвисты связывают раскрытие коммуникативных свойств слова с его синтаксической функцией. У существительного принято различать две функции — идентификатора и предиката. По мнению А. А. Уфимцевой (Уфимцева 1962), если, отвлекаясь от многих частных случаев, считать, что в высказывании реализуются две указанные функции — идентификация предметов, о которых идет речь, и предикация, вводящей сообщаемое, то можно считать, что значение слова приспособливается к выполнению одного из этих двух заданий, а именно называть (депонация, предметная отнесенность) и обозначать (сигнификация, понятийная отнесенность).

В принципе все имена нарицательные могут быть субъектом и предикатом суждения, поэтому отнесение существительного исключительно к одной группе имен может быть неправомерно. Тем не менее Н. Д. Арутюнова отмечает, что для одних нарицательных имен более свойственна функция идентификации, а для других предикатная роль. Вывод о том, что предметная или понятийная отнесенность слова в значительной степени зависит от синтаксической позиции его в предложении, был сделан Н. Д. Арутюновой в результате изучения материала русского языка. Ее наблюдения показали, что распределение существительных между идентифицирующими именами и предикатными именами неодинаково в разных семантических разрядах, в частности у имен лица. Выбор обозначения в большой степени зависит от той функции, которая отведена ему в сообщении. В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом — имена качественные, приспособленные к предикативности. Между ними расположены имена функциональные и реляционные, пригодные к выполнению и той и другой роли в высказывании (Арутюнова 1973а: 49—50).

Одним из выводов, сделанных Ч. Филлмором и Н. Д. Арутюновой в результате анализа взаимоотношений значения слова и его синтаксической функции в высказывании, было положение о том, что коммуникативное содержание лексических единиц может быть отделено от коммуникативно нерелевантных компонентов только при анализе употребления слов в предик-

катной функции, осуществляющей задачу сообщения (Fillmore 1969; Арутюнова 1973б).

Позднее Н. Д. Арутюнова рассмотрела формальные показатели существительных, употребленных в функциях идентификатора или предиката, на материале русского языка, отметив, что в германских и романских языках процесс унификации структуры предложения по двусоставному образцу прошел более активно, чем в русском, поэтому референтность имени в этих языках утратила соотношенность с позицией подлежащего и тип предметной отнесенности стал в них последовательно оформляться системой артиклей и местоименных показателей (Арутюнова 1976: 369).

В дальнейшем были сделаны попытки определить коммуникативное содержание слова в связи с его синтаксической позицией. В частности, на материале английского языка этот вопрос рассматривался в диссертации Ю. И. Волвенкина (Волвенкин 1982). Его основные выводы можно суммировать следующим образом. Каждое предложение строится по тому или иному образцу в строгом соответствии с коммуникативной целью, намерением говорящего передать определенного рода информацию. Именно коммуникативная направленность определяет тип предложения и, в конечном счете, предметную или понятийную отнесенность существительного, хотя до сих пор остается открытым вопрос, каким образом намерение говорящего воплощается в реальность. Впрочем, есть в этом отношении и некоторые закономерности. Если говорящий хочет выразить относительно объекта, обозначенного лексемой-подлежащим, некоторую характеризующую информацию или определить его принадлежность к тому или иному классу, то существительное в функции именной части сказуемого реализует свое сигнификативное значение. Если же намерение говорящего заключается в указании на тождество объектов-референтов, обозначенных лексемами в функции подлежащего и именной части сказуемого, то существительное-предикатив выступает в референциальном значении. Существительные-обстоятельства и дополнения, обозначающие соответственно места и объекты, чаще всего выступают в референциальном значении. Для существительных в функции определения в целом более характерно сигнификативное значение (там же). Итак, автор, изучавший соотношение денотативного и сигнификативного компонентов в значениях существительных, не приходит к общему выводу в решении вопроса, что же определяет тип значения существительного в предложении. Его данные носят скорее количественный характер. В разобранных им случаях соотношение денотативного и сигнификативного компонентов определяется факторами разных уровней: в одних случаях — синтаксис, в других — коммуникативная интенция, есть указания и на смешанные причины, но самое главное, что в конеч-

ном итоге в любой синтаксической позиции возможен любой тип (из двух возможных) значения, поэтому в данной главе мы пытаемся подойти к вариативности значения с других позиций, а именно рассмотреть это явление как универсальное свойство лексики, проявляющееся на различных уровнях. В то же время мы остановимся на анализе некоторых синтаксических моделей английских предложений, которые с определенной регулярностью модифицируют значение слова.

3.2. АГЕНТИВНЫЕ ИМЕНА СО ЗНАЧЕНИЕМ ФУНКЦИИ И ИХ ВАРИАТИВНЫЕ СВОЙСТВА

В качестве объекта анализа было избрано одно из наиболее крупных и интересных в плане вариативных свойств объединенной английской лексики — поле агентивных имен со значением функции. К семантическому полю агентивных имен со значением функции или функциональных имен относятся существительные, называющие человека по действию, которое он обязан выполнять (хотя не обязательно выполняет). Это значение выражают названия профессий и должностей, воинских званий, занятий, носящих регулярный характер (*professor, colonel* и т. д.). Языковое значение функциональных имен складывается из категориальной семы «person», интегральной семы «doer of an action» и дифференциальной семы «certain occupation». Поскольку названия профессий и должностей зачастую связаны с определенной номенклатурой, служебной иерархией (*headmaster, vice-president* и др.), то поле функциональных имен оказывается взаимодействующим с полем имен, называющих людей по признаку социального и имущественного положения. В результате этого в некоторых функциональных именах, помимо семы «certain occupation», мы обнаруживаем дополнительную сему «certain rank, certain social position», а в ряде существительных, входящих в семантическое поле имен, называющих людей по признаку социального и имущественного положения, присутствует сема «certain occupation», к примеру в значении слова *proprietor*, помимо аспекта социально-имущественной оценки, выделяется еще и деятельностный аспект.

С полем функциональных имен взаимодействует поле имен лица, называющих людей по качественному признаку, т. е. имена, обозначающие навыки и склонности людей (но не регулярную профессиональную деятельность), в которых отмечается действие так называемого приращения значения (Архипов 1984: 10—12). Оно выражается в том, что в определенных речевых ситуациях в слове, с характерным для него узуальным значением непрофессионального занятия, реализуется компонент профессиональной деятельности, точнее говоря, этот компонент не реализуется, а, используя терминологию И. К. Архипова, «прирастает». В именах лица, называющих людей по качествен-

ному признаку, «приращение значения» проявляется в актуализации семантического компонента «it is his/her hobby/occupation». Ср.: значения слов swimmer, skater, gambler, которые в зависимости от контекстных условий выступают либо как функциональные имена (в этом случае актуализируется компонент «it is his/her occupation»), либо как реляционные имена, обозначающие одно из возможных качеств лица; ср.: The doctor was a good swimmer, где doctor является функциональным именем, а swimmer — реляционным. Однако перестановка этих имен вряд ли возможна: *The swimmer was a good doctor, где swimmer — функциональное имя в силу занимаемой им в предложении позиции, но и слово doctor выступает как функциональное имя, поскольку для его семантики в первую очередь характерна реализация компонента «it is his/her occupation», но не «it is his/her hobby».

Среди функциональных имен есть слова с высоким уровнем обобщения типа worker, labourer, employee, specialist, expert, которые не уточняют характер деятельности лица, а дают лишь общее определение. В данном случае отсутствие в их семантической структуре семантических признаков рода деятельности является причиной сужения признаковой области значения и акцентуации восприятия на его предметно-логическом компоненте. Это приводит к тому, что речевые значения таких слов практически всегда представлены интенционалами.

Теперь обратимся к анализу коммуникативной семантики функциональных имен и ее соотношения с синтаксической структурой предложения. Функциональные имена в речевых контекстах реализуют как интенционал, так и импликационал. Изучение речевых контекстов позволило сделать вывод о том, что актуализация интенционалов происходит тогда, когда коммуникативная интенция говорящего выражается в стремлении однозначно донести свою мысль до слушателя. Второй вывод связан с тем, что актуализация только интенционалов происходит в определенных синтаксических условиях. Эти условия связаны с некоторыми синтаксическими процессами, обуславливающими значение функциональных имен. Путем усложнения структуры предложения, видоизменяя его синтаксис, коммуникант может модифицировать семантику функциональных имен. Как известно, к основным синтаксическим процессам относятся расширение, усложнение, развертывание, а также некоторые другие процессы и их модификации (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 213—230). Зависимость английских функциональных имен от синтаксических процессов в структуре предложения может наблюдаться а) при наличии у функциональных имен аксиологических определений; б) при наличии у них аддитивных определений; в) при функционировании функциональных имен в виде грамматического приложения. Рассмотрим более подробно эти случаи.

3.2.1. Функциональные имена с аксиологическими определениями

В первую очередь представляют интерес случаи телеологической оценки, поскольку статистически они составляют подавляющее большинство (типология оценок — см. Арутюнова 1984: 14). Телеологические оценки классифицируют предметы на эффективные/неэффективные, удачные/неудачные и т. д. К ним относятся значения, выражаемые сочетаниями типа «хороший футболист», «негодный пылесос», «отличный пловец». Рассмотрим некоторые контексты, содержащие аксиологические сочетания: 1. (мужчина приглашает к себе в гости девушку) Will you come? Mrs. Blair here is a *competent chaperone* (Ch., M.B.S., 103); 2. Cecil Tutwiler Bates, the only *dignified novelist* the South has produced (W., S.U., 12); 3. Everyone liked him, and though he ran with drinkers and wasn't especially *good pilot*, even the instructors treated him with a certain respect (F., R.B., 322); 4. Jordan was a flight engineer; also a *qualified pilot* (H., A., 213); 5. He was an *excellent craftsman*, trained in the discipline of silversmith's shop (W., P.M.E., 8). Во всех пяти высказываниях в сочетаниях *competent chaperone*, *dignified novelist*, *good pilot*, *qualified pilot*, *excellent craftsman* реализуются интенционалы функциональных имен. Это связано с тем, что аксиологическое определение выступает своеобразным ограничителем диапазона признаков денотата, оно заостряет внимание на предметном содержании слова и в то же время существенно суживает его объем (Языковая номинация. Виды наименований 1977: 345). Вектор семантической экспликации направлен на оценку сути предмета, но не побочных или посторонних признаков. В данном случае в фокусе внимания оказывается содержание конкретной профессии. Так, a *competent chaperone* (пример 1) обозначает компетентность в профессиональной области: *chaperone — woman who goes around with a young girl on social visits (H.D.)*. Для коммуниканта в данном случае оказывается актуальным, чтобы компаньонка молодой девушки добросовестно следила за ее нравственностью, и при этом совершенно несущественны такие ее качества, как умение играть на музыкальных инструментах, знание литературы, медицинские навыки и прочее. Подобным образом в словосочетании *good pilot* слово *good* очерчивает область исключительно функциональную, фиксирует внимание слушателя на интенционале слова. Определение *good* делает неактуальными такие признаки, потенциально входящие в структуру значения слова *pilot*, как хорошее зрение, соответствующий вестибулярный аппарат, необходимые пилоту. Актуальным становится только умение управлять самолетом.

Интересно сравнить семантику функциональных имен *flight engineer* и *pilot*, где последнее сопровождается аксиологиче-

ским определением (пример 4). Номинация референта функциональным именем без аксиологического определения в конкретном речевом акте может послужить для слушателя импульсом для мысленного анализа признаков референта, из которых он должен отобрать те, которые соответствуют замыслу говорящего (впрочем, также вероятно и такая ситуация, в которой единственно релевантным признаком оказывается интенционал). В первой части высказывания функциональное имя *flight engineer* может служить импульсом для мысленного «перебора» признаков, связанных с профессией бортинженера: каков характер этой работы? интересная она или нет? высокооплачиваемая или нет? и т. д., хотя в действительности такого перебора признаков может вовсе не происходить, и речь о подобной мыслительной операции мы повели для того, чтобы показать, что в данном случае функциональное имя без аксиологического определения как бы предваряет открытый список некоторых признаков, которые слушающий может ассоциировать с данным именем. Напротив, во второй части предложения определение *qualified* к слову *pilot* выступает в роли ограничителя мысленного поиска ассоциативных признаков: мысль собеседника этим определением направляется строго в область профессиональных качеств человека.

Итак, аксиологическое определение при функциональном имени достаточно четко очерчивает область семантических признаков денотата и делает практически невозможным смещение в область периферийных признаков. Это является причиной того, что речевые значения функциональных имен с аксиологическими определениями представлены исключительно интенционалами.

3.2.2. Функциональные имена с аддитивными определениями

Примерами аддитивных определений могут быть такие словосочетания, как *дамский мастер*, *театральный художник*, *инженер по турбинам* и др. (Языковая номинация. Виды наименований 1977: 345), в которых определения существенно уточняют и конкретизируют область деятельности человека. Как и в случае аксиологических определений, аддитивные определения значительно суживают понятийную область семем. Это происходит потому, что ракурс восприятия перемещается с потенциальных признаков денотата, составляющих импликационал, на эксплицитно выраженную в определении дополнительную информацию. К примеру, в высказывании 6. In his spare time *Phigmphoot* was *an amateur abstract painter* (Н., А., 210) импликационал слова *painter* включает в себя разнообразные признаки, связанные с профессией художника. Однако в данном случае коммуникативно более значимыми оказываются не ассоциативные признаки, а эксплицитно выраженные в тексте

признаки абстрактной манеры художника и его непрофессионализм.

Подобное сужение понятийной области денотата можно наблюдать в слове *student* в следующем диалоге: 7. McKendrick: Neville, as a matter of interest, what were you in civilian life? Neville: *agricultural student, sir* (L., N.C., 225). Интенционал слова *student* = *person who is studying at a college/university* (H.D.) дополняется за счет не импликации, а определения *agricultural*. Ракурс восприятия слова *student* в данном случае перемещается на функциональный признак — *person studying agricultural sciences at a college*, а прочие вероятные признаки денотата оказываются нерелевантными.

Аддитивное определение, помимо функции уточнения области деятельности человека, может содержать указания на другие признаки референта. В любом случае эти вербальные признаки переключают акцент восприятия на себя, в результате чего значение функционального имени реализуется через интенционал, тогда как импликационал нейтрализуется.

Рассмотрим еще некоторые примеры влияния аддитивных определений на значения функциональных имен. Аддитивные определения могут содержать указания на внешность референта, одежду: 8. *The door was opened by a neatly clad parlormaid* (Ch., M.H., 71); 9. *A somewhat slatternly looking maid* answered the bell (Ibid.: 61); 10. *A rather pert-looking maid* dressed in lilac color showed him into a rather overcrowded dressing-room (Ibid.: 69). В примерах 8—10 для коммуникантов несколько затушевывается факт профессиональной деятельности лица, о котором идет речь: интенционал слова *maid* — *female servant* (H.D.) сохраняется, но основное внимание читателя или слушателя обращается на эксплицитно выраженный признак внешности референта — *neatly clad, slatternly looking, rather pert-looking*.

Помимо признака внешности, аддитивные определения могут содержать указания на национальность или место жительства человека: 11. *In those days he and his brother had an English governess who spoke the language very clearly and crisply and well* (F., R.V., 320). В повести С. Фитцджеральда речь идет о состоятельной американской семье. На этом ситуативном фоне особенно отчетливой становится причина выделения признака национальности референта. Для воспринимающего субъекта должен оказаться важным не только факт наличия гувернантки в доме, но главным образом то, что эта гувернантка из Англии, она имеет особые манеры, у нее — британский акцент. В глазах других людей это должно выглядеть особенно престижно. В данном случае потенциальные семантические признаки функционального имени подавляются, и в речевом акте оно раскрывается только через интенционал — *female teacher, usually in a private household* (H.D.).

3.2.3. Функциональные имена как грамматические приложения

Рассмотрим случаи функционирования функциональных имен в виде грамматических приложений к именам собственным на следующих примерах: 12. *Jeanne, the dresser, ministered to her mistress, talking incessantly and pouring out a stream of fulsome compliment* (Ch., M.B.S., 5); 13. *Patrolman Len Hendricks sat at his desk in the Amity police station* (B., J: 15). Как видно из этих примеров, синтаксическая роль приложения обуславливает коммуникативную семантику функциональных имен. Эта роль в тех случаях, когда приложение выражено именем лица, заключается в том, чтобы очертить круг обязанностей, которые выполняет референт функционального имени. Эта задача достигается в результате актуализации интенционала. Интенционал слова *dresser* в примере 12 — *person in theatre who helps the actors with their costumes* (H.D.). Интенционал слова *patrolman* в примере 13 — *policeman* (Amer.) (H.D.). Импликационалы же этих слов в обоих случаях нейтрализованы. Это связано с тем, что внимание слушателя, по замыслу говорящего, должно фокусироваться не столько на референте собственного имени и тем более не на потенциальных признаках, сколько на той функции, которая отведена данному персонажу в контексте всего повествования. Эта функция и выражается интенционалами слов, занимающих позицию грамматического приложения к имени собственному.

3.2.4. Актуализация импликационалов функциональных имен

Анализ употребления функциональных имен с актуализированным импликационалом показал, что вариативность значений английских функциональных имен в речевых контекстах в конечном итоге мало связана с синтаксическим строем предложения. Основная причина вариативности функциональных имен заключается скорее в глубинных мотивах, в намерении говорящего придать высказыванию некоторый дополнительный смысл, нежели в структурных особенностях высказывания. Тем не менее удается отметить и некоторые закономерности влияния синтаксиса на вариативность лексического значения. Не останавливаясь подробно на описании варьирования функциональных имен в речи, мы рассмотрим только те случаи, когда синтаксис предложения в той или иной степени обуславливает актуализацию импликационалов функциональных имен.

Достаточно типичным примером влияния синтаксических особенностей предложения на раскрытие семантики слова через его импликационал является эксплицитное дублирование некоторыми единицами контекста семантических признаков, состав-

ляющих импликационал слова. (Ср. описание М. В. Никитиным сочетаний типа *белый снег, снег бел, снег был белый*, в которых экспликант называет признак, составляющий жесткий и сильновероятностный импликационал (Никитин 1983: 77).)

Рассмотрим высказывание. 14. You know what *journalists* are, said Narracot, always nosing round (Ch., М.Н., 174). Первая часть высказывания содержит недоговоренность, которая «включает» импликационал слова *journalist*. Реципиент сообщения, восприняв логико-предметную часть семемы *journalist*, начинает мысленный поиск тех семантических признаков, которые ассоциируются с интенционалом *person who writes for newspapers or periodicals*. Среди стереотипных ассоциаций могут быть такие, как *persistent, impudent, asking questions, curious, inquisitive, with a pen and a writing pad, or a camera, or with a tape-recorder, etc.* Поиск возможных ассоциативных признаков в сознании человека мы, естественно, понимаем условно как часть речемыслительной деятельности индивида. Здесь следует привести мнение В. М. Верещагина о семантике слова, которую лексический фон делает в известной степени неопределенной: скажем, «ученик», согласно входящим в семантику слова семантическим долям, может быть прилежным и ленивым, умным и глупым, отличником и двоечником. Во фразе эта неопределенность снимается: *Коля — способный ученик* (Верещагин 1979: 65).

Семантическая неопределенность слова *journalist* снимается микроконтекстом (вторая часть высказывания), который выделяет в составе импликационала из ряда других возможных компонентов признаки *impudent* и *inquisitive*. Импликационал в данном случае дублируется эксплицитными единицами контекста *always nosing round*.

Рассмотрим некоторые случаи актуализации периферийных семантических признаков без вербальной поддержки со стороны лексического контекста, но когда структура контекста способствует раскрытию ассоциативных признаков. Интересные данные в этом отношении дает наблюдение за варьированием значения слова в контекстах, содержащих лексические оппозиции. Под ними мы имеем в виду не пары антонимичных слов, а любые слова, противопоставленные в одном высказывании логически. При наличии лексической оппозиции семантика одной единицы из оппозитивной пары раскрывается в сравнении с семантикой другой. При этом обе как бы подчеркивают наличие определенных семантических признаков или их отсутствие у противоположной единицы. Ср. примеры 15, 16, 17 и 18.

15. (Два летчика беседуют о ценностях человеческой жизни. Вернон Демерест под доводами собеседника постепенно теряет свой скептицизм) *Demerest grumbled «You should have been a lawyer, not a pilot»* (Н., А., 319). В словах *lawyer* и *pilot* семантический признак «специфика деятельности» реализуется в

динамике противопоставления. В слове lawyer, помимо интенционала (person who has studied law and can advise people on legal matters (H.D.)), актуализируется импликационал speaking convincingly, capable of finding sound arguments in a dispute и одновременно неимпликационал person trained to guide an aircraft, skilled in navigation and flight equipment и т. д., т. е. те признаки, которые в семантике слова lawyer отсутствуют. В слове pilot на фоне интенционала operator of an aircraft (W.D.) происходит обратное: актуализируется сильный импликационал person trained to guide an aircraft, skilled in navigation and flight equipment и неимпликационал convincingly speaking, capable of finding good arguments in a dispute. В контексте этого противопоставления раскрывается мысль Деметреста: его оппонент обладает незаурядной логикой мышления, способностью убеждать и отстаивать свое мнение, умением найти верные доводы, т. е. такими качествами, которые, по его мнению, пилоту самолета не нужны.

16. (Мисс Марпл рассуждает об особенностях человеческого характера) It's human nature I'm interested in, you know, and human nature is much the same whether it's *film star or hospital nurse* (Ch., M.C., 102). В данном случае оппозитивная пара представлена словами (film)star и (hospital)nurse. В слове star на фоне интенционала (actor or actress who is very well known to the public (H.D.)) реализуется сема «специфика деятельности», конкретизируемая семантическими признаками eventful, exciting, hectic work and life, а также неимпликационал tedious, monotonous work (and life). В слове nurse интенционал female person trained and employed to look after the sick (H.D.), на фоне которого реализуется сема «специфика деятельности» (tedious, monotonous work (and life)) и неимпликационал eventful, exciting, hectic work and life. Актуализация в словах star и nurse импликациональных признаков приводит к тому, что все высказывание приобретает скрытое обобщение: мисс Марпл интересуют самые разные люди, их мысли и поведение, независимо от их социального положения. Слова star и nurse являются как бы двумя полюсами, между которыми располагается целая галерея человеческих характеров и судеб. 17. (Молодой человек совершенно случайно и несправедливо оказывается в тюрьме по подозрению в убийстве. Подозрение пало на него, поскольку в разговоре с полицейским инспектором он вел себя двусмысленно и неосторожно. К нему обращается его деятельная невеста) If you read the papers a little better than you do, Jim, you would know that you must never talk to the *policeman* unless you have a strong *solicitor* sitting beside you making objections to every word (Ch., M.H., 75). Здесь оппозиция представлена парой policeman (интенционал member of the police) и solicitor (интенционал lawyer who gives advice to people on legal problems) (H.D.) В этой контрастивной ситуа-

ции лексем смысл высказывания раскрывается через оппозицию импликациональных признаков, поскольку противопоставление слов *policeman* и *solicitor* через интенционал не осуществляет выполнения коммуникативной задачи. Денотатами имен *policeman* и *solicitor* являются субъекты, представляющие юридическую систему государства, однако именно импликационалы этих имен позволяют раскрыть подлинный смысл высказывания. Несмотря на определенную функциональную общность денотатов в плане предметной отнесенности к области законности, между ними явное различие, ср.: импликационал слова *policeman* — *one that suspects, accuses*, в то время как импликационал слова *solicitor* — *one that defends against accusations*. 18. (Холден Колфилд об известном актере) *I just don't see what's so marvelous about sir Laurence Olivier, that's all. He has a terrific voice, and he's a helluva handsome guy, and he's very nice to watch when he's walking or dueling or something, but he wasn't at all the way D. B. said Hamlet was. He was too much like a goddam general* (S., C.R., 128). Семантика слова *general* раскрывается в оппозиции со словом *Hamlet*, точнее в оппозиции двух стереотипных образов: с одной стороны, сценического образа Принца Датского — меланхоличного, ранимого, тонко чувствующего и переживающего и, с другой — стереотипного образа армейского генерала — властного командира, начальственным голосом отдающего приказание подчиненным. В слове *general* происходит актуализация импликациональных признаков *commanding, imperious, peremptory*.

В некоторых случаях значение функциональных имен в речевых актах предстает в необычном качестве. Это качество связано с их частичной десемантизацией, когда интенционал (и импликационал) частично или полностью нейтрализуется. Анализ контекстов показал, что необходимыми условиями частичной или полной нейтрализации ядра и периферии значения функциональных имен оказываются а) предварительное выделение лица в тексте путем идентифицирования его именем собственным или с помощью беспризнаковых имен типа *man, woman, person* и других; б) предварительное употребление имени лица в тексте в функции предиката. Таким образом, частичная десемантизация функциональных имен в тексте находится в определенной зависимости от такой фазы развертывания текста, как его зачин, или же, как минимум, начиная со второго высказывания в цепи повествования. Проиллюстрируем оба вышеуказанных условия на конкретных примерах. Фраза 19 вводит читателя (слушателя) в курс событий, знакомит с действующими лицами: 19. *Nadina, the Russian dancer who had taken Paris by storm, swayed to the sound of the applause, bowed and bowed again* (Ch., M.B.S., 5). В этом высказывании оказались выполненными оба условия: а) интересующее нас лицо было идентифицировано именем собственным — *Nadina*, и б) акту-

альное функциональное имя было употреблено в функции предиката высказывания, в котором оказался реализованным интенционал dancer — person who dances. Одним из последующих этапов развития текста является сообщение о том, что некий посетитель хотел бы увидеть эту балерину и послал ей свою визитную карточку: 20. "Let me see". *The dancer stretched out a languid hand, but at the sight of the name on the card a sudden flicker of interest came into her eyes* (Ibid., 5). В этом случае в слове dancer происходит нейтрализация интенционала, поскольку для говорящего и слушающего факт рода деятельности лица в данном случае не важен, что можно подтвердить попыткой трансформировать высказывание *The dancer stretched out a languid hand* → *The person who dances stretched out a languid hand*. Такая трансформация показывает, что именование субъекта сообщения с точки зрения его профессиональных занятий в данном случае не является задачей высказывания, оно избыточно. Эта задача была осуществлена в предыдущем отрезке текста: *Nadina, the Russian dancer...* (пример 19). В данном случае важной оказывается последующая цепь действий конкретного персонажа (протянула руку за визитной карточкой, в глазах ее появился интерес и т. д.). Тем более несущественными для данного коммуникативного акта становятся периферийные признаки денотата, поэтому слово dancer, десемантизируясь, переходит в разряд индивидуализирующих знаков, основная семиологическая функция которых состоит в номинации отдельного объекта. Традиционно к индивидуализирующим знакам относили имена собственные (личные), или антропонимы и прозвища (Ермолович 1981: 1). В примере 20 функциональное имя dancer может быть заменено на имя собственное: **Nadina stretched out a languid hand...*, причем смысл высказывания от этого не пострадает, поскольку в коммуникативную задачу на данном этапе развития повествования входило не очерчивание функциональной роли персонажа, а продолжение повествования. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, говорящий может назвать референта тремя типами имен: собственным, реляционным или функциональным (Арутюнова 1973а: 50). В данном случае мы сталкиваемся с такими вариациями имен, как имя собственное и функциональное. Причина вариаций различных типов имен заключается, на наш взгляд, в стилистико-коммуникативном замысле: имея субъектом высказывания одно и то же лицо, говорящий стремится избежать повторов и прибегает к чередованию типов имен. Функциональное имя при этом утрачивает свои семантические особенности, т. е. свойство называть производителя действия, и называет референта в отрыве от его признаков и, таким образом, приближается по своей семантике к именам собственным.

Переход нарицательных имен в имена собственные — это гораздо менее изученное явление по сравнению с противопо-

ложным процессом (Щетинин 1962: 17). Однако в определенных речевых ситуациях круг денотатов функционального имени может настолько сузиться, что в итоге это имя называет только одного человека. Так происходит превращение имени нарицательного в имя собственное (Суперанская 1978: 68). И. К. Архипов также указывает на возможность гибкого речевого перехода от названий лиц, в которых отражается их конкретная деятельность, к названиям, в которых действие является лишь семантической этикеткой, и наоборот (Архипов 1984: 33). Такое превращение особо ощутимо при чередовании в тексте личного имени антропонима и функционального имени, переставшего выполнять функции указания на действие: 21. *Dr. Warren's house was almost next door to the police station. The doctor was just sitting down to dinner with his wife (Ch., M.H., 23)*. В первом высказывании выполняются необходимые условия последующей нейтрализации значения слова: персонаж идентифицируется собственным именем Warren, помимо этого лицо, именуемое Warren, получает предикатное оформление: Dr. Warren. Во втором высказывании в слове doctor происходит нейтрализация ядра и периферии. В этом высказывании трансформация с помощью дефиниции слова doctor — person who looks after people's health будет невозможна по причине своей смысловой избыточности: важно то, что человек по имени Уоррен садился обедать, когда его потревожили, а не то, что он врач, поскольку этот факт был сообщен ранее в речевом отрезке *Dr. Warren's house was almost next door to the police station*.

Десемантизированными с точки зрения способности передавать значение функции оказываются слова detective, secretary, butler в следующем тексте: 22. "It is of no consequence", said *the detective* (← Poirot). "Of no consequence whatever. What I really want to ask you is this, M. Raymond? Did any stranger come to see Mr. Ackroyd during the past week?" *The secretary* (← M. Raymond) reflected for a minute or two, knitting his brows, and during the pause Parker appeared in answer to the bell. "No", said Raymond (← Secretary) at last. "I can't remember anyone". "Can you, Parker?" *The butler* (← Parker) reflected for a minute or two (Ch., M.K.A., 79). В данном отрывке происходит чередование функциональных имен detective, secretary, butler и имен собственных Poirot, Raymond, Parker, которым присуща лишь индивидуализирующая функция, но никак не функция указания на деятельность, за исключением частных случаев типа Tommy Atkins — солдат, Bobby Peeler — полицейский, Mrs. Suds — прачка и т. д. (примеры даются по работе Л. М. Щетинина (1962: 12)).

Переход функциональных имен в имена собственные отчетливо наблюдается при употреблении имен нарицательных в роли обращений, т. е. в апеллятивах (Оликова 1979: 39), в част-

ности, в апелляциях, образованных из функциональных имен, называющих людей по чину, званию, ученой степени. Такой переход особенно отчетливо выражен в случае употребления этих функциональных имен в качестве «сигнала антропонимов» (Болотов 1971: 12), типа Captain Nichols, Major Burnaby, Doctor Pearson и т. д.: 23. You see, Major Burnaby, I am engaged to Jim -- Jim Pearson, you know. And naturally I am terribly anxious about him (Ch., M.H., 101).

Апеллятив как проявление речевого этикета отражает определенную социальную, служебную дифференциацию людей, характеризует возникшие между ними отношения, поэтому в ряде случаев нейтрализация интенционала влечет за собой актуализацию импликационала, который выполняет социолингвистическую функцию. В одних случаях в импликационале апеллятива могут актуализироваться сема «высокое служебное положение» или оценочная сема, отражающие отношение говорящего к конкретному лицу. Так, в следующей неформальной ситуации общения говорящий, находящийся в доме сенатора по приглашению его дочери, употребляет апеллятив Senator: 24. There were glasses and a crystal decanter on a mahogany table. As Sharon poured sherry, Alan ventured, "You have a beautiful home, Senator" (H., H.P., 127). В этой ситуации вполне допустимым оказалось бы обращение с менее формальным личным именем Mr. Deveraux, однако Алан употребляет функциональное имя Senator, в котором на фоне интенционала member of the upper house of parliament актуализуется прагматическая сема person of respect due to his position in society.

Вместе с тем апеллятив может передавать совершенно иное отношение говорящего к собеседнику, особенно в случае перехода от имени собственного к нарицательному функциональному. В этом случае употребление антропонимов можно расценивать как показатель неформального отношения между говорящими или неформального характера их беседы, в то время как переход к функциональному имени означает изменение отношения одного из коммуникантов к другому, недовольство, желание поставить его на свое место, подчеркнуть свое собственное положение, т. е. так или иначе направить беседу в формальное русло: 25. Harvey Warrender's voice boomed down the phone. "What can I do for you?" "I'd like to see you, Mr. Minister". With most Cabinet members Brian Richardson was on first name terms. Warrender was one of the few exceptions (Ibid.: 343). Раскроем макроконтекст данной ситуации: Уоррендер и Ричардсон — соратники по политической партии, прекрасно знают друг друга, но в их отношениях произошел раскол. В данном случае для Ричардсона существует альтернатива: обратиться к собеседнику по его личному имени или обозначив его должность. Он выбирает второе, и в данном случае слово minister оказывается прагматически маркированным.

Прагматика этого слова заключается в намерении говорящего предупредить возможность неформального диалога, дать понять собеседнику, что между ними возможна сугубо деловая беседа, в то время как интенционал *member of a government in charge of a department* затушевывается. Как видно из примеров 24 и 25, в формировании речевого значения слов *Senator* и *Minister* активную роль играет прагматический компонент, результатом действия которого является не только то, что эти функциональные имена приобретают характер индивидуализирующих знаков, но и то, что по своей семантике они приближаются к именам, называющим людей по признаку социального и имущественного положения (*person of a certain rank in society*).

Сближение нарицательных существительных функциональных имен с именами собственными особенно очевидно в тех случаях, когда носитель функционального имени находится в ситуации, не связанной с его деятельностью, о чем сигнализирует макроконтекст. К примеру, в нижеприведенном отрывке действие разворачивается в английской деревушке. Хозяйка дома собирает небольшую компанию для игры в карты. В определенный момент центром внимания становится отставной майор Барнэби. Выясняется, что в молодости он был неплохим спортсменом: 26. "You won the Army Racquets Championship, too?" asked Violet. *The Major* blushed like a girl. "Who told you that?" he mumbled (Ch., М.Н., 11). В отрыве от "естественной" ситуации употребления функционального имени, которой в данном случае для слова *major* могла бы быть, скажем, ситуация в армейском коллективе, с существующей там субординацией, оно теряет свое логико-предметное содержание (*major* — *army officer above captain*). Таким образом, в данной речевой ситуации именование через указание на деятельность, звание оказывается лишь только этикеткой, личным именем конкретного человека, эквивалентом имени собственного.

Однако переход функционального имени в индивидуализирующий знак менее ощутим (или, точнее, семантика его не освобождается от функционального значения) в тех случаях, когда употребление его происходит на фоне «естественной» ситуации, т. е. такой, в которую референт функционального имени естественным образом вписывается. Это — сфера деятельности, подразумевающая вполне конкретных участников. Так для имени *doctor* естественной ситуацией будет ситуация, представляемая словом *hospital*, для имени *teacher* — *school* и т. д. Поэтому в нижеприведенном диалоге, для которого ситуативным фоном является описание работы больницы, апеллятивным употребленное *doctor* не совершает полного перехода в индивидуализирующий знак: 27. "The autopsy, however, showed the man had a healthy heart and no other physical condition which might have caused him to fall". "I know all that" Pearson cut

her short. "I'm sorry, *doctor*" (Н., F.D., 6). Значение слова *doctor*, наряду с индивидуализирующей функцией (выделение Парсона из ряда других), выполняет функцию именованной определенной деятельности (*doctor* — person who looks after people's health (H.D.)). К тому же в диалоге раскрывается асимметрия ролей его участников: мисс Милдред (P_x) < доктор Парсон (P_y). В результате асимметрии ролей в апеллятиве *doctor* реализуется сема «лицо, старшее по положению».

СОКРАЩЕНИЯ

- ГБ — Беляева М. А. Грамматика английского языка. М., 1977.
 ГБШ — Бархударов Л. С., Штелинг Д. А. Грамматика английского языка. М., 1973.
 ГВ — Винокурова Л. П. Грамматика английского языка. Л., 1954.
 ГК — Gordon E. M., Krylova I. P. A Grammar of Present Day English. Moscow, 1986.
 ГКИ — Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л., Кожевникова О. Н. и др. Грамматика английского языка. Л., 1963.
 ГГ — Качалова К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка. М., 1957.
- A. I. — Asimov I. The End of Eternity. Greenwich, 1971.
 Asp. — Milk Raj Anand. Aesop's Fables. New Delhi, 1987.
 B., H. E. — Bates H. E. The Scarlet Sword. Harmondsworth, 1977.
 B., J. — Benchley P. Jaws. London, 1975.
 C. — Updike J. The Centaur. London, 1966.
 C. & H. — Castle J., Hailey A. Flight into Danger. London, 1971.
 C. A. — Christie A. Selected Stories. Moscow, 1976.
 C. E. — Przybyla J., Stryjecki M. Commercial English. Warsaw, 1972.
 C., F. M. L. — Chandler R. Farewell, My Lovely. Moscow, 1983.
 Cr., H. C. — Cronin A. J. Hatter's Castle. Moscow, 1960.
 Ch., M. C. — Christie A. The Mirror Crack'd. New York, 1964.
 Ch., M. B. S. — Christie A. The Man in the Brown Suit. London, 1953.
 Ch., M. H. — Christie A. Murder at Hazelmoor. New York, 1966.
 Ch., M. K. A. — Christie A. The Mystery of King's Abbot. Moscow, 1980.
 Dr., Am. Tr. — Dreiser Th. An American Tragedy. Moscow, 1949.
 EGC — Warriner J. E. English Grammar and Composition. Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1982.
 F. F. S. — Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. Kiev, 1973.
 F. W. — Faulkner W. The Reivers. Harmondsworth, 1970.
 F., R. B. — Fitzgerald S. The Rich Boy // The Penguin Book of American Short Stories. [S. 1.], 1976.
 G., E. C. — Galsworthy J. End of the Chapter. Vol. 1-2. Moscow, 1960.
 H. — Hemingway E. A Day's Wait // Selected Stories by Ernest Hemingway. Moscow, 1971.
 H., A. — Hailey A. Airport. London, 1971.
 H. A. — Hailey A. In High Places. London, 1970.
 H. D. — Harrap's Mini Pocket English Dictionary. London, 1983.
 H., Dic. — Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1974.
 H., F. A. — Hemingway E. A Farewell to Arms. Moscow, 1969.
 H., F. D. — Hailey A. The Final Diagnosis. Leningrad, 1978.

- H., H. P. — Hailey A. In High Places. London, 1975.
H., Isl. — Huxley A. Island. Moscow, 1966.
Hux. A. a. — Huxley A. Crome Yellow. Moscow, 1976.
Hux. A. b. — Huxley A. Antic Hay. Frogmore, 1977.
Hux. A. c. — Huxley A. After Many a Summer. Harmondsworth, 1974.
J. J. — The Essential James Joyce / Ed. by H. Levin. Harmondsworth, 1969.
L. D. H. — Lawrence D. H. Women in Love. Harmondsworth, 1970.
Leech — Leech G., Svartvik G. A Communicative Grammar of English. Moscow, 1983.
L. J. — London J. The Call of the Wild. White Fang. Moscow, 1976.
L. R. — Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. London, 1973.
L., N. C. — Livings H. Nil Carborundum // New English Dramatists. Vol. 6. London, 1963.
M., Al. — Morton M. Alibi. London, 1929.
M. S. — Maugham S. The Complete Short Stories. New York, 1967.
MASS — Modern American Short Stories. Moscow, 1960.
M., C. A. — Maugham S. Cakes and Ale, or the Skeleton in the Cupboard. Moscow, 1980.
McC., M. W. — McCullers C. The Member of the Wedding. New York, 1976.
MESS — Modern English Short Stories. Moscow, 1978.
M., Rain — Maugham W. S. Rain. Short Stories. Moscow, 1979.
Mur., F. D. — Murdoch I. A Fairly Honourable Defeat. London, 1979.
M., St. — Maugham S. Stories. Leningrad, 1976.
PEG — A Practical English Grammar. Collier Macmillan International, Inc., Moscow, 1978.
P. J. B. — Priestley J. B. Angel Pavement. Moscow, 1974.
P. M. — Puzo M. The Godfather. London, 1970.
Pr., A. P. — Priestley J. B. Angel Pavement. Moscow, 1974.
P., Trel. — Pinero A. Trelawny of the «Wels». London, 1936.
Quirk — Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik G. A University Grammar of English. London, 1976.
RGSE — Close R. A. A Reference Grammar for Students of English. Moscow, 1979.
S. A. — Sillitoe A. Key to the Door. Moscow, 1969.
S. C. P. — Snow C. P. Last Things. Harmondsworth, 1979.
S., C. R. — Salinger J. D. The Catcher in the Rye. Moscow, 1979.
S., Odd. — Simon N. The Odd Couple. New York, 1966.
S. W. — Saroyan W. Short Stories. Moscow, 1972.
Th. G. — Thomas O. Transformational Grammar and Teacher of English. New York, 1965.
U. J. — Updike J. Rabbit, Run. Harmondsworth, 1970.
UGE — Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik G. University Grammar of English. London, 1976.
V. K. a. — Vonnegut K. Jr. Sirens of the Titan. New York, 1973.
V. K. b. — Vonnegut K. Jr. Slaughterhouse-Five. Frogmore, 1972.
W. E. — Waugh E. The Ordeal of Gilbert Pinfold. Tactical Exercise. Love among the Ruins. Harmondsworth, 1977.
W., Els. — Wodehouse D. G. Blandings Castle and Elsewhere. London, 1975.
W., E. S. — Weinreich U. Explorations in Semantic Theory. The Hague; Paris, 1972.
W. D. — Webster's Ninth Collegiate Dictionary. Webster, 1985.
W., P. M. E. — Waugh E. Prose. Memoires. Essays. Moscow, 1980.
W., S. U. — Williams T. "Something Unspoken" and "Suddenly Last Summer". London, 1959.

- Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973а.
- Адмони В. Г. Типология предложения и логико-грамматические типы // Вопросы языкознания. № 3. 1973б.
- Аксененко Б. Н. Предлоги английского языка. М., 1956.
- Актуализация предложения: В 2 т. Т. 1: Категории и механизмы / Под ред. А. В. Зеленщикова. СПб., 1996.
- Альтман Т. Б. О семантике локализаторов в структуре предложения // Проблемы структурной лингвистики. 1978 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1981.
- Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. 1972 / Отв. ред. С. К. Шаумян. М., 1973.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в слове // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., Т. 45, № 3. 1986.
- Арутюнова Н. Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора // Вопросы языкознания. № 1. 1973а.
- Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова // Филологические науки. № 3. 1973б.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Волгоградские чтения, XI / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1982.
- Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова Н. Д. Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Архипов И. К. Семантика производного слова английского языка. М., 1984.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Басова Р. В. Лингвистический статус категории объектности в английском языке // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1978.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
- Богданов В. В. Актанты и сирконстанты // Проблемы членов предложения в индоевропейских языках. Грозный, 1978.
- Богданов В. В. Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол // Содержательные аспекты предложения и текста / Отв. ред. И. П. Сусов. Калинин, 1983.
- Богданов В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.
- Болотов В. И. Актуализация антропонимов в речи: Автореф. канд. дис. Л., 1971.

- Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Брудный А. А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев. М., 1976.
- Буланкова О. В. Лексическая сочетаемость дупереходных глаголов в современном английском языке // Вопросы германской и романской филологии. Новосибирск, 1970.
- Бурлакова В. В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Л., 1975.
- Бурлакова В. В. Синтаксические структуры современного английского языка. М., 1984.
- Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка. Л., 1984.
- Варшавская А. И., Долинина И. Б. Однолексемные глагольные конверсивы в деривационном синтаксисе // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 1 / Отв. ред. А. С. Герд. Л., 1978.
- Варшавская А. И., Карташкова Ф. И., Кузьмина Т. Е., Сафронова Т. Н. Естественное языковое обеспечение процедуры классификации. Л., 1991.
- Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка / Отв. ред. В. В. Петров. М., 1986.
- Верещагин Е. М. К психолингвистической теории слова: Тексты лекций. М., 1979.
- Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопросы языкознания. № 1. 1954.
- Волвенкин Ю. И. Синтаксическая обусловленность проявления референциального и сигнификативного аспектов значения в предметных существительных (на материале современного английского языка): Автореф. канд. дис. Л., 1982.
- Гак В. Г. О семантическом инварианте и синонимии предложения // Вопросы романо-германской филологии: Синтаксическая семантика / Отв. ред. О. И. Москальская: Сб. науч. трудов Моск. гос. пед. ин-та им. М. Горького. Вып. 112. М., 1977.
- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. Л., 1986.
- Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
- Грин Н. В. Семантические классы глаголов, сочетающиеся с абстрактными существительными в роли подлежащего: Автореф. канд. дис. СПб., 1992.
- Долинина И. Б. Структура пассивных предложений с трехантными глаголами в английском языке // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках / Отв. ред. В. Г. Адмони. Л., 1979.
- Еремеева Н. И. Проблема переходного и непереходного употребления глагола в современном английском языке // Научные докл. высшей школы. Филологические науки. № 2. 1967.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Ермолович Л. И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков (на материале именованных лиц в английском языке): Автореф. канд. дис. М., 1981.
- Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
- Иванов Вяч. Вс. Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. 1971 / Ред. колл.: И. В. Блауберг, В. П. Зинченко, Ю. А. Лсвада и др. М., 1972.
- Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.
- Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. М., 1976.

Карташкова Ф. И. Функционирование в тексте слов неполной номинации (на материале английских существительных kind, fact): Автореф. канд. дис. Л., 1979.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях / Сост. В. А. Звегинцев. Ч. 2. М., 1965.

Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

Касимова Г. К. Глаголы со значением информации и субъектные связи их предикатных форм // Слово и грамматические законы языка: Глагол / Отв. ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин. М., 1989.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Сватвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов. М., 1982.

Коваль С. А. Роль реляционных существительных в построении словосочетания и предложения: Автореф. канд. дис. Л., 1990.

Котдаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975.

Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969.

Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика / Под ред. Ю. А. Сорокина. М.: Наука, 1988.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. М., 1980.

Кураев В. И. Форма и содержание // Категории диалектики как ступени познания / Отв. ред. А. П. Шептулин. М., 1971.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.

Мачнева Л. Ф. Безобъектное употребление переходных глаголов в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Л., 1988.

Мещанинов И. И. Глагол. М., 1982.

Милль Дж. Система логики силлогической и индуктивной. М., 1900.

Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / Отв. ред. В. П. Недялков. Л., 1969.

Никитин М. В. Комментарий // Palmer F. R. Semantics: A New Outline. Moscow, 1982.

Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Оликова М. А. Обращение в современном английском языке. Львов, 1979.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Отв. ред. Б. Ю. Городецкий. М., 1986.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Падучева Е. В. Суждение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Петрова Е. С. Пределы структурно-семантического развертывания антропонимов: Канд. дис. 10.02.04. Л., 1985.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Ревзин И. И. Логико-грамматический тип предложений тождества // Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков / Отв. ред. В. Г. Адмони. Л., 1975.

Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и possessивных конструкций в английском языке // Категория бытия и обладания в языке / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1977.

Серсбренников Б. А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б. А. Серсбренников. М., 1970.

Сильницкий Г. Г. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: Автореф. докт. дис. Л., 1974.

Сильницкий Г. Г. Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск, 1986.

Скаличка В. О переносных значениях в грамматике // Езиковедски изследованија в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.

Смолина М. В. О синтаксических синонимах, употребляемых после глаголов приказания в английском языке // Исследования по синтаксису английского языка. Ч. 2 / Отв. ред. Н. Ф. Иртеньева. М., 1961.

Спорные вопросы английской грамматики / Отв. ред. В. В. Бурлакова. Л., 1988.

Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975а.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975б.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / Отв. ред. Б. Ю. Городецкий. М., 1986.

Сунеранская А. В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка // Имя нарицательное и собственное / Отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1978.

Теоретическая грамматика современного английского языка / Отв. ред. В. В. Бурлакова. М., 1981.

Третьяков Ю. П. Семантика и взаимодействие логико-грамматических типов предложения // Трёхаспектность грамматики (на материале английского языка) / Отв. ред. В. В. Бурлакова. СПб., 1992.

Третьякова Т. П. Английские речевые стереотипы. СПб., 1995.

Тюхтин В. С. Категории «форма» и «содержание» и их анализ // Вопросы философии. № 10. 1971.

Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962.

Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1974.

Хорнби А. С. Конструкции и обороты современного английского языка. М., 1960.

Цейтлин С. Н. Система синтаксических синонимов // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках / Отв. ред. В. Г. Адмони. Л., 1979.

Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.

Чесноков П. В. О предикативности как свойстве предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков / Отв. ред. В. Г. Адмони. М., 1975.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шведова Н. Ю. Грамматика русского языка. М., 1970.

Шведова Н. Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка. Глагол / Отв. ред. Н. Ю. Шведова, В. З. Лопатин. М., 1989.

Шмелева Т. В. О семантике структурной схемы предложения // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 37. № 4. 1978.

Шрейдер Ю. А. Теория множеств и теория систем // Системные исследования. 1977 / Редкол.: И. В. Блауберг, В. П. Зинченко, Ю. А. Левада и др. М., 1978.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

Щетинин Л. М. Переход собственных имен в нарицательные как спо-

соб расширения словарного состава языка: Автореф. канд. дис. М., 1962.

Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984.

Юрин И. А. О двух способах регистрации структуры лексико-семантической группы слов на парадигматическом уровне (ЛСГ глаголов мыслительной деятельности) // Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи / Отв. ред. А. В. Юрин. Краснодар, 1988.

Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.

Ярцева В. Н. О двух приглагольных дополнениях // Иностраный язык в школе. № 3. 1948.

Ярцева В. Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках разных типов // Члены предложения в языках различных типов / Отв. ред. В. М. Жирмунский. Л., 1972.

Anderson J. The Grammar of Case. Towards a Localistic Theory. Cambridge, 1971.

Anderson S. On the Role of Deep Structure in Semantic Interpretation // Foundations of Language. N 2. 1971.

Austin J. L. How To Do Things with Words. New York, 1962.

Bennett D. C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions. London, 1975.

Breivik L. E. The Use and Non-use of Existential «There» in Present-Day English / Forum Linguisticum. Contributions to Applied Linguistics II. Frankfurt/M., 1975.

Chatman S. The Classification of English Verbs by Object Types // International Conference on Machine Translation of Languages and Applied Analysis. Vol. 1. London, 1961.

Close R. A. A Reference Grammar for Students of English. М., 1979.

Cooper W. E. and Cooper J. P. Syntax and Speech. London, 1980.

Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory / Ed. by E. Bach, R. Harms. New York, 1968.

Fillmore Ch. Types of Lexical Information // Studies in Syntax and Semantics / Ed. F. Kiefer. Dordrecht, 1969.

Fowler H. W. Dictionary of Modern English Usage. New York; Oxford, 1965.

Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts. New York, 1975.

Gleason Jr. Linguistics and English Grammar. New York, 1965.

Hjelmslev L. La catégorie des cas // Acta Jutlandica. Vol. 7. 1935.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Vol. 6. 1936.

Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. London; Copenhagen, 1965. Pt. 3. Syntax. Vol. 2.

Kastovsky D. Causatives // Foundations of Language. Vol. 10. N 2. 1973.

Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // Progress in Linguistics. The Hague; Paris, 1970.

Kripke S. A. Naming and Necessity. Cambridge (Mass.) 1980.

Kurilowicz J. The Role of Spatial Elements in Linguistic Evolution // Semiotica. Vol. 5. N 2. 1972.,

Labov W. Contraction Deletion and Inherent Variability of the English Copula // Language. Vol. 45. N 4. 1969.

Lakoff G. Irregularity in Syntax. New York, 1970.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago; London, 1987.

Lakoff R. The Logic of Politeness; of Minding Your P's and Q's // Papers from the 9-th regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973.

Langendoen D. T. The Study of Syntax. New York, 1969.

Leech G. N. Towards a Semantic Description of English. Bloomington;

London, 1970.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. London; New York, 1983.

Leech G. N., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. Moscow, 1983.

Lindkvist K. A. Comprehensive Study of Conceptions of Locality in Which English Prepositions Occur. Stockholm, 1976.

Lyons J. Semantics. Vol. 2. London, 1979.

Nilsen D. F. The Instrumental Case in English. Syntactic and Semantic Considerations. The Hague; Paris, 1973.

Platt J. T. Grammatical Form and Grammatical Meaning. Amsterdam; London, 1971.

Palmer F. R. A. Linguistic Study of the English Verb. London, 1966.

Palmer F. R. Semantics: A New Outline. Moscow, 1982.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik G. A University Grammar of English. London, 1976.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik G. A University Grammar of English. Moscow, 1982.

Schwartz-Norman L. The Grammar of «Content» and «Container» // Journal of Linguistics. Vol. 12. N 2. 1976.

Shibatani M. The Grammar of Causative Constructions: a Conspectus // Syntax and Semantics. Vol. 6 / Ed. by M. Shibatani. New York, 1976.

Wojcik R. H. Where Do Instrumental NPs Come From? // Syntax and Semantics. Vol. 6 / Ed. by M. Shibatani. New York, 1976.

Wood F. T. English Prepositional Idioms. London, 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть I. Система моделей английского предложения	5
Глава 1. Система основных моделей предложения в английском языке	—
Глава 2. Вариативность как особенность логико-грамматических типов предложения	30
Глава 3. Взаимодействие моделей предложения и лексико-семантических групп глаголов (на материале практических грамматик)	37
Часть II. Глагол и варианты моделей	48
Глава 1. Модели предложений с переходными глаголами	—
Глава 2. Трехактантная локативная модель предложения и ее варианты	69
Глава 3. Катенативные структуры	101
Глава 4. Перформативные глаголы и перформативные предложения	107
Часть III. Существительные и варианты моделей	127
Глава 1. Структурно-семантические варианты бытийного предложения с «there + be»	—
Глава 2. Связочная модель предложения с релятивными существительными и ее варианты	139
Глава 3. Английские имена лица и их семантико-синтаксические особенности	153
Сокращения	169
Литература	171